

A close-up photograph of a musician with long, wavy blonde hair, wearing a plaid shirt and multiple necklaces, playing a red electric guitar. The background is a warm, orange-toned stage setting with blurred figures of other people.

Яков Пикин

**Три огурца на
красном
заднике**

18+

ЯКОВ ПИКИН

Три огурца на красном заднике

«Автор»

2026

Пикин Я.

Три огурца на красном заднике / Я. Пикин — «Автор», 2026

Длинноволосый парень с гитарой на сцене, школьный ВИА и сотня красивых девушек, танцующих под музыку внизу - ах, что может быть романтичней!

Когда –то пластинки с западными исполнителями стоили больших денег. Иногда просто половину месячной зарплаты. Чтобы донести до людей музыку, создавались вокально-инструментальные ансамбли, сокращённо ВИА.

Наш рассказ об одном из непрофессиональных музыкантов Леониде Арье, который волей случая попал в профессиональный инструментальный ансамбль, работавший на танцверанде городской зоны Отдыха. На зоне Отдыха Лео, как называли его приятели, знакомится с тремя отдыхающими девушками Сесилией, Зоей и Наташей и по очереди влюбляется в каждую из них. Когда однажды Лео делает окончательный выбор в пользу Сесилии, предложив ей руку и сердце, в его жизни начинают происходить события, которые уводят его далеко от целей, поставленных однажды перед ним его честолюбивой мамой и им самим.

© Пикин Я., 2026

© Автор, 2026

Яков Пикин

Три огурца на красном заднике

©

ЭПИГРАФ

Город спит в ночи, и Луна ушла за тучи
Озаряя тускло небосвод
Я иду себе, напевая "рокки-чуччи"
Как самый отъявленный пижон.
(проигрыш)
Через Би-Би-Си нам известны все джазисты
И хиляю я с чувихою любой
И недаром я зовусь поп-гитаристом
А на самом деле я совесткий бизнес-бой
О, yes!
(проигрыш)
И под Юрай Хипп мы торчим своей конторе
Сухачём дешёвым наполняя животы
А потом, как всегда, накачавшись до упора
Обалдевши в кайф мы орём до хрипоты
Oh, yeh!.....
(из дворового фольклора советского периода)

©

ПРОЛОГ

Колонка бас- гитары хрипела так, будто свинье пропорол бок. В ламповом усилителе УЭМ-50, у которого для большего охлаждения сняли верхний металлический кожух, бешенно мигали от напряжения лампы.

Техник школьного вокально –инструментального ансамбля «Сезон» Миша Хомяков, по прозвищу Микки, вот уже пол -часа безуспешно пытался наладить усилитель, чтобы тот нормально работал, но у него это всё никак не выходило. Наконец, бросив в отчаянии отвёртку, он положил ладонь на лоб и замер, как замирают теоретики науки над чересчур сложной задачей.

- Миша, сделай что –нибудь! – Умоляюще произнёс стоящий над ним на сцене с гитарой наперевес лидер школьной группы Тарас Зимкин, у которого от волнения и стресса выскочила на носу стайка потливых росинок:

– Через пол –часа народ запустят, а у нас усилитель не работает!

- Ну и что? Ко второму подключим, там два входа, - часто заморгал в ответ на его слова Микки. Он всегда быстро моргал, когда рядом с ним кто –то терял терпение.

- Ты обалдел? – От возмущения закричал фальцетом Зимкин. – Чтоб бас с «Йоникой» из одной колонки шли?! Да там такая каша будет, не то, что народ, что сам чёрт музыки не услышит!

- Что же я могу сделать? Он живёт своей жизнью, со мной не советуется! – Показав на усилитель, часто заморгал Микки.

- Найди где -нибудь лампу, Миша! – Заорал уже Зимкин. Вообще –то он мог в самые критические запросто мог впасть с истерику. Не лучшее, кстати, свойство для полководца.

- Да где я тебе её сейчас найду? – Ещё пуще заморгал Хомяков, сразу став похожим на испорченную лампу в усилителе.

- Где угодно! – Сжав покрепче гитару и сделав в его сторону поклон, с красным от натуги лицом, прошипел Зимкин. - Мне всё равно. Хоть в директорском кабинете!

- Слышай, а это идея! – Микки перевёл взгляд с Зимкина на своего друга, гитариста Ва Жировских, который всё это время, стоя в уголке и поглядывая на них обоих, отрабатывал сольный проход на гитаре.

Подскочив со стула, Хомяков крикнул:

– Эврика, чуваки. Знаю! Ждите, сейчас вернусь!

Он побежал, уже почти дойдя до дверей, снова вернулся, схватил из ящика под столом отвёртку и, сказав:

- Минут десять порепетируйте на неподключенных. Я скоро.

И снова побежал к выходу.

В это самое время директор школы и по совместительству мама Тараса Зимкина Людмила Александровна Зимкина выходила из своего кабинета в сопровождении завуча Марии Ивановны Сутуловой. Они обе торопились на расширенный Педсовет, где должны были, кроме всего прочего обсуждать вопросы предстоящих школьных экзаменов у выпускников, а также поведение отдельных учащихся, которые позволяли себя прогуливать в преддверии экзаменационной поры. У входных дверей школы они вдвоём на минутку задержались, привлечённые шумом толпы молодёжи на улице, нетерпеливо ждущей, когда их запустят на школьный танцевальный вечер.

- Ваня, смотри, чтобы не было пьяных! – Крикнула она на ходу старшему из ребят, дежурившему у входа, парню атлетического сложения по фамилии Лихолетов.

- Не волнуйтесь, Людмиласанна, с запахом никто не пройдёт. – Отозвался Ваня, школьный силач и любимец учителя физкультуры. - А когда их уже можно будет уже впускать то?

- Давай минут через десять, - посмотрев на часы, сказала директор. Потом, обернувшись к завучу добавила:

- Не понимаю, кто придумал эти вечера? Была б моя воля, я бы их запретила!

- Ой, не знаю, Людмила Александровна, если запретить, они, думаете, себе тогда другого развлечения не найдут? – Спросила ничуть не более либеральная, но куда более предусмотрительная Мария Ивановна:

- Да прямо в ближайшем подъезде, может быть, даже вашем. У меня вот тут недавно прямо такой устроили, ужас...Я иногда, знаете, когда лифт сломается, по лестнице иду, так господи, чего ж там только нет – и бутылки, и окурки, и лужи, простите за такие подробности! Чем так, пусть уже лучше приходят в школу и танцуют на глазах у всех!

- Это да, с такими доводами не поспоришь, - с серьёзным видом кивнула Людмила Александровна.

На улице в это время, переминаясь с ноги на ногу, и с нетерпением поглядывала на школьные двери, дымилась паром толпа молодёжи. Падал снег. Поглядывая сверху вниз, нецензурно обзывала толпу ворона с дерева.

Справа от школы белела запорошенная уже первым снежком спортивная площадка с понуро висящими на щитах баскетбольными кольцами, козлом для прыжков, и гимнастическими брусками. Какие –то подростки у леса, нахохлившись и вибрируя от холода, гоняли по кругу окурков, ёжась при порывах ветра и воровато оглядываясь по сторонам.

Стоял ноябрь, с самого утра воздух замутневался туманной сыростью, а небо затягивалось промозглой хмарью. Неуютно и тускло горела под школьным козырьком примурованная толстым овальным плафоном лампа. В такую погоду хотелось зайти в тепло и долго оттуда не выходить. Но перед этим неписанный закон требовал до посинения губ и носов стоять перед закрытой дверью на холоде и ждать, чтобы заработать на это право.

- Чего они там тянут? - унылым голосом спросила одна девушка другую, шмыгнув носом. –Так же и околеть можно!

- Не знаю, - выдав зубами дробь, которой бы позавидовал сам Джон Бонэм, ответила её подруга.

Девушке было лет пятнадцать, не больше. На ней была куртка их кождаменителя, почти не греющая, но зато выглядящая издалека модной. Из-под неё наружу выглядывал рыжий хомут вязаного свитера. Тот же свитер выглядывал и из рукавов куртки, раструбы которых девушка, шмыгая от холода носом, то и дело вытягивала, чтобы спрятать в них озябшие, посиневшие от холода руки. Голову девушки украшала морская зимняя форменная шапка с кокардой вместо краба. Пальцы её, не развитые, с коротко постриженными, покрытыми голубым лаком ногтями, были унижены дешёвыми из пластмассы кольцами и перстнями из нержавеющей стали.

Из-под куртки сзади у неё виднелся эрзац синих отечественных джинсов той заурядной марки, которые в отличие от настоящих никогда не «тёрлись», не меняли цвета, а лишь безобразно вытягивались, превращаясь со временем в нечто бесформенное. На ногах у девушки белели кеды, глянув на которые любой и не беспочвенно мог начать крутить пальцем у виска, потому что в холод такие кеды не грели, а напротив охлаждали, впрочем, большинство сверстников девушки отнесли бы к такой обуви вполне снисходительно, учитывая общий низкий уровень жизни и зарплатный минимум.

Ответив подруге, и одновременно с этим снова выдав зубами дробь, девушка посмотрела на подругу и вяло улыбнулась. Подруга тоже скривила губы в ответ, плотнее прижав к щекам воротник пёстрого габардинового пальто, какие охапками продавались в Детском мире по цене сорок пять рублей за штуку. После этого она натянула пониже связанную бабушкой шапочку, из купленной за пятерик ровницы на рынке, и одновременно закопала нос в мамин мохеровый платок, который, надо сказать, был вещью вообще бесценной в таких погодных условиях.

- Холодно, атас! – Пробормотала она.

- Блин, да вечно у них всё в последний момент! – Тоже стуча от холода зубами, приотнесла их третья подруга, черноволосая, приземистая и крепко сбитая, с мощными, как у борца сумо руками. У девушки были узкий лоб, узкие глаза, узкие брови, узкая переносица, от которой вырастал широкий нос в форме седла, выпуклые губы, двойной подбородок и толстые, как осенние яблоки, щёки. Звали девушку Римма.

Одета Римма была в косуху из кождаменителя табачного цвета, маловатую ей по размеру, из -под которой мощным тараном выпирали уже две боевые торпеды не по возрасту развитой груди. Под косухой у девушки ещё был свитер бледно -сиреневого цвета с горлом типа «хомут». Шапки на ней не было. Вместо этого на голове возвышался начёс, который она без конца взбивала красными от холода пальцами, проверяя, не опустился ли он вниз, но добиваясь этим, как это часто бывает, прямо противоположного результата. Снег всё шёл, а просушить волосы было негде.

Ходить в то время без шапки зимой было особым шиком, но отважиться на это могли лишь «очень крутые», «безбашенные» или «совершенные оторвы», к которым, девушка как видно себя видно причисляла. Снизу она была одета в чёрную юбку с разрезом посередине, из-под которой виднелись, как у многих в эту погоду, толстые шерстяные рейтузы.

Рейтузы в те времена не просто грели, а были ещё и своеобразной страховкой от проникновения шальных мальчишеских рук, которые, дай им только волю, обязательно к тебе лезли, особенно если кавалер перед этим выпил пару глотков портвейна. Вообще –то обычные рейтузы продавались в магазине с резинкой на поясе, но эти были усовершенствованы. Вместе с резинкой в паз у Риммы была ещё вставлена толстая верёвка, которая завязывалась на поясе узлом. Мало кому из представителей мужского пола удавалось развязать его, таким он был сложным.

Девушка без шапки время от времени одёргивала юбку то ли боясь замёрзнуть, то ли не желая ещё больше оголить толстые, оковалистые ноги, облаченные в эти мглистого цвета шерстяные рейтузы. Она всё время шмыгала носом, вытирая его то и дело манжетом куртки.

– Оделась, главное, блин, как в кино. – Выпуская пар изо рта и поглядывая на двери школы, ворчала она. – Думала, сразу пустят.

- Да, ты, Римк, вечно прямо как будто сейчас лето на дворе выступаешь... - осклабилась ей более удачливая в плане одежды её подруга. – В лёгком весе!

Обе девушки, та, что с кольцами и та, что в габардиновом пальто, затряслись беззвучным, похожим на пламя восковой свечи, смехом.

- А чего побаиваться -то, - глядя в сторону и тем показывая, что она не желает стать предметом насмешек, шмыгала носом Риммка. Но, видя, что подруги продолжают хихикать над ней, решила окоротить их, заявив громко, но не настолько, чтобык ним стали поворачиваться:

- На себя бы посмотрели! Кикиморы две! Запеленались, как старухи, а всё туда же – на танцы они собрались, блин!

Девушки в ответ, как колокольчики на ветру, зашлись в новом приступе задушевного смеха, который быстро иссяк, уступив место дрожанию и, пошмыгав носами, все три девицы снова устремили свой взор на школьные двери, которые пока ещё оставались закрытыми.

У самых дверей школы в это время тоже толпился народ. Некоторые старшеклассницы там были в дублёнках, что позволяло им прийти раньше и ждать с комфортом. Возле них приплясывали мальчики, хорошо и даже модно одетые, но будто специально не тепло, в драповые полупальто, короткие шарфики и вязаные шапочки. Это были мажоры. К их одежде вопросов не было, потому что все понимали, одеты они так вовсе не от бедности, а просто у них был такой форс.

Стоять на холоде в лёгкой одежде, делая вид, что тебе чертовски тепло, был способен далеко не каждый. А если это удавалось сделать к тому же изящно и красиво, то девушки в дублёнках начисляли за это дополнительные баллы, поскольку они были нормальными и понимали, что стоять на холоде в летних полуботинках, которые промерзают насквозь через минуту, после того, как вы них выйдешь, было своего рода подвигом. Иногда какой –нибудь из мажоров, поворачиваясь к толпе, заполонившую плотно весь школьный двор и начинавшую рассеиваться только у его границ, там, где уже росли деревья и начинался школьный сквер, окидывал её взглядом, а потом, похвалив себя в очередной раз за то, что он раньше всех занял очередь к школьным дверям и теперь него есть все шансы попасть на танцевальный вечер, с довольным видом отворачивался.

В группе ребят, стоявших под самыми ступенями, возле бетонного куба, служившего чем –то вроде возвышения, а заодно и их границей, и ревниво поглядывающих на девушек в дублёнках, тоже считали, что их шансы попасть на вечер велики.

- Пруня, а сегодня дискотека или группа? – Покосившись на подпрыгивающих от холода симпатичных девушек, спросил один из тех, кто пришёл к школе сразу вслед за мажорами. Спрашивал это голубоглазый увалень с добрым лицом, рыжий, веснушчатый и с носом картошкой. Фамилия его была Мыхин. Звали его Коля. Коля Мыхин был полной противоположностью тому, у кого он сейчас спрашивал - Пруни.

Пруня было прозвище Сигизмунда Прунского, наполовину еврея, наполовину поляка. На голове у Пруни красовалось целое воронье гнездо чёрных, спутанных волос. Был он коренастым, некрасивым, короткошеим, карикатурно губастым, с хмурым, вечно недовольным лицом, мясистым, даже чересчур носом и стопами, размера наверно пятидесятого, которые он широко расставлял в стороны, когда ходил, да и когда стоял тоже. На Пруне были те же советские синие джинсы с отвисшим задом и чёрная удлинённая куртка из кожзама, которую он носил зимой, весной и осенью. На затылке у Пруни красовалась чёрная вязаная шапочка с рисунком, делавшей её похожей на татарскую тюбетейку или еврейскую кипу.

- Группа. А, может, нет. Чёрт его знает. – Глуховатым с хрипотцой голосом в нос проговорил Пруня и, чмокнув губами, замолчал с недовольным лицом. Мыхин его больше не спрашивал. Чего зря сотрясать воздух? Зайдёшь и сам всё увидишь.

Пруня и Мыхин были завсегдаятами на всех школьных вечерах. Куда бы кто -то не пришёл, он всюду встречал эту парочку. Не запомнить их было невозможно. Один всегда стоял с таким весёлым и счастливым видом, будто его только что объявили победителем Всесоюзной лотереи. А другой рядом с ним вечно был хмурый, недовольный, с тёмным, как у сарацина лицом – делает же таких природа! - и выражением на нём, будто ему поручили объявить о неплатёжеспособности всех вокруг, кроме него самого и приятеля.

- Так группа или нет? – Выдержав приличную паузу, опять спросил Пруню рыжий. У него была такая привычка - задавать одни и те же вопросы, будто он во что бы то ни стало хотел разозлить своей тупостью. И Пруня часто и реагировал на это так, будто у него сейчас сдадут нервы от непонятливости друга:

- Группа. – Буркнул он. - Или не группа. Чего ты меня спрашиваешь? Я что тебе – справочное бюро?

Ещё через паузу, он снисходительно добавил:

- Вообще-то я вчера слышал, что группа. Причём новая. Руководит Тарас Зимкин, между прочим, мой сосед.

Мыхин, перестав топтаться, повернулся к Пруне и посмотрел на него так, как инженерные работники обычно смотрят на вошедшую их комнату работницу бухгалтерии – без вождения, но с личным интересом, поскольку данный субъект заведывал деньгами.

- Погодите, это тот, у которого папу Авангардом зовут? – Вклинился вдруг в их разговор прилежного вида очкарик, явно не мажор, поскольку на нём было с цегейковым воротником пальто и шапка из кролика. Кажется, очкарик учился играть на гитаре, поскольку пока он стоял он только и делал, что отбивал на холоде такт ногой, воспроизводя про себя какую –то музыку и тренировал аппликатуру пальцев, беря аккорды то на груди, то на плече или груди, ворочая пальцами в огромных на два размера больше с папиной руки перчатках.

- Да, точно, который оркестром у нас в Летнем парке дирижирует. – Не глядя на очкарика, нехотя ответил Пруня. Он не любил, когда чужие вступали в разговор.

- А как называется команда? – Спросил «очкарик».

- «Сезон» что ли. Говорят они «Суит» лабают. Я хочу послушать. – Буркнул куда -то в сторону Пруня, показывая, тем самым, что он не из тех, с кем запросто можно свести знакомство. Поняв это, парень больше не задавал вопросов.

- Правда что ли «Сезон»? – Обрадованно спросил Мыхин. – Я слышал, как они репетируют. Пол -часа под окнами актового зала как -то раз простоял вместо химии – ух, вот классный у них солист. Лео его зовут. «Чайлд ин Тайм» пел фальцетом, так здорово, от Иена Гиллана не отличишь!

- Трактор ты рыжий! – Покосившись на друга, пожурил его Пруня. – Не зря у тебя такое прозвище -Трактор! Иен Гиллан – звезда «Дип Пёпл», солист известной рок –группы. А этот визжит, как порос и толку никакого, нашёл с кем сравнить!

Огорчённый столь жёсткой выволочкой приятеля, рыжий замолчал, отвернувшись и начав смотреть в другую сторону. Пруня, глянув на товарища, чмокнув, тоже отвернулся и замолчал с недовольным лицом. Они часто ссорились и также часто мирились.

- Нет, он хорошо голосит, - повернувшись опять к Пруне, будто он ничего до этого не услышал, попытался снова настоять на своём рыжий.

Пруня, отмахнулся, сделав недовольное лицо. Ещё один стоящий рядом с ними, но как –то отдельно, молодой человек с угреватым лицом, в коротенькой куртке, сшитой явно в ателье и таких же сшитых на заказ брюках, впервые, похоже, здесь оказавшийся и прислушивавшийся

всё это время к их разговору, услышав знакомое английское название, выглянув из –за Мыхина и спросил обоих друзей, с явным намерением тоже влиться в беседу:

- Ребят, а они чего «Дип Пёпл» будут лабать, да? Вот круто! Я бы очень хотел послушать...

- Ещё один, - проворчал Пруня, чмокнув губами и посмотрев на Мыхина, будто говоря этим: всё ты, трещишь, а люди думают это правда!

Мыхин отвернулся, говоря всем своим видом:

- Что поделаешь, есть дебилы у нас в городе, надо с этим смириться!

- Так чего, правда? – Опять спросил прыщавый.

- Какой Дип Пёпл? - Не поворачивая к нему головы, буркнул, глядя перед собой Пруня.

– Песни советских композиторов не хочешь? В лучшем случае «Криденс», да и то вряд ли...

- А-а...-разочарованно протянул сзади угреватый.

- Вот те и «а-а...»! – Обернувшись, посмотрел всё ж на него Пруня.

Рыжий от слов Пруни весело заулыбался. Ему, кажется, импонировала манера приятеля гундеть, плюс быть вечно недовольным, и он воспринимал это всё, как некую игру. Угреватый, поняв, что ляпнул что –то не то, отвернулся с таким видом, будто его не поняли и спросить он хотел совсем другое, но больше уже ничего не спрашивал.

Падал пушистый снег. Угрюмо и безрадостно плыли по холодному небу серые неприветливые тучи. Голые ветки деревьев, будто солидаризируясь с молодёжью на школьном дворе, сжались и будто подобрались, не в силах противостоять холоду. Откуда –то из глубины школы иногда доносились резкие, но в то же время пленительные барабанные дробы и следом за ними ещё звонкие, бьющие в самое сердце звуки креш-тарелок.

- Ну, когда они уже... - заныла одна из девушек рядом, притоптывая от холода.

В этот момент петли школьных дверей, наконец, скрипнули, одна из половинок распахнулась, и властный голос Ивана Лихолетова изнутри сказал:

- Проходим по одному. Не напираем!

Директор школы Людмиласанна и завуч Мария Ивановна обернулись как раз в тот момент, когда разноцветная толпа за их спинами с радостными лицами хлынула в рекреацию школы, на ходу раздеваясь, подкрашиваясь, отирая платочками с лиц мокрый снег и поправляя воротники. Девушки тут же начали поправлять причёски, парни от них не отставали и перед вскоре единственным большим зеркалом в холле, выстроилась целая очередь.

Одни прихорашивались, другие в этот момент что -то искали в своих косметичках из дерматина или джинсовой ткани. Третьи, с замиранием сердца прислушивались к аккордам электрогитары, доносившимся из зала, барабанным дробям и звукам «Йоники». «Блин, вот клёво, что сегодня группа, а не дискач этот убогий!», донёсся шёпот одной из девушек девушек, ожидавших своей очереди к зеркалу.

- Я просто обожаю, когда живая музыка! Дискотека, это всё –таки не то...

- А мне всё равно», сказала её подруга. - Лишь бы музыка была приличная.

- Мне тоже всё равно, - добавила третья. - Не обязательно даже западный музон.

- Это как?

- Так. У наших есть тоже очень классные песни.

- Какие же, например? - Брезгливо спросила их подошедшая к зеркалу модельной внешностью девушка, которая, как все остальные модницы пришла без шапки и теперь безуспешно пыталась поднять на первоначальную высоту припорошенный снегом начёс.

- Пугачёва. Что, разве нет? - Спросила та, которой «было всё равно»: «Всё могут короли», «Арлекино!». Что, нет?

Девушка - модель пожалала плечами, хмыкнув. Потому что, да, Пугачёва, это аргумент, против Пугачёвой не погрёшь.

- Ну, вот только Пугачёва и всё, а под остальных не потанцуешь, - сказала всё же она, отходя от зеркала и как видно довольная, наконец, своей причёской.

Толпа в дверях всё напирала. Группа атлетов на входе во главе с Ваней, применяя мускулы, как могли, сдерживали натиск. Кто –то всё –таки прорывался. За ними тут же отправлялась погоня. Ослабленная числом охрана на входе, тут же пропускала новую порцию желающих попасть на вечер. И ещё. По одному или целыми группами. И вскоре уже проверка на входе напоминала не фейс контроль, а игру в запуск или «оседлай слона».

В это время воспользовавшись столпотворением в холле, Микки Хомяков незаметно пронырнул в директорский кабинет, который находился в дальнем конце за раздевалкой на первом этаже. Через минут десять он вышел оттуда, зажав что-то в кулаке, который он держал в кармане. Прибежав в актовыв зал, он, крикнул руководителю группы Тарасу Зимкину: «есть!», затем вытащил из кармана лампу, вставил вместо сгоревшей в усилитель и, подмигнув, своему приятелю бас –гитаристу по прозвищу Лео, сказал:

- Сейчас попробуй!

Лео ударил по струнам. Из колонки донёлся мощный, властный и низкий, как набатный колокол, звук.

- Ура, Микки! Где лампу взял? – Радостно спросил басист.

- Где взял, там уже нет, - с пафосом ответил Хомяков.

Несмотря на все предупреждения дежурившей у входа атлетической секции, толпа, тем временем, продолжала напирать. Спортсмены из школьного кружка штангистов старались изо всех сил, чтобы сдержать натиск. Всем хотелось попасть на вечер. «Меня, меняпусти!», доносились отовсюду. Ваня кивал в ответ на эти реплики либо отрицательно качал головой. И отвергнутые с растерянным видом вынуждены были отойти в сторону. Тех, кого пропустили, с радостными лицами устремлялись вперёд.

Тут придётся сделать отступление и сказать нечто, что непременно разрушит возникшее у читателя недоверие к сказанному. Ибо, как это - рваться в школу? Да вы с ума сошли! Ведь можно пойти в клуб...Что вы, какие в советское время клубы? Да просто громкая музыка из колонок и то являлась чудом! А уж живая... Вы не жили, если не знаете, как ёкает сердце подростка при первых аккордах электрогитары! На школьный вечер с живым ансамблем нахрапистому советскому ученику попасть было труднее, чем отступающему белогвардейцу на последний крымский пароход. "Ваня!", махали рукой из толпы невозмутимому юноше с комсомольской внешностью, стоящему в дверях. "Ванечка, ну, пожалуйста, ну, плиз»!

И Ваня, подняв руку с напряжённым указательным пальцем, покровительственно тыкал в сторону чьей -то головы. И толпа моментально расступалась, уступая дорогу счастливчику. А какими таинственными были вечером коридоры школы! Как заговорщически выглядели в туалете группки ребят, куривших по очереди сигарету и гоняющих по кругу бутылку портвейна! Наказание было суровым. Вышедших из туалета тут же задерживали окриком: "а ну-ка, стой!", и четверо больших ребят во главе с директором начинали обнюхивать нарушителей. "Дыхни!", следовал приказ. Задержанный, пунцовый от смущения восьмиклассник Дима Корнилов по прозвищу Корень по давно отработанной схеме резко вдыхал в себя.

- Что –то я не поняла сейчас – немного растерянно принималась оглядываться в поисках надёжных свидетелей директор, - ты меня что дурачишь, Корнилов? На меня дыхни, пожалуйста!

И после того, как преступление было доказано, уже следовал приговор: "этого на выход! «И этого тоже!", доставалось и его брата Корнилову Лёше. Были, конечно, такие, кто пытался убежать, но их хватили за плечи, встряхивали, как лабазный мешок и отволакивали в сторону выхода. "Иван, этих больше не пускать", распорядилась директор, указывая на новую группу нарушителей. "А я их и не пускал", удивлённо разглядывая задержанных, басил Ваня. "Что?", поднимала бровь директор, "Лёва!", поворачивалась она к очередному из силачей, ну -ка, про-

верь все окна на первом этаже! И в туалетах!". "Хорошо, Людмиласанна", кивал Лёва, устремляясь с высокого старта по коридору.

Что касалось музыкантов, игравших на вечере, то тут мы собой гордились. Мы, это я – бас -гитарист Леня Арье, по прозвищу Лео, мой друг гитарист Вадик Жировских по прозвищу Ва, Витя Эгер, наш клавишник, барабанщик Серёга Кротов, по прозвищу Сюзи Кротофф, и руководитель нашего ансамбля и сын директора школы Тарас Зимкин.

На нас ходили смотреть, как на Джимми Хендрикса где –нибудь в Айове! Честно, некоторые приезжали посмотреть на нас даже из других районов. Хотя это прозвучит и невероятно, но у нас были свои поклонники! Вы понимаете, что это значит? Конечно, мы не могли ограничиться советской эстрадой. Поклонники от нас ждали новых хитов, и мы их давали! Начинали мы обычно с песен про Комсомол, продолжали со "Звёздочки моей ясной" скромной "Вологды", а ближе к вечеру растлевались до "Fly, Robin, fly" «Сильвер Конвеншн», «Do you remember" "Слейд" и "Needles and pins" группы «Смоки». Вот и в этот раз мы тоже должны были начать неброско, зато на финал припасли такие бомбы, как «Now give me money», Битлз, «Venus» группы «Шокен блю», которую большинство знали, как «Шизгарес» и ещё одну вещь группы «Суит»...но об этом ещё после.

Вы уже поняли, что весь наш план чуть не испортила сгоревшая не вовремя лампа. Но теперь, когда Микки нашёл таки лампу и усилитель заработал, о-о...Вы когда –нибудь видели столько мерно вздымающихся и опускающихся алых парусов в одной гавани? Грин бы повесился! Что поделаться, если в моду вдруг входили алые женские батники, то они были у всех!

Девушки в одинаковых шёлковых сорочках, купленных в одном и том же универмаге по одной цене, но, правда, в разных шейных платочках, как волнующееся пёстрое море, заполнив пространство у сцены, тихо переговаривались между собой, кидая будто невзначай любопытные взгляды на сцену и стоящую на ней пока ещё безмолвную аппаратуру, гадая, где же сейчас находятся музыканты.

А мы в это время, сгрудившись за бархатной, цвета медного купороса портьерой, закрывавшей сцену, стояли, кусая ногти и думали: вдруг сейчас пойдёт что -нибудь не так, опять сгорит лампа или вообще что –нибудь сгорит? Но подходило время начинать, и к нам за кулисы выглядывала смеющаяся физиономия председателя Совета дружины нашей школы Светы Коляды.

- Готовы, ребята, можем начинать?

Мы, переглянувшись, нервно кивали. Улыбнувшись на это, Света на время исчезала, давай ещё нам минутку побояться. Но ровно через минуту со сцены доносился её голос, усиленный микрофоном:

- Выступает вокально –инструментальный ансамбль «Сезон»!

Раздавались аплодисменты. И мы выходили.

Надев бас – гитару на шею, я окидывал взглядом пространство под сценой, сразу ошибочно выделяя из толпы ту, с которой уйду, когда вечер закончится. Её звали Анфиса. О, это была гордая девушка, она ещё ни разу не дала себя потрогать. Как смотрели её глаза из -под накрашенных ресниц! Как дорого отливала платина её волос! Как волнующе вздымалась уже по-женски оформившаяся грудь в алом батнике. «Сегодня или никогда», думал я, улыбаясь ей.

Зал был давно переполнен. Но народ всё протискивается в зал. Откуда они берутся, думал я? Ведь школа у нас очень маленькая... Какие –то типы с пиратскими лицами, явно чужие, зашли и, заняв место возле окна, начали переговариваться. Они одеты не по- городскому, в свитера и грубые ботинки. У них широкие бакенбарды, как у деревенских, волосы топорщатся.... Вообще –то деревенских запрещено было пускать. Как же Ваня их не заметил? Пролезли наверно как –то. Не дай бог будет заваруха!

- Раз, два, три –и! – Отсчитывает Тарас и мы начинаем вечер с песни Пахмутовой на слова Добронравова «Любовь, комсомол и весна». Надзирающий за нами учитель труда Иван

Петрович Солодовников довольно закивал головой в такт к музыке и, постояв немного, начал потихоньку пробираться к выходу, чтобы уйти в свой кабинет, расположенный прямо за стеной актового зала и сесть там, подготавливая учебные болванки на следующую учебную неделю. У нас было добрых два часа! Опасаться его появления, мы по опыту знаем, не стоило. Ведь в кабинете Ивана Петровича слышно почти так же, как здесь, поскольку стена актового зала имела слуховое окно.

Едва Иван Петрович уходит, молодёжь начинает вскидывать руки с выставленными вверх двумя пальцами. При учителях так делать нельзя. Это называется «танцевать развязно». Любой педагог может подойти и сделать замечание. При потворном замечании тебя могут вывести из зада. Просят обычно это сделать того же Солодовникова. Иван Петрович в недавнем прошлом боксёр, чемпион области в тяжёлом весе. Ему вывести кого -нибудь ничего не стоит. Однако когда его нет, каждый танцует, как ему нравится.

Многие ребята ходят к Ивану Петровичу в секцию бокса в один из спортивных клубов города. Поэтому за дисциплину на вечере Солодовников спокоен – его ребята и за порядком присмотрят, и сами дисциплины не нарушат. Уход Ивана Петровича к себе в кабинет что-то вроде аванса доверия ученикам: мол, посмотрим, как вы без меня. Мы с Хомяковым тоже одно время ходили к Ивану Петровичу на тренировки, но ещё до того, как стали увлекаться музыкой.

На тренировках мы с Микки смеялись и перемигивались, потому что всё это воспринимали несерьёзно. Когда много лет спустя я увидел в одном американском мультике миньонов, я понял: вот, это точно то, что мы с Микки из себя тогда представляли. Как –то раз нас с Микки поставили друг против друга в спарринге. За весь бой я ударил Микки раз двадцать по рукам, которыми он загораживался, а по лицу ни разу. Микки же по мне один раз попал в глаз, но не перчаткой, а шнурком от перчатки, который он не аккуратно завязал перед боем. Зато мы обожали слушать лекцию по теории боя, которую читал Иван Петрович. Объяснял про бокс он очень забавно:

- Смотрите, - говорил он нам, - если соперник, атакуя вас, споткнётся и начнёт вдруг на вас падать, что вы должны сделать, как настоящие комсомольцы? - Спрашивал нас Иван Петрович, вышагивая перед нами. И, не дожидаясь нашего ответа, говорил: «каждый настоящий комсомолец в этом случае должен своего товарища поддержать, подставив ему под лицо свой кулак. Тут Иван Петрович очень энергично демонстрировал апперкот. Мы смеялись.

Но скоро, как я уже сказал, мы с Микки покинули боксёрский зал и занялись музыкой.

Однако вернёмся на вечер. Актовый зал нашей школы –небольшой. Здание строили в конце 50- х. Стены тут толстые, добротные, в полтора кирпича. Изнутри они покрыты вечной штукатуркой. Окна на зиму заклеены, форточки нараспашку, но они совсем крохотные. Через пол –часа все из танцующих уже взмылены. Девушки тайком начинают оттягивать алые из искусственного шёлка батники и дуют под них, чтобы охладить кожу. Нам сверху хорошо видно всё то, что они обдувают, и мы от души смеёмся. Эти с пиратскими лицами всё ещё стоят у окна и, кажется, вообще не собираются танцевать. Зачем они пришли? Известно зачем, чтобы портить всем настроение. Мне-то это ясно. Но на них пока никто не обращает внимания. Мало ли деревенских придурков шатается по школьным вечерам!

Наш репертуар тем временем набирает обороты. Хорошо трудовика нет, и мы отвязываемся по полной! Мы давно уже спели всё советское и перешли к «My baby left me» Элвиса Пресли, во время которого школьники начинали так неистовствовать, что было непонятно они танцуют или уже просто скандируют под музыку. Тут бы надо было дать что –то успокаивающее, вроде «На дальней станции сойду» или даже «Марионетки» Макаревича, но мы не могли уже остановиться и начали выдавать друг за другом: «Tutti Frutti» Литтл Ричарда, «Be Bob - A -Lula» Джина Винсента, и «Baby, you can drive my car» «Битлз», во время которого девушки в зале подняли такой визг, что нам даже со сцены пришлось их успокаивать.

Заглянул из –за этого в зал Иван Петрович, но уже в тот момент, когда песня кончилась. Не обнаружив ничего предосудительного, он погрозил нам на всякий случай пальцем. Мол, смотрите у меня! Мы закивали – не волнуйтесь, Иван Петрович, всё под контролем! Не знали же мы тогда ещё, как этот вечер закончится. А то бы попросил его остаться. Спели битловскую «Гёл». После этого я заметил Анфису, смотревшую на меня из зала с таким обожанием, что я чуть не бросил гитару и не побежал прямо к ней, наплевав на музыку. Хорошо, сдержался. Всё –таки это не правильно, когда ты что –то бросаешь, ради красивых глазок. Вот только не знаю, надо ли говорить, как я был счастлив?

Витя Эгер, наш клавишник, запел «Yesterday» и все ребята стали приглашать девушек. Анфису тоже кто –то пригласил. Но я не ревновал. Я же на сцене, с гитарой. Снисходительно я смотрел на то, как качает она бёдрами в обнимку с высоким парнем, у которого на лице было такое выражение, словно он сорвал банк, играя в «очко». Мы с этим парнем были приятелями. Звали его Коля Мыхин. А прозвище у него был «Трактор». Дружит Мыхин с этим увальнем Прунским, больше похожим на фантастического гнома. Кто же будет ревновать к трактору, грубому устройству для уборки улиц? Ну и пусть себе танцуют! Я не чувствовал себя обиженным. Это не объяснить, что значит иметь власть над толпой, заставляя её входить в раж, просто перебирая по струнам пальцами.

Я думаю, именно этот наркотик держит даже самых последних музыкантов на сцене. На тех, кто внизу это влияет по –разному. Одни балдеют и под рок-н-ролл отдыхают, другие под эту музыку впадают в необъяснимый экстаз, вплоть до агрессии. И уже пару раз вроде бы вспыхивала потасовка в конце зала, но каким –то чудесным образом всё там заканчивалась миром. Правда, что говорят: если уж суждено чему –то быть, то это обязательно случится. В общем, как раз сразу после того, как в зал снова заглянул Иван Петрович, проверить всё ли порядке, и мы даже спели «Вологду», чтобы его успокоить, к нам за кулисы вдруг забежал разгорячённый Микки, и стал умолять:

- Ребята... Тарасик, плиз, Болрум блиц, ну, пожалуйста, народ просит...

- Ха-ха! - Замотав головами, ответили мы ему, потому что выполнить эту просьбу в школе, было всё равно что спеть «Боже, царя храни!» на комсомольском собрании. Дело в том, что любимая композиция Микки группы «Суит», была посвящена теме, которой... мы даже произнести это слово боялись – мужской любви! К тому же мы недолго эту вещь репетировали, просто так, для себя и играть на публике не собирались.

- Ты что, обалдел? – Зашипел на него Зимкин. – Это нельзя.

- Да кто узнает? – Стал настаивать Микки. – Всем по барабану. Рок –н – ролл и всё.

Зимкин снова закачал головой. На этот раз серьёзно. Но в тот день, не знаю, наверно, что -то витало в воздухе. Какая –то вражеская сила. Публика вдруг стала скандировать: «Блиц! Блиц! Блиц!». Конечно, пока мы её репетировали, вся школа под окнами дрыгалась. Вещь, что и говорить была заводная. Но была в этой песне какая- то крамола. Что-то, что никак не вписывалось в советские нормы. Какой издевательский посыл был в этой вещице, адресованной, прямо скажем, весьма невзыскательной публике. Но это многих и привлекало. Народ сходил с ума, слушая наши репетиции. Микки, то и дело отвлекавшийся на наших поклонников и подбегавший к окнам, радостно кричал нам оттуда: ребята, смотрите, народ танцы прямо на газоне устроил! Может, и мы тоже пойдём к ним? «Ты что, дурак?», спрашивал его Зимкин. «Если мы туда пойдём, то кто здесь играть будет?». И Микки, понимая, что сморозил глупость, начинал часто моргать. И вот теперь Зимкин, обычно осторожный и непробиваемый, помотав несколько раз отрицательно вначале головой, вдруг начал по очереди смотреть на нас с улыбочкой, мол, вы то чего думаете? А нам что думать? Скажут играть, так мы сыграем. Отвечает за всё руководитель, то есть, он - Тарас. У него мама директор школы, ему и карты в руки. А Мишка тем временем всё стоял и канючил:

- Ну, пожалуйста, Тарасик, ну, плиз, ну, велкам! – Это он так понтовался, вообще -то по-английски он совсем не шарил:

- Смотри, как все просят. Я ребятам обещал. Умоляю. Они ждут. Я же принёс лампу, как ты просил. Ну, пожалуйста, мою любимую, - тут натурально сложил на груди руки, будто собирался молиться и уже почти начал опускаться на колени.

- Как –нибудь потом, в другой жизни, - решил поиздеваться над ним Тарас. Он любил иногда, чтоб его поугovarивали, прямо как его мама.

- Нет, ну, не потом, сейчас. Сейчас прямо самое время, Тарасик! Народ хочет «Блиц»... - не переставая канючил Мишка, чувствуя, что Тарас в душе начинает прогибаться.

А народ в это время уже перестал требовать и начал скандировать, проявляя открытое недовольство. Часы тикали над гипсовым бюстом Ленина, и с ним неумолимо приближался час окончания школьного вечера танцев. Всем явно не нравилась возникшая заминка. А Тарас всё колебался, не решив, играть «Блиц» или нет. И тут Мишка выбросил последний козырь:

- Слушайте, я слышал, как девушки говорили, что вы играете божественно! Честно! – заявил он. – Все в восторге. А твоя Анфиса вообще добавила, что ты битл! – Поглядел она на меня. - Если добавить ещё один хит –будет незабываемо!

И вот час Икс пробил. Трудно отказать, когда тебя считают богом. Зимкин косо посмотрел на часы. Почему бы нет? Вечер должен был закончиться через пятнадцать минут. Что может случиться?

Увидев возле выхода нашу анличанку Галину Васильевну Беляеву, он посмотрел на меня и улыбнулся –что, мол, рискнёшь? Заодно и английский сдашь. Я кивнул, тоже улыбнувшись.

Начал отбивать заводной ритм наш барабанщик Сюзи Кротофф, во время которого, мне показалось, вверх полетели не только руки, но чья -то тувфелька.

- Ready, Steve? – Спросил я в микрофон.

- Oh, yeah, - ответил Тарас.

- Andy?

- A-ha! – Не совсем по тексту брякнул клавишник Витя Эгер.

- Mik?

За Мика обычно у нас был Ва Жировских. Но тут вместо него к микрофону подбежал Мик и крикнул во всю глотку (ради этого, подозреваю, он всё это и затеял):

- All right!

- Let s go-o-o-o-o, феллос! – Закричали мы хором.

Я был так увлечён воспоминанием английского текста к песне, что не сразу даже обратил внимание, как группа пиратов, стоявшая весь вечер у окна, на этом месте стала шустро перемещаться к центру зала, от которого рукой было подать до выхода. «Уходят», с облегчением подумал я про себя, и вскоре забыл про них думать.

Зал ревел и качался, как «Девятый вал» на картине Айвазовского. Глаза девушек семафорили: «мы любим вас!». Руки, дружно выброшенные в победном «V», качались над толпой, словно расщепленные мачты. Где уж тут было уследить за тремя неказистыми деревенскими плотиками?

Как раз в эту минуту Людмиласанна, провожаемая завучем Марией Ивановной, шли после окончания Педсовета в директорский кабинет.

- Мария Ивановна сейчас я вам свою радиолу и цветной телевизор покажу, которые шефы нашей школе подарили. Мне их прямо с завода привезли, - Решила похвастаться она. – Как раз только сегодня Миша Хомяков из 10 –го «В» мне всё подключил. Очень способный мальчик. Самоучка. Радиотехникой увлекается. Папа замначальника цеха. Всё утро провозился, настраивая. Сказал –работает отлично.

Они зашли в кабинет. Людмиласанна включила телевизор. Он не работал.

- Ничего не понимаю. – Сказала она, пощёлкав тумблером туда -сюда.

- Что, уже? – Усмехнулась Мария Ивановна. – Вот у меня такая же история с новым «Рубином». Не успела его из магазина привезти, а уже надо тащить в мастерскую. Хорошо в это раз всё по гарантии починили. Но сам факт, как говорится –недели не прошло!

- Да нет, вроде всё работало, я днём смотрела, -недоумевала Людмиласанна, то заглядывая за телевизор, то под него, то поправляя антенну, то вставляя и вынимая назад вилку из розетки.

- Лучше нам учить молодёжь надо, вот что, - наставительно сказала Мария Ивановна.

- Это да, с этим, как всегда не поспоришь, - задумчиво проговорила директор, качая головой.

На этих словах дверь в кабинет отворилась и туда заглянула вихрастая голова ученика восьмого класса Димы Воронина, который всегда прибегал рассказать о начавшихся беспорядках раньше других учеников.

- Людмиласанна, там в зале сейчас такое начнётся, что ужас, пойдёмте скорее!

- Что случилось?

- Деревенские наших хотят бить!

Оба преподавателя переглянулись и после этого, не сговариваясь, бросились к выходу.

Во -второй раз я вспомнил о «пиратах», когда в центре началась какая –то возня. Поначалу я даже не понял, что это может быть, так в центре танцевали обычно очень спокойные, приличные и нестандартно мыслящие ребята. Они бы в жизни не затеяли драки, поскольку слушали «Смоки», «Юрайя Хипп», знали низусть по именам всех музыкантов «Слейд», «Гранд-фанк», «Суита» и имели, я предположу, не вполне советский менталитет. Ребят этих в школе называли «голубки», с ударением на последний слог и, может поэтому, они всё время держались стайкой.

«Голубки» хорошо одевались, это они приходили первыми в лёгких пальто и полуботиночках. Говорили они друг с другом немного женскими голосами, подражая Стиву Присту и Энди Скотту из скандальной шотландской группы, может, таким образом, подтрунивая друг над другом, а, возможно, кто знает, в самом деле, ощущая себя немного девочками. В школе их считали людьми не от мира сего, не задевали, жалели, думая: блаженные, ну что с них взять? Микки, уж не знаю зачем, пытался с ними дружить. Возможно, чтобы потрафить им, он и заказал нам «Болрум блинц».

Поначалу всё было просто отлично. Но как существуют приметы надвигающейся бури, вроде насупленного неба, низко летающих птиц и громко шелестящих листьев, так и тут мне стало ясно, что сейчас что -то будет. Поискав глазами Ивана Петровича, а потом Лихолетова, и не найдя их, я посмотрел на Тараса, но тот видно, тоже уже поняв, что гроза надвигается, давно начал искать кого -то глазами в зале и, тоже не найдя, всё чаще стал с досадой пожимать плечами. Вот всегда так, когда нужна физическая сила, её нет!

Ушла из зала, предчувствуя недоброе, учительница английского Галина Васильевна. Не предполагая ещё ничего дурного, лихо пока отплясывали школьники. На минутку меня даже посетила мысль, что возможно гроза пройдёт мимо и всё обойдётся. Но только я так подумал, как над толпой взметнулась вверх чья -то рука в грубо по –деревенски вязаном морковного цвета свитере и затем резко опустилась на чью –то голову. Громко охнул тот, кого ударили, а следом послышался визг девушек.

То, что началось в зале после этого иначе, как бардаком не назовёшь. Народ потрусилее, метнулся к выходу. Народ похрабрее, в том числе боксёры из секции Ивана Петровича, вступили в бой. Замелькали кулаки и подброшенные вместе с ногами вверх полуботинки.

Моя Анфиса, пробежав с подружками мимо сцены и мельком глянув на меня с надутыми губками, передёрнув плечиками, с недовольным видом начала пробираться по стенке к выходу.

В какой -то момент я увидел Микки, которого кто –то бил по лицу, а он, с какой –то остервенелой стойкостью, принимал один за другим удары, не отвечая в ответ. Конечно, мне

бы как товарищу стоило бросить гитару и поспешить ему на помощь. Но в том то и дело, что я ему, скорее всего, ничем не смог бы ему помочь. Ведь по меткому замечанию Ивана Петровича «талант к боксу во мне не проткнулся». То есть, что значит «не проткнулся»? А то и значит, что к боксу я совершенно не мел таланта и бил примерно так, как протягивают руку для знакомства.

«Ты что не можешь согнуть руку вот так и так вот хорошенько ударить?», спрашивал меня Иван Петрович на тренировке, манипулируя моей вялой рукой, как кукольной. Я кивал, и приступал к делу. Но бил я всё равно так, как будто отпихивал от себя бочку с ржавой селёдкой, с каким –то отвращением.

У Микки, оказалось, тоже была проблема. Он хорошо двигался и красиво бил, но всё как –то для вида, мимо цели и без души. Все, кто был на тренировке, при этом ему кричали: «Михей, давай, влупи ему, ты же можешь!», а он лишь качал головой и пропускал удары. Возможно, ему казалось, что бокс для того и нужен, чтобы научиться держать удар и не для чего другого. А самому бить необязательно. В общем, как и у меня, каждое его выступление на соревнованиях, вызывало разочарование тренера.

«Ну, что ты его жалеешь?», спрашивал Иван Петрович в перерывах между раундами, обмахивая Мишку полотенцем, «дай ему один раз, как следует и готово дело! У тебя же хороший прямой левой».

Микки кивал, выходил, бил прямой левой, и согнутой правой и почти всегда мимо. Иногда ему всё же начисляли очки за эти попытки, но ни одного боя он так ни разу и не выиграл. В конце концов, плюнув на нас обоих, Солодовников перестал с нами возиться. На одной из последних наших тренировок, он, отозвав нас в сторону перед спаррингом, сказал: «Слушайте, у вас двоих что –то ничего не выходит. Какие –то вы, ей богу, девки, а не пацаны! Идите, займитесь вон музыкой что –ли или художеством, спорт, видать, не для вас! Может, какой –нибудь чёрт и научит вас однажды боксу, но я точно не могу, всё, поднимаю руки». И он действительно их поднял.

После того диагноза, мы с Мишкой в самом деле занялись музыкой. Я, конечно, ещё не знал тогда, что пророчество Ивана Петровича насчёт того, что кто –то меня научит драться, сбудется, когда я попаду служить в армию. Но до этого ещё было ох, как далеко! Поэтому пока Мишку били в зале, я стоял на сцене, перебирая струны, и проклиная себя за свою беспомощность.

Стоял просто и смотрел, как волтузят моего лучшего друга, и ничего не мог поделать! Ва со своим атлетическим сложением, конечно, сделал попытку снять гитару и прыгнуть в зал, чтобы помочь Микки. Но Тарас посмотрел на него в этот момент таким лютым взглядом, что Ва, пожав плечами, остался вместе с гитарой, стоять на сцене.

Через пару минут после начала драки в зал запоздало всунулась голова Ивана Петровича. Заглянула и исчезла, отброшенная напором рвущейся наружу толпы. Когда ему, наконец, дали войти, всё уже было кончено.

Двое с разбитыми губами лежали на полу, один с переломанным носом сидел у стены, подоткнув платком нос, трое или четверо голубков, сидя, трясли головами, ощупывая челюсти, и проверяя, не сломаны ли у них кости. Ещё четверо отряхивали одежду, которую им запачкали грязной обувью, вяло топчась перед выходом и не решаясь попросить дать им пройти у заблокировавших собой двери директора, завуча и учителя по труду.

Когда толпа окончательно схлынула, в зал прибежали ещё двое преподавателей –по химии и биологии. Но увидев, что там директор, его зам и трудовик, ушли обратно.

- Как это могло произойти, Иван Петрович? – Бегая от одного избитого ученика к другому, разглядывая расквашенные носы и хватаясь за голову, всполошенно спрашивала у трудового директора школы Людмиласанна. –Вас же оставили смотреть за порядком!

- А это всё музыка, - перевёл неожиданно на нас стрелки трудовик. - А я ведь им пальцем грозил. Поначалу у них там хорошие песенки шли, ля-ля –ля, комсомол, а потом такая дребедень пошла на английском, что вот, глядите, полными нокаутами всё закончилось!

Убедившись, что все живы и серьёзных повреждений вроде нет, директор пошла за кулисы, где взяв за руку Тараса, отвела его за занавеску и, заглянув ему в глаза, спросила:

- Сын, посмотри мне в глаза! Я ведь тебя просила. Как, скажи, я на тебя могу после этого положиться? Мы с тобой как договаривались? Песни советских композиторов и всё! Ты обещал. Что вы такое здесь играли?

- Mam, ну, извини, - начал бормотать Тарас. - всё вроде под контролем было, я даже сам не понял, как всё началось. Этого трудовика никогда нет, когда он нужен! Mam, ты не волнуйся, мы в следующий раз обязательно...

- В следующий раз? Никакого следующего раза не будет, Тарас! Всё! – Рубанула она воздух. - Хватит! Достаточно. Сдайте аппаратуру и занесите мне ключи от кладовки. С этого моменты все ваши репетиции окончены!

- М-а-м, - стал канючить Тарас, уверенный, что, мать, остынув, переменит решение. Но в этот раз она была, как никогда твёрдой:

- Ни-ко –гда ты больше не подойдёшь к электрогитаре!- Рубанула она рукой воздух, с зажатой в ней связкой ключей.

И резко повернувшись, красная, как раскалённая конфорка, Людмиласанна ушла.

- Mam! – Стал кричать Тарас, кинувшись за ней вдогонку со сцены. - Людмиласанна, ну, пожалуйста,- потащился он за ней:

- Mam, ну, извини, что так произошло. Mam... - стал он хныкать. - Это твои спортсмены сюда деревенских пустили. Твой любимый Иван Лихолетов, он не справился. Куда он делся в нужный момент? И трудовик. Где он был, а?

Услышавший это нытьё директорского сына трудовик, закусив губу, покачав головой, свирепо прогулявшись глазами по потолку, а потом с досадой отвернулся, сложив руки на груди.

- С Иваном Лихолетовым особый разговор будет... - бросила на ходу Людмиласанна.

- Mam, ну, пожалуйста, - продолжал Тарас, - Ну, не надо отбирать. Только не аппаратуру, всё, что угодно, только не это. Прости, что так вышло. Ну, мам, извини...

Вспомнив, что они здесь не одни, он вдруг добавил, чтобы соблюсти субординацию, совершенно некстати:

- Простите, Людмиласанна, честно слово, этого больше не повторится.

Директор, обернувшись, посмотрела на сына сурово и печально, как смотрят прокуроры или присяжные судьи на осуждённого, а потом вдруг, вернувшись к нему, взяла его за руку, отвела в сторонку и сказала тихо, но так, чтобы всем слышно было:

- Я думала, у меня тут сын и я могу быть за все спокойна! Думала, что вырастила опору и поддержку. А вместо этого что?

- Mam...

- Помолчи! Я думала, что я могу быть спокойна, что раз здесь мой сын, то он не допустит беспорядка. А мой этот мой сын, ты... ты...

Не договорив, она махнула рукой и, повернувшись, направилась к выходу, но, вспомнив о том, что не решила вопрос с ранеными, замедлила шаг и стала подходить то к одному из них, то к другому, спрашивая: «как ты? Голова болит? Тошнит?» и т.д. Тарас волочился за ней, бормоча: «ну, мам, ну, прости, пожалуйста! Ну, не забирай только аппаратуру...гитару, если хочешь, одну возьми, мам...».

И вдруг, ощутив, что дело не шуточное, и просить больше не имеет смысла, Тарас остановился, опустив голову. Почувствовав, что за ней больше никто не ходит, Людмиласанна обер-

нулась и, показав рукой на избитых школьников, бросила ему, как бросают факты в лицо обвиняемым:

- Смотри, что произошло из –за тебя, по твоей вине и из –за твоего легкомыслия. Кровь! Боль! Только представь, а если б кто -нибудь погиб? Ты представляешь, что б было? Да и с этим ещё будут разбираться о-го-го! Так что не надо за мной идти и меня упрашивать! Учись отвечать за свои поступки! А то ты, как твой отец: тебе говори – не говори, ты обещаешь и потом делаешь всё по -своему. Всё, иди, занеси в кладовку аппаратуру и не смей её больше трогать!

Чуть колыхались от сквозняка занавески. Строго и сурово смотрел бюст Ленина со своего пьедестала. Алел транспарант на стене в глубине сцены: «Искусство в массы!»

- Но почему... - Тарас, весь скупившись, вдруг натурально и по-детски заплакал, из -за чего всем, кто наблюдал это, стало не по себе и они начали прятать глаза, чтобы не видеть этого.

- Так, что у тебя? - Не обращая больше внимания на сына, подошла директор к тому, у которого был, кажется, сломан нос. – Всё, вставай, поехали в больницу. Вместе со мной.

- Ну, Людмиласанна, я в норме, - загундел в нос пострадавший. – Не надо со мной в больницу, меня мама заругает, это просто кровь идёт.

- Мама заругает, и правильно. Будешь знать, как ввязываться в драку. Срочно едем в травмпункт и без разговоров, пошли!

Она взяла парня со сломанным носом за рукав и повела его, показывая, что сопротивление бесполезно и ехать придётся. Обернувшись в последний раз к сыну, по –прежнему стоящему и хнычущему посреди зала, она посмотрев на Солодовникова сказала:

- Иван Петрович, примите у него аппаратуру и ключи. Проследите, чтобы ничего не пропало.

Солодовников с готовностью кивнул.

- Мам! – В каком –то слезливом пароксизме заскулил Тарас, взглянув на мать, как побитая собака.

- Всё, разговор окончен. Об остальном завтра. – Поставила директор точку. –Отыгрались. Хватит!

Как скучен школьный актовый зал в отсутствии публики! Пока мы сматывали под надзором трудовика провода, я смотрел то за окно, где падал снег, то на распахнутую половинку двери, из -за которой был виден фрагмент серой юбки и пары женских ног, завуча Марии Ивановны и анличанки Галины Васильевны, одетых в капроновые чулки и строгие туфли, и ещё крошечный фрагмент мужских брюк Ивана Петровича с уголком его рабочего халата и чёрными ботинками. Все втроём они преспокойно беседовали.

Оглянувшись назад, я видел сзади белый бюст Ленина, захватанный сверху шаловливыми детскими руками и много раз покрашенный белой краской, из –за чего лысина у Ленина выглядела неровным, болезненным наростом. Мне хотелось быстрее сдать аппаратуру, раз уж таков приказ, и побежать следом за Анфисой, которая возможно недалеко ещё ушла или ждала меня у выхода. Но что –то в глубине души мне подсказывало, что у выхода её тоже нет. Она пошла домой и догонять её нет смысла.

Забегая вперёд скажу, что так оно и вышло. Гулять со мной Анфису ни в тот вечер, ни в следующий не пустил её отец. Да ещё сказал громко в своей комнате, чтобы я слышал в коридоре: «не хватало ещё чтобы ты шлялась по ночам с этим лабутником!» И сколько бы мы не встречались потом, она так ни разу и не дала себя потрогать. Всё –таки, есть женщины, которые определены судьбой, а есть нет. Анфиса была не моей женщиной, хоть это и не мешало ей восхищаться живой музыкой. На последнем свидании она сказала мне: «что ты умеешь в жизни? На гитарке своей тренькать и всё? Нет уж...».

Вот так закончился первый этап моей музыкальной самодеятельности. Кто знал, что название группы станет вещим. Недолго просуществовав, группа «Сезон» канула в лету. Правда, мы ещё не знали тогда, что семя, брошенное в нас музыкой, уже дало всходы.

Примерно через год после распада «Сезона», расставшись с Эгером, нашим пианистом и познакомившись поближе с Колей Мыхиным, который на клавишах не играл, а играл лишь на гитаре, да и то плохо, за что и получил в другом месте прозвище «Трактор», мы воссоединились. Начали репетировать мы на трёх акустических гитарах в квартире у Зимкина. Тут мы сделали очень неплохую акустическую версию знаменитого хита «Скорпионс» «Always somewhere», разложив его на три голоса. Но играть это было уже нелегко.

Здесь у нас возникла шальная идея возродить «Сезон -2» и мы уже почти добились разрешения снова взять школьную аппаратуру, правда, не в нашей школе, а в другой, но тут вдруг забрали в армию нашего барабанщика Сюзи Кротоффа. Пока мы искали ему замену, лёг в больницу с аппендицитом Мыхин. А когда он выздоровел, оказалось, что маме Зимкина дали новую квартиру в отдалённом микрорайоне, в доме, где на входе сидела консьержка, которой строго-настрого был приказано нас в дом не пускать и путь в квартиру Зимкина нам был закрыт.

Короче, «Сезон-2» так и не возродился. Микки в том же году забрали в армию, в десантные войска, а где –то через пол –года призвали и меня. Но об этом уже другая история, о которой я расскажу позже. И хотя моей отправке в армию предшествовало много событий, легших в основу этого романа, я начну с того, что мы с Микки сидим у него дома три года спустя в 1987 -м, двое недавно демобилизованных из армии парней, работающих по специальности, но всё ещё лелеющих мечту начать своё собственное дело, пьём потихоньку пиво, слушаем рок – н-ролл и радуемся, как умели радоваться жизни только в середине 80-х.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(культурная)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Мажем, ты проснёшься? – Спросил меня Хомяков, закрывая форточку, из которой с утра доносились здравницы в честь 70- й годовщины революции вперемешку с народными песнями.

Я потянулся, оглядевшись. Вся его конура была заставлена отечественной, будто казённой мебелью. В левом, дальнем от меня, углу стоял шифоньер с кинескопом на нём, рядом тумбочка с магнитофоном «Яуза 207». Напротив тумбочки примостился Мишкин диван-книжка, слева от него возле окна стояло кресло, на котором сидел я. Слева от меня пещерился стол, в недрах которого лежали методички и школьные тетради, пара журналов «Советский экран», учебник в обложке из полиэтилена с торчащим из него жестяным транспортиром и открыткой «С 8-м марта!». У самого края пылились огрызки карандашей и половинки сломанной ручки.

Разложенные на столе армейские снимки, вперемешку с вырезками из «Советского экрана», запиской сколько в этом месяце было израсходовано киловатт электроэнергии и чёрно –белой фотографией группы «Кисс», прижимал лист толстого оргстекла. На краю стола, покаянно опустив голову, пылилась чёрная настольная лампа. Снизу её основание пытался лизнуть вампир американской сцены Джин Симмонс. Озаряемые солнечными бликами, бесились на стене ведьмаки и чёрточки русских обоев.

Напротив меня возле дивана геометрился самый обычный табурет, на котором уместились бидон с пивом, два стакана, вобла на газете, пачка «Явы» и бензиновая зажигалка. Под табуретными ножками, вдали суеты и ног, устроились любезно выданные мне Мишкой домашние тапочки. Было тепло и уютно.

- Ну?- Хомяков взял коробку и потряс ей передо мной сонной физиономией, как бубном.

- «Лед Зеппелин» что -ли? –Зевнув, спросил я.
- Мимо!
- «Вайтснэйк»?
- Не-а. – Продолжал улыбаться придуманной им лично для меня викторине Мишка.
- Подожди... «Дип Пёпл» новый? Я такой коробки у тебя не помню.
- Ж-ж-ж...- Мишка спланировал коробкой на магнитофон, изящно катапультировав по дороге плёнку:
- Не угадал! «Рейнбоу», старик! – «Рейнбоу» этого года! Концерт из Лондона.
- Yes! – Дёрнул я воображаемый паровозный гудок.
- Не «yes», а «ес, ес, ес»! – С осуждением поправил меня Мишка, ткнув трижды наверх пальцем.

Пока он заправлял плёнку в старенькую «Язу», я разлил из бидона остатки «Жигулёвского», которое мы купили, отстояв в праздничном карауле у бочки.

Шёл ноябрь 87 –го. Вся страна отмечала семидесятую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. Сокращённо - ВОСР. Трудовой народ в этот день не работал. Мишкины родители с утра заседали на кухне, обсуждая революционный вопрос– что съесть в первую очередь холодец или заливное.

По телевизору один за другим шли фильмы о революции. Бухала «Аврора», шли на фронт бронепоезда, целилась из нагана в Ильича контрреволюция. В такие праздничные дни, как этот, я прощал своей родине не только строительство коммунизма, но даже примитивизм архитектуры и анархию уличных помоек.

С утра, едва ты слышал, как в окна пробивается музыка и здравицы из громкоговорителей, душу наполняла бодрость. Наскоро позавтракав, я выбегал на улицу, чтобы своими глазами увидеть колонны с транспарантами, мужчин с красными бантами, женщин с бумажными цветами и детей с шариками. Нет, что –то в этом было! «Ткачи Иванова встречают 70—ю годовщину Революции выпуском рекордного количества ткани! Ура, товарищи!», затейничал диктор из громкоговорителя. И чёрно-красный, облепленный снегом паровоз демонстрации, дохнув паром, выдавал не громкое, но мощное: «Ура-а-а!».

Скажу честно, я любил демонстрации! Было в них что -то от показа мод, хотя и без кутюрье, и даже без модной одежды. Зато сколько можно было встретить здесь знакомых, так же, как и ты отлично настроенных, с двумя бутылками в сетке и одной за пазухой! Глоток красного вермута - что за прелесть, в холодное, ноябрьское утро! Нигде больше так не ценился советский портвейн, как в праздничной колонне! Ну, кого, скажите, удивишь сегодня варёной колбасой Останкинского завода? Никого. А тогда, протянутая другом на белом хлебе закуска, делала вас лучшими друзьями! Или возьмём женщин... Нет, не будем о святом всуе. Просто скажите, где ещё за один день можно было увидеть всех самых завидных невест города? А тут вот они, идут, неброско одетые, держа под руку своих орденосных отцов. Спросите, почему мы не в колонне? Ну, просто у нас с Микки особое задание, которое нам с ним дали. Через час нам с ним надо прибыть на главную площадь города для участия в праздничном концерте.

- Тебе долить? - Спросил меня Мишка, замерев над моим стаканом с бидоном пива.

- Чуть-чуть, - деликатно ответил я, глядя на приближающуюся очередную колонну демонстрантов, попутно косясь на мишкины действия и видя, как золотисто - бронзовая серьга, сверкнув в бидоне, медленно отлилась в бумажный стаканчик драгоценной болванкой.

Поблагодарив Микки и взяв стаканчик, я отхлебнул из него, зябко передёрнув плечами и с сочувствием поглядев на синего от холода продавца, затянутого в белую поварскую куртку поверх толстого ватника. На голове у него была цегейковая ушанка, небрежно завязанная сверху, из–за чего уши её, развесившись по сторонам, образовывали два смятых треугольника. Лицо продавца было усеяно лиловой паутиной, густо сплетённой возле носа и редющей к желвакам. Пиво продавец наливал крайне медленно, опустив долу мутно-жёлтые глаза. Налив

пива, он аккуратно ставил бидон на окрашенный жёлтым цветом противень, выполнявший у него роль стола, и затем протягивал руку, одетую в перчатку с отрезанными кончиками, за деньгами. Купюры продавец совал в передник, мелочь ссыпал в банку, стоявшую рядом. От покупателя к крану он поворачивался всем корпусом, крайне медленно, чтобы не задеть нечаянно локтём стаканчики и не снести на обратном пути жестяную банку из-под кофе с мелочью. Когда Мишка, приплясывая от радостного предвкушения пива, начал рыться в кармане в поисках гривенника, чтобы купить для нас с ним пару стаканчиков, продавец, махнув рукой, выдал ему два бесплатно из своего запаса.

- Вот спасибо! – Обрадовался Мишка, потрясённый его великодушием. Забрав стаканы и бидон, он пожелал продавцу от всей души:

- С праздничком!

Продавец без улыбки кивнул на это пожелание, хлопнув носом, и тут же протянул руку за очередной тарой, чтобы немедленно поднести его к крану. Было видно, что он замёрз, причём настолько, что уже не обращал даже внимания на бесцветную нить, выползшую из его носа и невесело отсвечивающую в лучах ненадолго вышедшего солнца:

- Ещё будешь? – Спросил меня Микки, поднимая бидон, будто уже собираясь мне налить.

- Не, потом, а то туалет придётся искать, - махнул я рукой.

Говоря, я машинально поднялся на цыпочки, как бы для того, чтобы лучше рассмотреть красавиц в первых рядах демонстрации. Но там всё равно не было той, о которой я думал, пока служил в армии, и о которой вспомнил сейчас.

С Цилей, вернее, Сесилией, мы познакомились в 1984 –м, а сейчас шёл ноябрь 87 –го и весь народ отмечал 70 –ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Где ты, Циля, думал я, разглядывая демонстрантов, чем сейчас занимаешься? Стираешь мужу носки, а по вечерам читаешь Мандельштама? Про неё я лишь знал, что она любит поэзию и ещё обожает смотреть фильмы. Её красота оставила в моей душе такой же след, какой удар пневмомолота оставляет на листе металла. Знаешь ли ты, что я был в армии два года, и что я могу теперь постоять за себя. Где ты, душа моя? Сколько же прошло времени, погоди. А ведь точно, ровно три года! Что –то вроде горячего ветра пробежало по моей душе, всколыхнув давние события. Не желая вдаваться сейчас в воспоминания, такую боль они причиняли, я подавил их в себе.

- Пошли? – Спросил меня Мишка, отвлекая от дум. Я кивнул.

Мишка жил недалеко от центральной улицы, где проходила демонстрация. Вдоль неё стояло десять хрущёвок. Во второй хрущёвке из пяти справа, была его квартира. Слева были такие же четырёхэтажки — неказистые, рябые, с обломанным шифером балконов, мелкой грязновато -жёлтой плиткой фасадов, лязгающими дверями и неистребимым запахом кошачьей мочи в подъездах. Эти дома, прямоугольные всюду, куда ни посмотри, стояли, будто вырванные страшным титаном из земли ящики исполинского комода, вырванные ручки которых торчали с крыш изломанными антеннами. И судя по тому, кто оттуда выходил ежедневно наружу, горланя песни и оскорбляя слух неприличными словами, можно было догадаться, кому раньше принадлежал комод – Хрущёвской оттепели. Чтобы не слышать его пения, я напевал про себя «Fog a reppu» английской группы «Слэйд». Может поэтому адский пейзаж социалистической действительности вокруг не казался мне таким уж отвратительным.

В мишкином подъезде тоже воняло так, что любого, начни он терять здесь сознание этот запах привёл бы в чувство не хуже нашатыря! Но если ты сознательно решался немного постоять и принюхаться, то со временем начинал различать в этой невозможной вони отголоски вяленой рыбы, копчёного сала, жареных семечек, табачного дыма и ещё сотни три других запахов, которые смешались здесь в невообразимо удушливой пропорции. Обычно, затаив дыхание, я проскакивал на скорости два лестничных пролёта, а, уже зайдя к Мишке, выдыхал.

Однако сегодня я этого не сделал, поскольку не желал, чтобы он заметил и обиделся. Как назло Мишка ковырялся ключом в замке дольше обычного.

- Да открой уже! - Выдохнул я.

- А-а, понятно, - засмеялся Хомяков. - Дышите глубже, проезжаем Сочи!

Внезапно замок изнутри загремел и дверь открылась. На пороге стояла Мишкина мать Алевтина Дмитриевна:

- Чего колготишься, Минь? Попасть уж не можешь? - Подозрительно разглядывая сына, спросила она.

- Да ты чё, мам, ещё не начинали даже, - зачастил Мишка, отыгрывая возмущение глазами, так, чтобы вопрос о его трезвости не оставлял сомнений.

- Ну, ну, - всё также подозрительно сказала Алевтина Дмитриевна, отходя в сторону и пропуская нас с Мишкой в квартиру. - Здравствуй, Лёня.

- Здравьете, тётя Аль, - отозвался я.

- На улице холодно? - Задала она обычный для русских вопрос.

- Да так, не очень...

- А то я за хлебом собиралась, - пояснила она.

- Ты, мам, сапоги лучше надень, мокро, - подал голос Мишка.

- А тебя я, кажется, вообще не спрашивала, - привычно съязвила в адрес сына Алевтина Дмитриевна.

- Ладно тебе, мам, чего ты, - обнял её Мишка.

- Отойди, клещ! - Нарочито сердито заворочалась в его объятиях тётя Аля, словно бы изо всех сил пытаясь вырваться. - Откормила дубину, - пожаловалась она мне, хотя и не без некоторой гордости. - В армию уходил, вот был, как спичка, - она показала мизинец:

- А теперь глянь на него, скоро в дверной проём уже не полезем, а всё не работаем и пиво сосём, да, Миш?

- Ладно тебе, мам, взяли то два литра всего, - безобидно отозвался Микки, выпуская мать из объятий.

- Так это ж заправка. Потом, как это у вас? Полировочка, дальше обводочка, а потом уж готовое дело, бери и вези.

- Куда вези? - Не понял Мишка.

- На милицейский склад, куда ж ещё – в вытрезвитель!

- А-а...

Мы зашли в комнату и сели. Микки разлил по стаканам пиво. Мы выпили. Из коридора послышался телефонный звонок. Заглянула тётя Аля и сказала: «тебя, балбес». Мишка кивнул и вышел. Меня вдруг потянуло в сон. Я закрыл глаза и незаметно задремал. После армии это со мной случалось. Немного расслабился – и раз, уже сплю. Компенсация за двухлетний недосып! Вот именно тогда, проснувшись, я и услышал, как Микки спросил:

- Мажем, ты сейчас проснёшься?

Пока он заправлял плёнку в старенькую «Язу», я подлил нам из бидона «Жигулёвского» и приготовился слушать. С кухни послышались сердитые голоса и по тётялиному «заливное бери!», я догадался, что она заставляет Хомякова – старшего нормально закусывать. Я посмотрел на наш столик, где лежала только вобла, и вздохнул: от заливного и я бы тоже не отказался. Но просить Мишку принести с кухни еды, мне было неудобно.

Меньше года прошло с тех пор, как мы с Мишкой вернулись из армии. За неполный год мы успели сколотить кое-какую группу и теперь перспективы, одна прекрасней другой, роились в наших, уже обросших длинными волосами головах. Перестройка, объявленная Горбачёвым, давала – у-у, какой простор воображению! Мы ждали каких – то видимых проявлений свободы, но в реальности, если честно, всё было по – старому. По телевизору один за другим шли фильмы о революции. Бухала, как я уже говорил, «Аврора», шли на фронт бронепоезда, целилась из

нагана в Ильича контрреволюция. Хомяков – старший, тот самый замначальника цеха, запасшись заливным и копчёной грудинкой сел к телевизору смотреть «Человека с ружьём». Нам вся эта дребедень давно была неинтересна.

Мишка заправил плёнку, глотнул пива, включил на воспроизведение, и, достав из-под подушки барабанные палочки, сел к «ударным».

Мишкины "ударные", около десяти пустых бутылок, скопившихся под его ногами, ждали, чтобы зазвенеть на все лады. Поправив две из них, он начал отстукивать на их горлышках ритм. Надо сказать, бутылочной сброд тяжёлую музыку не портил, но, правда, и не улучшал. Стекланые Мишкины пчёлы роились от музыки отдельно, вроде искр пылинок или бесчисленных звёздочек на обоях в комнате, чей бег внезапно прерывал лесной пейзаж тайского коврика, на котором паслись три лани. Одна лань там, поджав ноги, лежала, другая, опустив голову, жевала, в третью, судя по испуганной морде, целился из объектива китаец с фотоаппаратом. Я то и дело отвлекался на эту муру, борясь с желанием подойти и рассмотреть эту троицу получше.

- А что если нам снять эту вещь, а? – Озвучил Хомяков свои мысли.

- Давно пора. – Всё ещё глядя на ланей на стене, ответил я.

- Нет, я серьёзно, вот про что он здесь поёт интересно? – Сидя ко мне боком и не видя, чем я занят, спросил Мишка. Отмотав назад плёнку, он ткнул на воспроизведение.

Мне показалось, что из всего набора слов, я узнал слово «лоуч», но и только. Дальше на мякиш гитарного перебора намазывалось такое количество англоязычного джема, что подвыпившему человеку проглотить его было решительно невозможно.

- Минутку...

Я ещё немного поделал вид, что внимательно слушаю, затем встал, остановил плёнку и стал импровизировать:

- В общем, они прошли тропею ложных солнц сквозь белое безмолвие...

- Не выдумывай, - пожурил меня Мишка, начав снова отматывать.

- Это из Лондона, чесслово! – Сказал я, подняв в клятвенном жесте руку.

- Сейчас я на тебя Бормана спущу, - пригрозил Мишка. – Борман!

Через некоторое время действительно появился иезуитского вида кот, который вытянув лапы, показал когти.

- Не вздумай сказать ему «фас», - предупредил я, опускаясь в кресло и поджимая ноги.

- Он сытый, не бойся, - погладил кота Мишка.

- Кис, кис, кис, - позвал я.

От звука моего голоса кот на мгновение замер, но потом облизал лапу и отправился на кухню доедать своё леберкезе.

- Даже потрогать себя на даёт, касса фашистская! - Возмутился я, опуская на пол ноги.

Кота Хомякову подарил уехавший на пээмжэ в Германию немец-сосед. Тот просил называть его Рекс. Мишка, изучив кота, решил, что на динозавра он не тянет и дал ему имя нациста из популярного в СССР телесериала - Борман. В фильме эту роль играл бард-актёр, песни которого Мишке очень нравились. Мужчины, услышав, как зовут кота, неизменно хватали его за морду, у девушек нацистская кличка вызывала почти интимное любопытство. Они брали его на руки и шепча ему на ухо пошлости, чесали ему пузико у самых задних ног наманикюренным коготком.

Борман поначалу относился к женским ласкам спокойно, но со временем дверные звонки его начали возбуждать. Услышав их, кот изгибался аркой и шагом американского пони выходил на randevу. Звать его на руки теперь уже не требовалось. Почувствовав новую самку, кот, взобравшись ей на руку, начинал беспардонно имитировать фрикции, вызывая у женщин крики, наподобие таких, какие бывают у кошек при спаривании.

Если кота начинали сбрасывать с рук раньше времени - он возвращался и в приступе ревности рвал им колготки. В мужчинах он видел соперников и мочился им в ботинки, детей

не признавал за людей. Когда Мишке всё это надоело, он обратился к знакомому ветеринару, который за бутылку водки и две магнитофонные катушки со «Смоки» и «Сюзи Кватро», удалил Борману яйца. В родословной Рекса таким образом появилось глубокое двоеточие. Место террориста и гуляки занял ленивый обормот, единственным недостатком которого был звериный аппетит.

- Жрёт много. Но ты бы ты видел, как он за собой игрушки убирает, - погладил Мишка Бормана, - всё уложит и лапой примнёт. Орднунг! Если на улице жарко, возле холодильника спит, заморозки – он тапочки в коридоре греет. Не кот, а метеобюро!

- А книжки читает по -немецки? – Поинтересовался я.

Мы с ним иногда любили поиграть в такой пинг-понг без шариков.

- Нет, только газеты. – Серьёзно ответил Мишка. – Честно! Вчера прихожу, он «Советский спорт» в комнате листает.

- Давай у него спросим, на каком стадионе «Рейнбоу» в Лондоне играли, может, он в курсе? – Продолжал я глумиться над Микки и его котом, потягивая пиво.

- Это вряд ли. В «Спорте» музыкальную колонку не печатают, - не остался в долгу Мишка, наливая себе тоже из бидона.

От пива мы уже пришли в то чудесное расположение духа, когда перлы сыплются, как из рога изобилия, а рот не перестаёт закрываться.

- Ладно, где эта сосиска баварская? Давай её сюда! – Сказал я, имея в виду кота.

Но Мишка кота не позвал, а окинув критическим взглядом наш продуктовый гандикап, состоящий из полупустого бидона и распластанной на газете вяленой рыбой, начал вдруг подниматься:

- Форя в виде сосисок не помешала бы, конечно, - сказал он. - Пойду, загляну в холодильник.

Пока Мишка ходил за едой, я встал и подошёл к окну, чтобы посмотреть, как опускается на землю мокрый снег, лакируя стволы деревьев и оторачивая белыми полосками заячьего меха чёрные, как изнаночная саржа поверхности луж. Гроздь рябины, накрытые сверху выбеленными пуховыми шапочками, качались на ветру, будто сестрицы на выданьи. Сбросившие листву голые берёзы, дирижировавшие ветками не в такт революционной музыке, предупреждали своим видом, как неприглядно будет выглядеть чёрное и белое в твоей жизни на момент поздней осени.

Кусты боярышника, не успевшие ещё избавиться от зелени, тащили на своих листьях груз мокрого снега, вызывая у любого, кто хоть мельком взглянул на них ощущение, что ты и сам держишься из последних сил. Возле края дороги, там, где снег растаял от соприкосновения с бордюрным камнем, чернел пласт спрессованной осадками листвы, взглянув на который прохожий произвольно отводил взгляд, словно от вида чего –то несъедобного, а тот, кто смотрел на это из окна с бутербродом в одной руке и стаканом пива в другой, ликовал, что он сейчас не на улице, где мокро и холодно, а дома, где тепло и уютно.

«Какого ты шаришь тут, Минь?», донёсся вдруг снова с кухни крик Хомяковской матери: «Вам пожрать негде? Праздников ещё два дня ещё, а холодильник уже пустой!»

- Я куплю, мам...

- Где ты купишь? Ты что с директором универсама что –ли спишь?

- А она - баба?!

- Да вот бы узнать!

- Хорошая мысль, однако...

Дальше на кухне началась какая -то суета, затем Мишкино чмокание и голос тёти Али: «Да уйди, сатана!...». Мишкино ласковое бормотание. Снова голос Тёти Али: «Ага, дождёшься от тебя... шпика к обеду!» потом смех, снова чмокание, шарканье ног в тапочках и стук ножа о доску. Ещё через пару секунд в дверях появился Мишка с разделочной доской в руке.

- Телячьи нежности, - объявил он, аккуратно втискивая фанеру с колбасной нарезкой между воблой, пивом и сигаретной россыпью.

- Признайся, ты всё-таки спишь с директором универмага? - Спросил я его, подцепляя с тарелки кружок колбасы, кладя себе в рот и с аппетитом начиная уплетать.

- Думаю над этим, - тактично ушёл от ответа Микки, тоже выискивая для себя на тарелке кусочек посимпатичней.

В дверях послышалось мяуканье.

- Борман, кис, кис! – Когда кот подошёл ближе, Хомяков сунул ему под нос пластинку колбасы. Кот понюхал и, обиженно мотнув головой, отвернулся. Микки поднял кота за шкуру и с вомущённым видом поднёс его к лицу:

- Колбасой нашей брезгуешь, диверсант немецкий!

Решив вырваться, кот, изогнувшись, нечаянно царапнул Мишку лапой по лицу.

- Псих уберессен! – Переврав фразу из учебника, скривился от боли Мишка, бросая кота на пол. Подойдя к зеркалу, он начал рассматривать царапину.

- Ну –ка, покажи! – Подошёл я к нему.

Он повернулся. На верхней скуле под глазом у Мишки краснела царапина, вспухшая по краям.

- Да, ещё б чуть –чуть и ты бы был, как Айсман без глаза! Ты посторожней с ним! Вдруг твой Борман хочет организовать тут свой Рейх? Кошачий?

- Да куда ему! - Отмахнулся Микки, глянув на кота, испуганно тарасившегося на него из дверей:

- Чего? – Спросил он кота. Кот промолчал, замерев в напряжённой, готовой к прыжку позе, не отводя от Мишки жёлтых глаз.

- Гляди, как смотрит! – Сказал я. - Ты бы на всякий случай, Миш, не давал ему жрать так много, а то он ещё немного вырастет и приучит тебя спать на коврик!

- Хрен он у меня больше вкусенького получит, - показал Мишка коту кукиш.

Кот, равнодушно глянув на фигу, облизнулся, ушёл за косяк, лёг там и начал дремать. Помазав ранку одеколоном, Микки подошёл к магнитофону и опять включил на воспроизведение.

- Слушай, а какие вообще есть стадионы в Лондоне? – Спросил он вдруг меня, убрав звук.

- Э-э-э... Сейчас, дай подумать, - сделал я умное лицо.

Мишка, сходяв за дверь, подобрал опять с пола кота, сел на кресло и начал его гладить.

- Ну?

- Дай вспомнить, - огрызнулся я.

- Так быстрее вспомнишь, - пообещал Мишка, беря кота за лапы и целясь в меня из него, как из автомата. Ду, ду, дуф!

- Ты главное на курок ему не жми, а то мы оба тут застрелимся! – Сказал я.

Поржав от души, мы с Микки сделали музыку громче.

- Как ты дмаешь, Ва снимет это гитарное соло? - Спросил он, убирая в какой –то момент до минимума звук.

Ва, как я уже говорил, было прозвище нашего школьного гитариста Вадика Жировских. Как и мы, он пришёл из армии и снова влился в наш коллектив. На гитаре он играл примерно также, как рапирист на арфе, когда за ней прячется противник. Музыкального образования у Ва не было. Также, как и все мы, он был просто участником самодеятельности, а точнее ритм - гитаристом нашего вокально –инструментального ансамбля «Башенные краны», существовавшего под эгидой строительной компании «Наукоградстрой».

Наукоградом называется наш маленький Подмосковный город Зелек. Я в этом ансамбле играл на бас –гитаре, Микки был техником, Ва считался соло -гитаристом, Слава Букетов, наш солист, сочинял песни и играл на ритм –гитаре, а Вася Ходер, единственный из нас, кто имел

музыкальное образование, играл на ударных и являлся нашим художественным руководителем.

Как вы уже поняли, Ва, как все мы, был самоучкой, поэтому онемение, вытатуированное сейчас на моём лице Мишкиным вопросом, было наверно лучшим на это ответом. Глянув на меня и отлично поняв, о чём я думаю, Хомяков разочарованно протянул:

- Да-а –а... А прикинь, если б мы сняли эту вещь, ну?

Он включил вдруг звук на максимум. Из динамиков вырвался ранящий душу крик Ронни Джеймса Дио в сопровождении гитарного соло, после которого начавший было дремать на руках у Микки кот, обиженно мяукнув, соскочил на пол и убежал в другую комнату.

- ...здесь, в этой дыре, ну, только представь на секунду, что бы было, а?.. – Спросил он меня.

- Можно? – Я поднял руку, как в школе, сделал культурное лицо. Мишка убрал звук:

- Ну?

- Под этих твоих ланей легла бы тёлка, да?

Я показал пальцем на коврик на стене. Хомяков, посмотрев на меня с притворной ненавистью, начал вдруг тяжело дышать и раздувать ноздри, словно бык, которому показали резиновую муфту.

- Глумишься над моими чувствами? – Театрально наполняясь гневом, спросил он.

- Ни в жисть! – Сделав испуганное лицо, побожился я.

- Издеваешься? Ладно... А я возьму не скажу тебе, когда у нас свадьба.

- Хомяков - нет!! – Соскользнув с кресла, я упал на колени и пополз к нему, протянув к нему руки.

Мишка встал и сделал вид, что уходит. Тут, догнав его, я начал хватать Микки за штаны и рукава, чтобы его остановить. При этом я ещё не забывал театрально рыдать, кусая губы и трогая руками горла, будто желая удержать крик, рвущийся из глубины души. Ещё бы! Не пойти на Мишкину свадьбу означало лишиться себя деликатесных салатов, заливного из осетрины и, страшно подумать, чёрной икры, которую мишкиной маме благодарные её пациенты непременно бы для свадьбы достали!

- Пощади, Ми-ша! – Драматично рыдал я, будто бы душа себя обеими руками.

- Бог простит...- Надменно произнёс на это Микки, осеняя меня крестным знаменем. Он уже хотел было предать меня анафеме, стукнув по голове думкой с кровати, за которой даже потянулся, но вдруг схватился за живот и, пробормотав: «нарезка что -ли несвежая?», выскользнул за дверь. Я повернулся к столику, где на тарелке из всей нарезки оставалось лишь несколько колбасных кружочков, и, понюхав один из них, положил себе в рот, со словами:

- Да нет, вроде, свежее всё!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Экскурс.

Меня зовут Леонид. А фамилия Арье. Это по паспорту. Вообще-то настоящая моя фамилия Адье, просто паспортистка, дура, написала букву не в ту сторону. Так я стал евреем.

Друзья называют меня коротко Лео. Как и остальные, я живу в одном закрытом городе, названия которого я бы не хотел пока упоминать. Город у нас современный, красивый, молодёжный. Здесь есть два кинотеатра, дворец культуры, три водоёма, где запрещено, но, в принципе, можно купаться, а также лодочная станция и танцверанда.

События, о которых я хочу рассказать, начались давно, весной 1984 -года. Тогда мне было семнадцать. Но сначала я хочу вам показать некоторые достопримечательности.

Смотрите, это наша городская танцплощадка. Она расположена в живописном месте, недалеко от городского водоёма «Ангстрем». Ангстрем, вообще - это такая устаревшая внесистемная единица длины, названная в честь шведского физика Андерса Ангстрема. Я думаю, вся беда нашей электронной промышленности в том, что в ней всё устаревшее от названий до самой техники. Но всё равно всё тут у нас связано с физикой и математикой, поэтому встретить такие названия, как «элион», «микрон» или «дейтон» среди наших ведущих предприятий, это нормальное дело. Но надо сказать честно, нам с друзьями физика по барабану. Мы ей не увлекаемся. Мы увлекаемся музыкой, причём классической.

Наверно вы думаете, что классическая музыка, это Бах, Григ, Шопен, Бетховен и так далее. Нет, для нас классика это «Дип Пёпл», «Куин», «Лед Зеппелин», «Скорпионз» и «Суит». А, например, «Секс пистолз», «Сид Вишес» или не дай бог «Зе клэш» это уже модерн, то есть, совсем не классика.

Что до меня, то я не расстаюсь с любимым «Дип Пёплом» даже на улице. Вот и идя на танцы, я прихватил с собой плёнку «Мэйд ин Джапан». Мне 16-ть, и жизнь кажется удивительной и прекрасной. Площадку танцвернады, как в пьесе Шекспира, окружает лес, навроде Бирманского. Просто там наступает он, а здесь наступаешь ты. Туалетов рядом с танцверандой нет. Народу на танцплощадке – яблоку упасть негде. Вот все и ходят в лес. Шумят наверху, будто аплодируя нашей находчивости, деревья.

Отлив в лесу, мы покупаем билеты и, показав их контролёру, осторожно заходим внутрь. Осторожно, потому что среди танцующих встречаются очень опасные типы. Например, братья Люгеры – Боря и Дима. Они спортсмены, занимаются боксом и их лучше обойти стороной. Стоит нечаянно задеть одного из них, - и ты вместо танцев уже сползаешь по стене, теряя сознание. Хук у обоих братьев, что и говорить, сумасшедший!

«Хэндз ап, бэби, хэндз ап!», звучит из колонок и, подчиняясь команде, вся танцверанда начинает вскидывать руки. Вообще –то, репертуар здесь утверждён городским комитетом комсомола и вносить сюда что –то новое не разрешается. Но мы часто приносим из дома плёнки с записями, и вот уже диск-жокей, коротко стриженный увалень, поддавшись на наши уговоры ставит на магнитофон «Смок он зэ вота» группы Дип Пёпл. Одна из дорожек запорота, в колонке хрип, диск-жокей, ругаясь, уводит запись в моно, а мы всё равно кайфуем, потому что танцевать в СССР под Дип Пёпл всё равно что православному, сидя в басурманском плену наслаждаться евангельским пением.

После танцев мы вместе с друзьями идём домой. Мои друзья в то время - это белокурый здоровяк Витя Эгер, Тарас Зимкин и Серёга Кротов, по прозвищу Сюзи Кротофф. В городском паре на веранде играет инструментальная группа, которой руководит отец Тараса.

Подойдя к отцу, так чтобы он его видел, Тарас поднимает руку в радостном приветствии. Отец благодушно кивает сыну в ответ. Папа у Тараса, Авангард Эфраимович Зимкин, музыкант, но не простой, а руководитель единственного у нас в городе профессионального инструментального коллектива. Мы очень гордимся тем, что у Тараса такой маститый отец. Тарас и сам неплохо играет на разных инструментах. Вечерами мы собираемся у него дома, чтобы в три гитары снять новую песенку, что -нибудь типа «Because your mama don't like me» Сюзи Кватро. Наигравшись, мы садимся и начинаем мечтать.

- Вот бы найти хорошую аппаратуру! – Говорит Эгер.
- И зал, - подхватывает Тарас. – Небольшой зальчик, мест на триста.
- Ещё студию, - киваю я.
- Слушайте, а давай так запишемся! – Предлагает Витя.
- Как это «так»? – Не понимаю я.
- Да просто на магнитофон!

А, ведь, правда! Мы живём в городе, где производится чуть ли не единственный в стране портативный магнитофон. Ну, конечно, ещё портативный магнитофон производят в Воронеже, но мы делаем вид, что наш лучше, хотя название одинаковое – «Электроника».

За тарасиковский кассетник мы не боимся. Ведь мы живём в городе электронщиков. Все наши друзья имеют у себя в доме запас транзисторов, резисторов, конденсаторов и иного технического барахла, которое они притащили в качестве сувениров с завода. Даже если у нас не будет чего -то для записи, мы попросим и нам сделают! По дружбе. Или из любви к искусству.

На следующий день мы с энтузиазмом принимаемся записывать наш новый хит, превратив на время комнату Тараса в студию. Аппаратура – магнитофон и микрофон, установлены в коробке из под телевизора для акустики. Нужные провода мы скрутили руками - даже паять ничего не пришлось! На наших акустических гитарах установлены звукопередатчики. Настроены они так, что у Вити его акустическая гитара будто с фусом, у Тараса она просто громко играет, а вот мой бас получился ни то, ни сё, а что –то посередине, потому что низов не хватает. Играем мы рок–н-ролл. В ми мажор. Я визжу так, что стрелки индикатора на магнитофоне зашкаливают.

- Класс! – Восхищённо говорит Эгер, когда мы откручиваем плёнку и прослушиваем запись.

И действительно, по странной иронии либо из-за случайности наша детская затея вдруг становится похожей на четвёртую перезапись с альбома какой -то западной рок -группы. Эту запись, как и предыдущую мы отдаём Коле Мыхину для рекламы. На следующий день я вижу следующую картину: Коля Мыхин вместе с Пруней ходят по городской площади возле фонтана – чаши, где собираются девушки, с магнитофоном и дают всем желающим послушать мой визг. Одни девушки, услышав его, удивлённо приподнимают брови, другие ухмыляются, третьи весело чешут лоб. Коля на это смеётся, как безумный профессор, внезапное открытие которого признало мировое сообщество. Найдя меня, он говорит: «старик, я бы хотел с тобой играть! Ты – гений. Вы меня попробуйте. Я кроме баса, ещё умею на клавишах, но только, правда, аккордеонных». Вот думаю, только аккордеона нам не хватало!

Но на деле я лишь великодушно киваю, не понимая, куда этого Мыхина можно у нас всунуть. Если только в колонку вместо сабвуфера, у него нос громко дышит. В Коле добрый центнер весу. Странно, но после Колиной рекламы, все на площади со мной здороваются и кивают, даже задавака Гоша Рублёв, солист группы «Дельфины» и исполнитель сумасшедшего хита: «Не боль, не радость, топкий омут, ты предоставишь свою душу в ад!...». Гоше не надо визжать, чтобы его заметили. Он обладатель оригинального вокала, от которого девушки готовы визжать без рекламы. Хотя, например, Коля Мыхин считает, что Гриша отстой. А я вот – чудо. Что тут скажешь? Каждый выбирает себе кумиров по душе.

Я, например, считаю своими кумирами Иэна Гиллана, Роджера Гловера и Дэвида Ковердэйла. Но я же не сую их всем в ухо – нате послушайте! В этот момент я снова слышу где –то невдалеке запись моего визга под музыку и дружный хохот после этого. Меня, если честно, такая слава не радует. Ору я на записи действительно так, будто меня в зад укусила пчела. Если говорить по совести, мне вообще -то не слишком нравится, что на записи я так громко визжу. Лучше бы это выбросить и забыть. Но ни Эгеру, ни Тарасу, ни Кротоффу, ни тем более Коле Мыхину ничего доказать нельзя, ведь не зря же у последнего прозвище – трактор!

- Дурак, счастья своего не понимаешь! – Видя, что я расстроен такой рекламой, бормочет мне на ухо Витя Эгер. – Дай мне полчаса и все бабы на площади наши, увидишь!

Здесь мне ответить нечего, и я молчу. Потому что склеить в нашем городе девушку, тем более школьнику, вроде меня, это не просто. Раньше, чтобы привлечь к себе внимание слабого пола, мне приходилось представляться им то врачом, то строителем, а то инженером или киномехаником. Врать в то время я умел так же искусно, как петь. Я врал так вдохновенно,

что порой и сам начинал в это верить! Это был поток слов, настолько искренний, что подобно струи из брандспойта он сметал на своём пути любые сомнения. Наградой за это были страстные поцелуи где –нибудь на лестничной клетке или даже – о, невероятно! – милостивое разрешение потрогать под кофтой, облачённую в лиф тугую девичью грудь.

Всё – таки мы жили в удивительное время – наши родители, дети крестьян и рабочих, понятия не имели, что значит по-настоящему учиться. Это неуважительное отношение к учёбе видимо передалось и нам. По крайней мере, если кто –то начинал тебя учить, ты, подражая родителям, ему тут же отвечал: «не учи учёного!», или «бабушку свою поучи!», или: «меня учить, только портить!». И это при том, что в школе нас каждый день предупреждали: "жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...". Но слова эти, между прочим, принадлежали не кому –то, а Павке Корчагину, который в конце жизни ослеп, угробив своё здоровье на строительстве железной дороги.

Словом, я не подходил на роль революционного героя никак. Глядя на себя в зеркало и видя там смуглого, кареглазого с ровной белозубой улыбкой, точь в точь, как киношного Ихтиандра, я думал, что лучше всего мне подходит роль ловца жемчуга. Но не того, за которым надо нырять на дно моря, а литературных перлов, к которым у меня всегда почему-то была необъяснимая тяга.

Полагаю, что это несоответствие тому, чего от меня хотело общество и того, что я из себя реально представлял, продиктовало мою жизненную линию – я совершенно не желал обожать родину, которая вроде бы всё для меня делала – нянчила, учила, выковывала характер! Нет, не то чтобы я был ей совсем неблагодарным. Иногда я думал о стране с теплотой – фашистов победили, в космосе первыми были... Но чаще мне категорически здесь всё не нравилось: прямоугольные дома, угловатые люди, названия улиц, дождливая осень и бесконечная зима.

Удивительно, что при этом мать моя, у которой, как у меня, тоже были тёмные вьющиеся волосы, весёлые глаза и белозубая улыбка, отлично сюда вписывалась. У неё появлялись вздыхатели всюду, где бы она ни работала, и всё это сопровождалось карьерным ростом и стабильным заработком.

Я же, наоборот, очень часто чувствовал себя изгоем, хотя никто, в принципе, меня не гнал. Это ощущение, что я всегда не к месту, дополнительно портило мой характер. Мне казалось, что ещё немного и меня раскусят, а затем глядишь и побьют. Гораздо позднее я узнал, что так чувствуют себя те, кого в детстве бросил отец. Но, впрочем, не ручаюсь, может, это и не так. Даже не знаю почему, но я всегда был готов получить оплеуху. И что здесь скрывать, я всегда словно бы нарывался, чтобы мне её дали!

Взять, допустим, нашу школьную группу «Бином», игравшую в школе до нас. Там играли музыку взрослые, серьёзные ребята. Как –то, классе в шестом, я встретил в коридоре школы десятиклассника Витю Огурькова, который весь обмотанный проводами и с электрогитарой на шее, шёл на репетицию. Догнав этого гиганта, я спросил: «как мне попасть к вам в группу»? Витя, посмотрев на меня с высоты своих двух метров, бросил вдруг на пол моток проволоки, который нёс и, наклонившись ко мне, сыграл на одной струне: «в траве сидел кузнечик». А потом заржал, как сказочный конь во всю силу своих лёгких.

Много лет спустя я встретил Витю на улице. К тому времени он закончил ПТУ на монтажника и побывал в армии. Всё с тем же мотком проводов и с кислой миной Витя стоял у электрического столба, ассистируя пожилому рабочему, который, стоя в специальной люльке, менял лампу в уличном фонаре. Я поздоровался с ним. Он машинально ответил. Затем посмотрел на меня и тут, как видно, вспомнив, отвернулся. Я пошёл дальше, думая: ага, будешь, знать, как маленьких обижать!

К тому времени я уже играл на бас-гитаре в нашей школьной группе «Сезон».

До сих пор помню этот чудный сон наяву, в котором директор школы, мамаша Зимкина, буднично звякая ключами, открывает кладовку и выдаёт нам бесплатно несметные сокровища.

А именно: ритм и бас-гитару, усилители "ВЭФ" и "Уэм", две колонки "тридцать пять аэс", органолу "Йоника" и барабанную установку, где есть малый и бас-барабаны, хайхет и даже крэш-тарелка! С серьёзным лицом, каким мы его никогда не видели, осматриваем я и Микки усилители и колонки, благоговейно глядя их по кожухам и смахивая пыль, где она есть.

Мы радуемся, беря в руки инструменты, будто они волшебные и киваем, заранее соглашаясь на все условия директора. А условия жёсткие: «западную музыку на школьных вечерах не играть! Никакого рока! Никакого рок-н-ролла! Только песни советских композиторов! Вы их знаете?» «Конечно», подобострастно начинает вдруг кивать Тарас Зимкин и тут же начинает петь маме, будто в подтверждение этого: «Соловьи поют, заливаются, но не все приметы сбываются...». «Ха-ха, вот и отлично», кивает директор. «Значит, договорились. Как будет называться ваш ансамбль?» «Сезон», выдаёт Зимкин, не понимая, что этим названием пророчит судьбу группе.

Лишь несколько часов спустя до нас доходит, на каких условиях нам согласились всё это выдать. Играть музыку советских композиторов? Да заносить коровам хвосты и то было бы интересней! Ночью я просыпаюсь от кошмара: в моей тарелке с макаронами прячутся советские композиторы. Они имеют вид каких –то неприятных тварей, вроде слизней или опарышей. Присмотревшись, я понимаю, что это вовсе не гусеницы, а куколки ос во фраках! Они машут едва отросшими будущими лапками и дирижируют. Ими буквально напичканы макароны. Они ими кишат! При этом я очень хочу есть. Поэтому, схватив вилку, я начинаю ожесточённо тыкать в макароны, чтобы уничтожить всех этих тварей. Однако они такие маленькие, что в них нельзя попасть вилкой! При этом звучит фоном музыка: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, в горе, в надежде и радости. Ленин в твоей весне, в каждом счастливом дне, Ленин - в тебе и во мне!...»!

Во сне я почему –то начинаю отчаянно креститься, вверх, вниз, вправо, влево и вдруг просыпаюсь. На деле всё, кстати, оказалось не таким уж и мрачным. Тарас поговорил с мамой, постепенно уговорил её разбавить советский репертуар западным. Она пошла навстречу, решив играть на танцах одну-две песни. Но где одна и две, там и много, это же ясно. А чем всё это закончилось, вы знаете.

Наш город считался, пусть и отдалённым, но районом Москвы, а рядом находилась область. Там жили другие люди, не разделявшие наших интересов, культурных предпочтений и других приоритетов, тяжело и много трудившиеся, мало получающих и ненавидевших нас за это.

Иногда дети этих тружеников проникали в наши школы, на наши праздники, чтобы побить кого –то из наших и хоть так поквитаться. Может и хорошо, что наши выступления прекратились, а то неизвестно, чем бы всё это закончилось. После того, как Тарас поступил в институт и переехал жить в другой район, Эгер женился, а Микки со Сюзии Кротоффым забрали в армию.

Так я остался совершенно один и пустился в одиночное плавание по совершенно неизвестным музыкальным заводам нашего города.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРИ ФИАЛКИ «СКАЗОЧНОГО ЛЕСА»

Было начало 80- х. Кое –кто ещё носил клёш, но у большинства раструб брюк внизу заметно сузился да и сами штаны сделались уже. Этот принцип тесноты, кажется, захватил всё вокруг. 80 –е не зря называют застоём. Такого количества несвежих лиц в автобусе и такого жуткого запаха изо рта и людских подмышек я не ощущал ни в прежние времена, ни после.

Личного автотранспорта у людей не было, даже у тех, кто имел большие заработки. За машиной надо было постоять в очереди. Поездки за границу считались происшествием чрезвычайным, отдыхал народ в основном на местных зонах отдыха, где по меркам советского времени было, в общем, неплохо: щитовые домики, лодочная станция, несколько катеров для катания на водных лыжах, рыбалка, место для костра, где можно приготовить уху, бильярдная и танцверанда, где играли живую музыку. Вот на одну из таких танцевальных веранд и подписали работать на всё лето инструментальную группу Зимкина – старшего Авангарда Эфраимовича.

Не знаю, как описать те чувства, которые рождают в тебе сосновые деревья и хвоя, устилающие землю золотистым мягким ковром, блестящая рябь воды с играющей на поверхности серебристой рыбой, тёплое солнце, пробивающееся сквозь малооблачную дымку нежным пристальным светом. Причалы с катерами, рядом с которыми суеются бородатые люди, одетые в обтягивающие, прорезиненные костюмы, чтобы в следующий момент соскочить на воду и помчаться за катером на водных лыжах.

Хотя, думаю, слово Романтика здесь подходит. Прибавьте к этому пологие откосы холмов, на которых раскинулись домики, многочисленные костры и сидящие вокруг них на брёвках туристы, чей обед кипит в котелке, подвешенный на слеге. Всё это, плюс голубое небо, редкие облака и запах жарящегося на рожнах шашлыка или грибов, отзывались в моей душе необъяснимым чувством радости от причастности ко всей этой лесной феерии.

Наша инструментальная группа играла на дощатой эстраде, прикрытой сверху лишь настилом от дождя. Зрители обычно сидели под открытым небом. Если начинало накрапывать, туристы, немного послушав под зонтиками, уходили. Но были три девушки, которые оставались даже тогда, когда начинался дождь. Смеясь, они забегали к нам под навес эстрады, пока мы играли и, пританцовывая, ждали, пока дождь не кончится.

Девушек звали Зоя, Наташа и Сесилия. По их словам они просто обожали игру нашей инструментальной группы. Не знаю почему, но Зимкин – старший прозвал их «наши городские фиалки». Возможно, из –за сладкого запаха духов, которым пользовалась одна из девушек, кажется, Наташа. В них троих действительно было что –то от фиалок! Вы хоть раз останавливались возле городских клумб, чтобы полюбоваться ими? Я, например, очень часто подолгу замирал возле каменных городских чаш, разглядывая невероятной красоты, будто сотканые из глянцевого ситца фиолетовые лепестки, завораживающие рисунки на их трепетных соцветиях, бахрому тычинок и золотистый месяц каймы. Эти цветы гипнотизировали меня, вызывая в моей душе почти сакральный трепет, поэтому сорвать хоть одну из них –ни, ни! – что вы, на это у меня никогда бы не хватило наглости!

Когда шёл дождь, девушки стояли рядом, притоптывая в такт, и их можно было принять за группу нашего бэк-вокала. Стоило дождю закончиться, они уходили со сцены, помахав нам ручками, но спустившись вниз, всё же не уходили, а рассевшись на первом ряду веранды, продолжали слушать. Если мы начинали играть что –то весёлое, то они подскакивали и начинали танцевать. Или, если не танцевали, то просто сидели и улыбались, хлопая в такт. Они были нашими искренними поклонницами и, конечно, каждый из нас принимал это на свой счёт. Не знаю, как у остальных, но у меня от улыбки одной из них – Сесилии, или как называли её подруги – Цили, просто замирало сердце!

Надо сказать мужчины в нашей банде, называвшейся «Последние могикане» собрались не то, что с опытом, а прямо-таки тороватые. Руководителю группы Авангарду Зимкину было под шестьдесят, гитаристу Паше Войкову тридцать с хвостиком, барабанщику Толе Алаутдинову и клавишнику Вилли Герасимову в сумме было сорок пять, мне единственному семнадцать.

В коллектив я попал, как вы уже поняли, случайно. Ну, а предыстория была таковой: перед самым отъездом на зону отдыха Авангарда позвали к телефону и сказали, что его шести-

десятитрёхлетнего друга и товарища бас – гитариста увезли с инфарктом в больницу. Взявшись за голову, Авангард начал причитать, бегая по квартире. А всё потому, что заменить музыканта, утверждённого Москонцертом, было делом непростым. Ставка гитариста в те года была мизерной. Хороший музыкант на неё бы не пошёл. Чтобы повысить ставку требовались согласования, которые бы заняли недели, в то время, как выступления начинались уже завтра. Тут Тарасик и предложил отцу взять меня. «А он ноты разве читать умеет?», спросил сына Авангард. «Ну, ля –мажор от фа –диез он отличает», пошутил Тарас, однако тут же спохватившись, добавил: «парень он вообще- то серьёзный, сам увидишь!» Авангард, конечно, вначале отмахнулся. Где это видано брать неопытного музыканта без образования в коллектив? Но потом вдруг задумался. А почему бы нет? Опять же много платить не надо. И потом, что –то ведь он умеет делать?

А я умел. Я уже говорил, что до этого мы с Тарасиком до этого много репетировали, играя у него дома рок-н-ролл и Авангард нас порой консультировал. Однажды он даже меня похвалил, сказав: из тебя выйдет толк, если, конечно, будешь настойчив!

Зимкин - старший, конечно, не догадывался, что этот толк выйдет из меня так скоро. В общем, когда Авангард Эфраимович мне позвонил и поинтересовался: как моё настроение, то я ему честно сказал, что если на меня не будут слишком давить, и покажут, как играть, то настроение будет просто отличным!

Партитуры, надо сказать, оказались довольно сложными и поначалу они мне казались египетскими письменами. Но когда Авангард додумался пометить каскады нот латинскими буквами, которые я давно освоил, дело пошло быстрее.

Поначалу речь шла о подмене всего на пару выступлений, но когда из больницы пришло известие, что бас –гитарист переехал из реанимации в морг, Авангарду ничего не оставалось, как предложить мне остаться в группе на весь сезон.

Так началась моя взрослая жизнь, которая мне, вчерашнему школьнику, была, если честно, очень даже по душе. Утром мне никто не читал нотаций, а поздно вечером никто не отправлял спать. Кроме репетиций и танцев особых дел у меня не было. Свободное время мы проводили в бильярдной. Толя и Вилли быстро стали мне друзьями. Авангарду я почти заменил племянника, так как называл его "дядя Авангард" и обращался к нему на «ты».

Единственным человеком, который постоянно меня шпынял, оставался гитарист Паша Войков. На первой же репетиции, едва я ударил по струнам, он проворчал: «до диез, а не си-бемоль! Наберут по объявлению...!» Моя игра поначалу действительно больше напоминала охоту слепого за блохой в колготке. Из-за громадного количества нот, которые мне следовало запомнить, на втором часе репетиции появлялся тремор рук и горечь во рту от нотного перца горошком. Чтобы не получить язву желудка, все начинали шутить. Паша, разумеется, тоже.

Едва ли не каждую мою оплошность теперь он сопровождал комментариями, типа: «метил в глаз, а попал в промежность» или «хотел дуплетом, а вышло ни раза!». Поначалу я в ответ на его реплики молчал. Но когда однажды, в ответ на то, что я зацепил нечаянно не ту ноту, он сказал: Тебе б говно за слонем в цирке выносить, так хорошо ты руками загребаешь», намекая, что я цепляю нечаянно не ту струну, Толя Алаутдинов шепнул мне: «Ответь ему! Чего ты боишься?» И я начал отвечать. Кстати, главные свои уроки пикировки я получил именно в этой группе. Теперь, если Паша ворчал: «снял трусы, в носках запутался!», я тут же отвечал ему: «не учи отца сношаться!», вообще даже грубей ему отвечал. Но когда появились эти девушки, мы ругаться перестали. Стеснялись.

Зоя и Наташа казались мне очень компанейскими – но и только. Зато возле Цили я робел, как древний грек возле статуи Венеры. Её красота угнетала и завораживала меня, как образ Пресвятой Девы Марии, соткавшийся из тумана перед глазами детей из португальской деревни Фатимы.

Её улыбка казалась восхитительной, походка невероятной, фигура божественной... Да что там! Она была богиня. Волосы у неё блестели, как у актрис в индийских фильмах, а одежда... Мне в семнадцать лет вообще казалось невозможным снять с женщины импортные джинсы, не изменив при этом родине!

Циля была для меня чем –то вроде музейной ценности, Катцетокоатлем женского рода, божеством, идолом из драгоценного металла, кумиром, к которому меня не подпускали мои персональные, жившие исключительно в моей душе дикари.

Цвет её кожи напоминал мне умеренный юг, глаза Ближний восток, руки богатую Америку. Она держала на дистанции и притягивала одновременно. В её присутствии хотелось кричать от радости и наложить на себя епитимью одновременно. Даже если Циля просто стояла и молчала, это всё равно было восхитительно. В её немоте было что–то от леденящей красоты севера, а безмолвный взгляд напоминал морские сокровища, которые мерещатся иногда глезующим на волны пиратам, чей корабль медленно погружается на дно. Словом, она была лучшей из троицы, и если бы кто–то захотел меня в этом разубедить, я пожелал бы наглецу не проснуться утром после Варфоломевской ночи!

Родом Циля была из Торжка, города на Валдайской возвышенности. Её полное имя, как я говорил, было Сесилия. Так называли её родители, которые погибли в автокатастрофе. Из всех родственников у неё осталась только бабушка, которая, по словам Циля, её обожала.

С Зоей и Наташей Цилю свёл вместе велокросс по Золотому Кольцу, на котором Циля заняла одно из призовых мест. После того, как её перевели в сборную, которую тренировал известный на всю страну тренер Бурцев, она познакомилась там с Зоей и Наташей. Они подружились, и были «не разлей вода». Свои привычки из спорта они перенесли в жизнь. Девушки то и дело швырялись фразочками, типа: «поедем сменами», «будем дёргать» или «устроим вертушку?». При этом Зоя, округлив рот, как правило, сгибались пополам от смеха, а Наташа обводила всех удивлёнными глазами, словно не веря, что такая тактика может привести к успеху.

Наташу тоже можно было назвать красивой. Если бы Зоя не смеялась, будто держит при этом во рту гриб, её бы тоже можно было отнести к красавицам. Зою, помимо всего прочего, отличали рыжая копна волос, прямая осанка и ослепительно белая кожа. У Наташи были аппетитные бёдра, красивые полные руки, длинная шея, классический вылет линий плеч, большая упругая грудь и великолепной формы выпуклый зад, который приковывал внимание всех мужчин, где бы она ни появлялась. По профессии Наташа была медиком. Зоя училась на биолога. Фамилия её была Вогель. Со своей ладной фигуркой и голубыми глазами, она словно бы сошла с пропагандистского немецкого плаката времён Третьего Рейха, где похожих девушек изображали в качестве образца чистокровной арийки.

Надо упомянуть, что все трое отлично одевались. Финские батники на клёпках, юбки «Райфл», джинсы "Ливайс", кроссовки «Пума»... В нашей стране, где капиталистов называли "акулами", так хищно могли выглядеть лишь золотые рыбки советского аквариума. Позже я узнал, что мать Зои работала товароведом на базе, а отец Наташи заведовал Профкомом, который выдавал путёвки на зоны отдыха, вроде этой.

Единственным невыясненным моментом лично для меня долгое время оставалось прошлое Циля. Например, было не вполне ясно, кто является источником её финансирования. Бабушка? Это вряд ли. Как бы там ни было, с аккредитивом всё было в порядке и там. Циля каждый день меняла наряды, удивляя всех роскошными импортными шмотками. Зоя и Наташа тоже от неё не отставали. Но если Зоя старалась одеваться в рок –стиле, в майки, юбки и разноцветные кожаные куртки, одежду Наташи отличала какая –то первобытная дикость. От её разноцветных шорт, из под которых выглядывали края сладких аппетитных булочек, и футболок с сильно выпирающими наружу пальмами, по меткому замечанию Паши, у него возникало свирепое желание пойти и зарыться в «чьи –нибудь волосатые джунгли»!

При этом любую пошлость или не дай бог сальные намёки Наташа отметала сразу, причём довольно хлётко. Могла сказать: «слюни подбери, мальчик!». Или: «малыш, завяжи узлом, я не твоего размера!». Толик дал ей за это прозвище «наша аскорбинка через «о». Наташа в самом деле могла единственной из этой троицы отшить быстро и резко, но в целом, по словам того же Толика, она была «то, что доктор прописал». Если подружки появлялась на танцверанде вместе, то впереди как обычно шла Наташа в коротком топике и с сильно выпирающей грудью, а за ней скромно следовали её подружки Зоя и Циля. Как только вся троица появлялись на веранде, мы тут же переставали хмуриться и начинали улыбаться.

Естественно, среди нас моментально началась конкуренция за право привлечь к себе внимание девушек. Каждый норовил сказать шутку посмешней. В конце концов, мы так раскрутили маховик остроумия, что из него посыпались шарики глупости. Однажды, мы с Войковым даже сцепились на улице из –за того, что он обозвал меня «нахальным прилипалой». Выйдя из бильярдной и углубившись в лес, мы крепко потузили друг друга.

Вернее, он меня потузил, потому что тогда я ещё драться не умел. Короче, пока Паша держал мою голову у себя подмышкой, я сучил кулаками и ладонями в районе его таза, будто решил выбить от пыли его брюки и рубаху.

Обидевшись на Пашу, я пошёл после этого, куда глаза глядят, долго ходил по ночному лесу, и, не найдя в темноте дороги к нашей зоне отдыха, заночевал в каком-то стогу на краю деревни. Проснувшись утром, весь в синяках и царапинах, я с трудом отыскал дорогу, ведущую к зоне Отдыха. Всю дорогу я думал, почему родился таким несчастным. В конце концов, я пришёл к выводу, что ни одна девушка не захочет иметь со мной дела, потому что я моральный урод, и к тому же не умею драться. При этом я представлял себе лицо Сесилии, такое красивое и неприступное и вздыхал, чувствуя невыносимую тяжесть в груди. Состояния, одно ужасней другого наваливались на меня. Я почти уже решил оборвать свою жизнь, сходяв за верёвкой, как вдруг, проходя мимо какой-то опушки, остолбенел, увидев Цилю, которая вышла сделать на полянку перед домом зарядку.

- Я думала, что одна поднимаюсь в такую рань, - сказала она, увидев меня. Удивлённая до крайности тем, что я застыл на месте и молчу, она направилась ко мне. Подойдя ближе, она поинтересовалась:

- Что это у тебя с лицом, чудик?

Протянув руку, она коснулась моей щеки, оставив в воздухе шлейф знакомых духов.

«Фиалки», догадался я.

- Где ты весь так оцарапался? - Повторила она вопрос.

- У меня имя есть, между прочим, - буркнул я, трогая пальцами свои царапины и морщась.

- И как же нас зовут? – Улыбнулась она.

- Лео...Лео.

- Лео -Лео? Что это за имя! – Улыбнулась она теперь одними глазами, оглядев меня сверху донизу.

От этого ее взгляда сердце моё подпрыгнуло и упало куда –то под аппендикс.

- Не Лео-Лео, а просто Лео! – Пробормотал я.

– Лео, это наверно прозвище, - улыбнулась она. - А как тебя по –настоящему зовут – Лев?

- Почему Лев? Нет. Леонид.

- О-о, как царя спартанцев! – Засмеялась она.

От этих слов я покраснел от макушки до шеи, а сердце вернулось сразу на место, перестав на время биться. Циля, покопавшись в кармане олимпийки, вдруг вытащила из неё платок и, послунявив его, приложила к царапинам на моей шее и на лбу:

- Щиплет? – Спросила она.

- Да, - поморщился я

- Так с кем –то подрался, царь спартанцев? – Хмыкнув, спросила она. – С персами?
- Причём тут персы? Нет. Просто шёл ночью, а меня ветки в лесу поцарапали.
- Кто же ходит ночью да ещё по лесу? Ты лунатик? – Опять улыбнулась она.
- Почему лунатик? Нет. – Заело у меня пластинку. - Я не лунатик. Просто так вышло.
- Ладно. Пошли в дом, помажу тебе царапины. – Сказала Циля, как о решённом деле. Отвернувшись от меня, она пошла к дому своей умопомрачительной походкой.
- А не больно будет? – Спросил я вдогонку.
- Детский сад, ей богу! - Засмеялась она, поворачиваясь ко мне вполборота и показывая ряд ровных белых зубов.

Я пошёл за ней. Её домик, где она жила с подругами, стоял под сосной, заботливо прикрытый сверху её лапами, из-за которых вся крыша была усеяна иголками. Сквозь щель между крышей и водосточной трубой блестела мохнатая от росы паутина, освещённая первыми лучами солнца.

Циля шла впереди, сексуально покачивая бёдрами, отчего в животе у меня стал нарастать камень, а перед глазами забегали чёрные мошки. На крыльце домика из трёх ступенек лежал мягкий коврик. Окрашенная светло-зелёной краской дверь легко поддавалась, задев литой колокольчик с поразительно звонким голосом.

В коридоре домика стояли три пары резиновых ботинок и кроссовки. Под жестяным абжуром нервно мигала лампочка. Её синкопическое горение по ритму напоминало гудмановский джаз. В комнате, куда она меня привела, пахло теми же духами, что и от Циля на улице. На столике у зеркала я увидел флакончик фиолетового цвета, но прочитать их названием я не успел. Подведя меня к стулу возле кровати, Циля легонько толкнув на него, усадила. Затем достала из тумбочки одеколон с ватным диском и начала протирать царапины и синяки у меня на лице. Перед тем, как начать мазать, она сказала: "держись!" и принялась за дело. Когда её запястье нечаянно коснулось моего носа, моё сердце снова так ухнуло вниз, что я инстинктивно ухватился за её бёдра.

Перестав сразу мазать, она поинтересовалась:

- Что ты сейчас делаешь?
- Это вместо наркоза, - сказал я.
- Не надо.

Я убрал руки.

Судя по смешку, который издала затем Циля, шутка ей понравилась. Всё также неторопливо она продолжала своё дело. Но когда её ватка однажды, пройдясь по царапине, сделала мне по-настоящему больно, я опять без задней мысли впился за её бёдра, но теперь уже за мягкую их часть.

На этот раз Циля ничего не сказала, а лишь двинула повелительно бёдрами, показывая, что руки надо убрать. Я убрал. Но я тут же вернул их обратно, но просто опустил их ниже.

- Можно? – Запоздало спросил я.

- Нет. – Сказала она.

- Почему?

- Я занята! - Сказала Циля.

- А мне всё равно! – Вдруг обнаглел я, обнимая её за бёдра и прижимая к себе ещё сильнее. То ли адски щиплющая кожа, то ли близость её тела сделали меня вдруг бесстрашным. Ни с того ни с сего я освободился от скованности, которая постоянно давила на меня все эти дни. Мне захотелось рассказать Циле всё, о том, что я чувствовал, всё, что переживал из –за неё, вот прямо сейчас, здесь! Другого случая, я думал, мне уже не представится.

- Ты...лучшая из всех, кого я когда –либо видел! – На одном выдохе стал бормотать я ей. - Сесилия, ты богиня!

- Да ладно, - смутилась она, - я обычная девушка, как все, не лучше, не хуже...

-Что ты! – Едва не захлебнулся я от охватившего меня возмущения. - Ты просто себе цены не знаешь! Ты–королева, понимаешь? Ты лучшая! Таких, как ты прост нет! Я бы с тобой, знаешь...на всю жизнь, вот! Давай поженимся, а?

Сказав, я прикусил губу, ошалев от собственной наглости и теперь ждал, когда Циля выставит меня задверь. Но она, улыбнувшись, лишь сказала:

- Куда тебе жениться? Ты же вчера только школу кончил.

- Ну, и что? Ты согласна? – Повторил я вопрос.

- Да я, может, и согласна, лишь бы ты не пожалел потом... - заметила она, заканчивая свою работу и выбрасывая ватку. Закрутив пузырёк с одеколоном и, добавив к нему пару чистых дисков, она протянула его мне со словами:

- На вот, возьми, потом отдашь. Вечером не забудь ещё раз протереть свои царапины перед сном.

- А можно я к тебе, когда стемнеет приду, чтобы одеколон отдать? – Спросил я.

- Да вот ещё! - Возмутилась Циля.

- Когда же тогда? – Не понял я.

- Пораньше как -нибудь.

- На заре можно? Часика в четыре.

- Лучше, когда рак на горе свистнет.

- А в каком часу ему лучше тебе свистнуть?

- Не знаю.

- А в полночь можно?

- Прыткий чересчур. – Посмотрела на меня Сесилия.

Сказав, она развернула меня лицом к двери, положила руки мне на плечи и начала коленом подтолкивать к выходу:

- Давай, иди домой.

- А послезавтра? – Начал я упираться, как онагр, не желая уходить.

- Видно будет. Иди домой, бай-бай.

- А, можно я прилягу прямо здесь, на твоей кровати? – Повернув к ней голову, спросил я.

- В нокауте, - разрешила она.

- А спокойной ночи можно будет к тебе вечером зайти пожелать?

Она на мгновение задумалась, потом сказала:

- Пришли мне лучше телеграмму. Это даже забавно будет.

Говоря всё это, она не забывала подталкивать меня руками и коленями к выходу, пока я полностью не оказался за дверью. Оказавшись в коридоре и увидев там всё ещё мигающую бешеным темпом лампочку, я поднял руки и слегка вкрутил её. Лампа тут же загорелась обычным, ровным светом:

- Раз – и нет конца света. Что б вы без мужиков делали...- пробормотал я.

Днём я поехал на станцию, где была почта, и отправил Циле телеграмму: «Предлагаю руку и сердце. Буду любить вечно. Лео».

И отправил ей.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЭКЗАМЕНЫ В ИНСТИТУТ

Проснувшись после бессонной ночи днём у себя в домике, первое, что я увидел за окном, это ветки сосен с коричневыми среди них бугровинами. Еловый пейзаж, как ни странно, успокоил меня, заставив вспомнить: ничто вечнозелёное не обходится без шишек!

В этот момент я вспомнил, что мне нужно вернуть пузырёк с розовой водой Циля и настолько обрадовался этому, что сразу забыл о ночном инциденте, а также своих царапинах, и решил в очередной раз проштудировать экономико – географические зоны СССР, как этого требовала методичка абитуриента.

Послезавтра у меня начинались вступительные экзамены в институт. Роль моей бас – гитары на это время была возложена на Толин «Корг». Стол в коттедже, заваленный с начала лета конспектами и учебниками, наконец-то, опустеет. В случае поступления, по маминой задумке, меня ждала должность оператора в отделении Сбербанке СССР.

Жирная единица на первой странице моей тетради, обведённая в кружок, говорила о том, что в жизни я претендую не меньше, чем на первое место. Цифры и латинские буквы, выписанные мной в черновик, должны были разбудить моё логическое мышление. Но, честно говоря, из всех показателей меня сейчас интересовали лишь те, которые я видел у Циля под олимпийской.

«Интересно, какой у неё размер груди?», думал я и тут же мысленно бил себя по щекам: «такие похабные мысли могут прийти в голову только непорядочному человеку!». Но я бы, конечно, намного спокойней бы себя чувствовал, если бы возле домика девушек не вертелся Паша.

Как –то встретив Зою, я спросил её к кому из них Войков ходит. Она засмеялась и сказала, что есть мужики, которые таскаются за всеми женщинами, не зависимо от того, дают им повод для ухаживаний или нет. Правду сказать, Зоя в то утро выглядела необычайно эффектно. В джинсах и импортном батнике с поднятым воротником, варёной джинсовой куртке отлично причёсанная, она стояла возле берёзы, а на ослепительно белой её коже сиял в лучах утреннего солнца золотой крестик. Если бы мне так не нравилась Циля, я бы начал ухаживать за ней. "А вдруг я тоже отношусь к этому типу мужчин, что и Паша?", подумал я. Чтобы проверить эту гипотезу, я упёр тогда руку в берёзу, вытянув её перед Зоей на манер шлагбаума и не давая ей пройти. «Мальчик, а ты не разочаруешься?» с похожей на Цилину интонацией вдруг спросила она, проскользнув у меня под рукой. Скажу честно, меня эта их похожесть тогда слегка шокировала. Я ещё подумал, может они вместе на одни курсы обольщения ходят?

Пока я стоял и думал, что это может всё значить, она обернулась и помахала мне рукой. Глядя ей вслед, я подумал, что Зою, пожалуй, тоже можно назвать красивой. У неё были крепкие мальчишичьи бёдра, узкая талия, стройные, хотя и не длинные ноги, рыжая копна волос и белая нежная кожа, такая на вид чистая, что от неё нельзя было отвести взгляд. Повторю, она была очень, очень милой, хотя красота её не бросалась так в глаза, как Цилина. Зоину красоту требовалось разглядеть. Всё-таки хорошо, думал я, что этого сразу не видишь! А то бы не пойми, что вышло. Интересное время молодость! Любишь всех и, главное, искренне!

Вздыхнув, я пошёл к своему домику, чтобы начать собираться в дорогу. Пока я собирался и потом, когда я уже ехал, меня не отпускала мысль: вот, если я стану банковским служащим, как хочет того моя мама, то буду потом успешным, обеспеченным человеком, с машиной, дачей и собственным домом. Тогда мне будет нужна жена. Обязательно красивая, как Циля. Потому что при таком богатстве жена должна быть красивой. Я поставил на место жены Зою, потом Наташу. Потом Цилю. В принципе, и Зоя, И Наташа тоже подходили. Но Циля больше всех. Да, решено, Циля будет моей женой! После такого принципиального решения, которое давало моему неоформленному прежде будущему вид конкретной мечты, сдать экзамены в институт было просто делом техники.

И действительно, сдачу экзаменов я бы назвал чудом. Возможно, меня спасла необыкновенная и, я бы сказал, идейная убеждённость в том, что я экзамен обязательно сдам. Просто обязан. Ведь без этого я не получу Цилю.

Там, где другие брали билет, водя рукой над столом и пытаясь, как экстрасенсы определить, какой из них они знают, я подходил с наглым видом и брал первый попавшийся. Потом

я садился, клал билет перед собой и смотрел в окно, будто рассчитывая целый час любоваться пейзажем. На самом деле я ждал вдохновения. И через некоторое время оно действительно приходило.

Потом я говорил себе: «Цилия, ради тебя я всё решу!» Будто бы от скуки я разворачивал билет к себе. И – о, чудо! Одного взгляда на него мне хватило, чтобы я узнал вид неравенств, которые много раз решал дома. Конкретно в этом случае мне предлагалось извлечь корень из четырёх, а затем сложить его с целым числом и дробью в левой части. В правой части нужно было вычислить логарифм из девяти по основанию три, минус дробь да плюс ещё одно целое число. От нечего делать я начал решать. Корень из четырёх это просто два. А логарифм девяти по основанию три, та же двойка! В нашей математической школе эту задачу решил бы даже двоечник Ва.

Всё ещё не веря в такую удачу, я трижды перечитал вопросы к заданию и написал ответ. Передав его симпатичной ассистентке, я не забыл ей улыбнуться и сказать свою настоящую фамилию – «Адье», в смысле пока. Всю обратную дорогу я улыбался, вспоминая берёзки, и напевал про себя детскую песенку: «дважды два четыре...».

Проснувшись ещё через два дня, я теперь уже в абсолютном траурном настроении поехал писать сочинение. Тут даже никакие заклинания, что я это делаю ради Цилии, мне не помогли. Я почти на сто процентов был уверен, что на этот раз мне уж точно не светит.

Тут надо пояснить. В школе с литературной классикой я был не в ладу. Роман «Обломов» усыпил меня на девятой странице, «Отцы и дети» на четвёртой, «Новь» Тургенева на второй. Самой жестокой пыткой для меня, оказалось, читать Достоевского. У этого классика было довольно странное чувство юмора. Он наделял героев такими характерами и привычками, что смеяться ты начинал оттого, что тебе, слава господи, удалось дочитать главу до конца! А внезапные приступы безумия его героев? А Раскольников, убивший старушку топором? Нет, было в этом во всём что – то от крестного знамения путника, который укрылся под листья дерева за мгновение до удара молнии. Я уворачивался, как мог, пропуская целые абзацы и страницы. Но всё равно, прочитав главу, я чувствовал себя обессиленным.

Однажды, раскрыв «Бесов» и прочитав десять страниц, весь оставшийся день я пролежал без движения в кровати, пытаюсь набраться сил от телевизора. Прочитанное мною под давлением взрослых «Преступление и наказание» окончательно подорвало моё читательское здоровье. Убив старушку, Раскольников словно бы задел обухом мою несовершеннолетнюю душу. Теперь я обходил книжный шкаф стороной, как интеллигент, укушенный электрическим счётчиком.

Лечение Одоевским и Пушкиным не дало ремиссии. Гоголь, как мне казалось, манипулирует трупами. Лермонтов... что тут говорить? Его Печорин и был настоящий демон. Чацкому было горе не от ума, а от его недостатка. Короче, дореволюционной классике я предпочитал советскую. Вот, например, роман «Молодая гвардия». Всё понятно. Юноши и девушки борются с фашизмом. Они так юны и чисты, что врагам не удаётся запятнать их, даже сбросив в угольную шахту. Непрошенная ирония лезла в мои школьные сочинения, портя картину моей успеваемости. Базарова я там называл выскочкой, капитанскую дочку треской в мармеладе, Дубровский напоминал мне осатанелого налогового...

Удивительней всего, что преподаватель литературы читала мои сочинения всему классу, интонируя в нужных местах так, чтобы класс смеялся до слёз. Возвращая мне сочинение, учительница литературы, картинно вздыхая, говорила: «хорошая голова олуху досталась!» Плохо, что выставя меня этаким зубоскалом, она не требовала от меня взыскательного отношения к литературе, думая, наверно, что меня это лишь испортит. Пожалуй, я был единственным в классе, кто писал школьные сочинения, ориентируясь исключительно на методичку. Но зато там было всё было железно, а содержание романа излагалось предельно схематично. Например: «Анна Каренина – символ духовной опустошённости» или «Толстой – зеркало русской

революции», «Пугачёв –отзыв на чаяния русского народа». Лаконизм, так сказать, в его обезжиренном виде. Но зато и отягчающих работу мозга компонентов тут не было...

И вот час расплаты настал. Экзамен в институт требовал не только грамотного изложения текста, понимания фабулы, но и знание характера персонажей. Институтский преподаватель записывал на доске одну тему за другой, вызывая у меня приступы тошноты один сильнее другого. «Базаров и Грушницкий», «Хлестаков и хлестаковщина», «Образ народа в «Войне и мире» Льва Толстого», «Чацкий и фамусовская Москва»... Я уже хотел поднять руку, чтобы попроситься выйти, как вдруг институтский методист записала на доске: «Подвиг советского человека в произведении Леонида Ильича Брежнева «Малая Земля». Слабая искра надежды блеснула в глубине моего сознания, осветив на миг скудную библиотеку души.

Читал ли я «Малую землю» Брежнева? Нет, конечно! Хотя книгу с таким названием я встречал. Правда, автором там был не генеральный секретарь нашей компартии, а некий рядовой морпех Соколов. Она мне действительно понравилась. Этот Соколов с непередаваемым чувством юмора рассказал в своей книге о небольшом отряде морских десантников, которые, высадившись на крошечном участке земли под Новороссийском, стали непреодолимой преградой для фашистских захватчиков. Поскольку книгу Брежнева, как я уже говорил, не читал, то просто пересказал книгу Соколова, опустив некоторые личные детали и приписав её авторство Брежневу. Возможно, именно за отсутствие деталей мне и снизили оценку до четырёх с минусом. Но "четыре", друзья мои, на вступительных экзаменах в институт была хорошей оценкой!

Последним был экзамен по английскому. И вот тут вопрос о Past indefinite, выражающий законченное действие в прошлом, меня действительно ввёл в ступор. Не то, чтобы я не мог отличить Past indefinite от Past continuous, нет. Просто из –за волнения я забыл, что это может означать в принципе. Весь экзамен в голове отчего –то крутилась назойливая фраза из песни Битлов: «Yesterday all my troubles seemed so far away». Так я и сидел, напевая про себя мелодию, и думая: «Вот и конец тебе, шизик. Сик транзит gloria мунди! Хотела божья коровка взлететь, да вымя её не пустило...». Но тут меня осенила догадка: ведь эта песня могла быть ответом к заданию! И действительно, заглянув в билет, я увидел глаголы с окончаниями «ed» и другие в прошедшем времени. «Ну, не могут же легендарные «Битлз» меня подставить!», подумал я. И, выписав фразы с такими окончаниями, я сдал работу. Все ответы оказались верными!

Я почти был уверен, что поступил в институт. И всё –таки день, когда были вывешены списки первокурсников, мне не забыть никогда. Листки списков шевелились на стене, как оперение крачек на скале посреди бушующего моря. Казалось бы, сделай шаг и проверь – в списках ли ты! Но студенты жались группками, как тюлени на скалах, боясь подойти к воде и думая, как бы так осторожно приблизиться к краю, чтобы косатка с не проходным баллом не утащила тебя на глубину. Некоторые смельчаки, нерешительно потоптавшись всё –же отделялись от групп, подходили к стенду и изучив списки –о, счастье! – начинали радостно улыбаться.

Другие долго перечитывали фамилии поступивших, а затем отруливали с понурым видом. Помню, выйдя из автобуса, и увидев толпу, я презрительно усмехнулся: чего бояться –то? Но в двух шагах от списков я, как и все, вдруг остановился. К спискам меня не пускал мощный психоэмоциональный прибор, вызванный абитуриентами.

- Понимаешь, мне нужно хотя бы одну пятёрку иметь, - услышал я слева от себя дрожащий голос какой- то девушки, которая общалась со своей подружкой:

- Чтобы пройти по баллам. Но у меня –то её не было, я точно знаю.

- А, ясно, - сказала её собеседница. – Но ты уже посмотрела списки?

- Да нет, боюсь чего –то подойти, блин!

«Ну, а я не буду девушкой!», подумал я и стал протискиваться к доске, на которую были прикреплены списки. Вот они, листки. Фамилии вдруг запрыгали у меня перед глазами, как рельсы «Американских горок» во время набора скорости. Но потом я увидел что –то знакомое:

«Ар..». Арь! Это же моя фамилия! Я повернулся ко всем с улыбкой. «Поступил?», спросил меня кто –то. Я молча кивнул, слов не было. Вот мама обрадуется! «Он поступил!», слышал я сзади, «везёт же людям!»...

Мобильных телефонов в то время не было. Позвонить и поделиться своей радостью с друзьями или мамой я не мог. Чтобы донести радостную весть, мне вначале нужно было вместе с ней куда -то приехать.

Некоторое время, сидя в автобусе, я размышлял над тем, как всё это ей преподнесу, но потом, по мере того, как автобус подъезжал к дому, я вдруг поймал себя на мысли, что абсолютно не хочу учиться на банковского клерка. Это было не моё. Я ведь любил музыку. К тому же, раз я так легко поступил в институт, то есть, почти не готовясь, то я куда угодно могу точно также пробиться! Разве нет? Вот такие были у меня тогда глупые мысли.

И всё же факт оставался фактом: я поступил, и осенью мне ждала первая институтская пара. Однако как я ни старался представить себя в рубашке и с галстуком, а потом чинно выдающим ещё старикам пенсию, обрабатывающим квиточки с квартплатой, мне это не удавалось. Тихая жизнь заурядного клерка меня пугала. Неужели разом придётся забыть всё, что ты любишь - и рок музыку, и громкий смех, и крики: "эй, чувак!", думал я. Нет, это невозможно. И что же я получу взамен? Стабильную зарплату и два выходных? Нет, СССР не та страна, где следует похоронить себя заживо!

Но Сесилия, вдруг вспомнил я. Ты забыл, что делал это ради неё? Как быть с Цилей? Может быть, она тоже не из тех людей, для которых в жизни важнее всего деньги? Решив, что в любом случае, об этом надо спросить у неё, я, оставив матери дома на столе записку: «поступил в институт, ура!». А потом собрал вещи и поехал в "Сказочный лес" - работать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОБОР

Первой, кого я встретил на зоне отдыха, была Наташа. В ожидании неизвестно чего, она сидела на лавочке и курила. Поздоровавшись с ней, я спросил: «а где Зоя и Циля?», специально поставив Зою в вопросе первой, чтобы она не думала, что я заиклен на Циле. И услышал в ответ:

- Да я их только что в электричку проводила. Они в город поехали. У них билеты в цирк.
- А почему ты осталась? – Удивился я.

- Да мне этот цирк даром не нужен. - Поморщилась Наташа. - Я от этой вони цирковой сознание теряю! И потом, на что там смотреть - на лошадок и тигров? Я уже не в том возрасте. И клоуны эти в цирке какие –то фальшивые. Мне больше кино нравится, - улыбнулась она. - На интересный фильм бы я ходила.

Её слова мне показались мне искренними. Мне тоже больше нравились фильмы. Я решил к ней присмотреться. Одета была Наташа сейчас не в кричащую футболку с шортами, что, признаюсь, заставляло даже меня иногда думать о ней, как о девушке легкомысленной и не серьёзной, а в олимпийку с вытесненными на груди большими красными буквами СССР, что лично для меня делало её куда более строгой и загадочной. Волосы у неё были гладко причёсаны и при этом разделены на прямой пробор, как у тех девушек, которые обычно стремятся к знаниям. Из таких, каждому у нас ясно, получают если не учёные, то люди с упорным характером. Значит, мы с ней похожи, думал я. Ещё немного посидев и поговорив, мы пошли вместе домой.

Всю дорогу я рассказывал Наташе, как поступал в институт. В некоторых местах она смеялась до слёз. «Так ты поступил или нет?», наконец, спросила она, когда мы пришли. «Конечно, поступил!», поразился я её невнимательности. Ведь я несколько раз до этого уже сказал, что

поступил. Но я за это на неё не обиделся, мало ли, что у человека в голове! Договорившись, что увидимся вечером, мы разошлись.

Вечером я действительно встретил Наташу. Она стояла у деревянной балюстрады, опоясывающей террасу перед входом в бильярдную. Был уже темно. Светилось мириадами искр ночное небо. Чёрный капюшон космоса, наброшенный на голову ночного купола, делал свечение звёзд предельно контрастным и до ужаса романтичным.

Мои коллеги музыканты, отыграв, как обычно, после танцев разбрелись по своим домикам отдыхать.

- Закурим? – Доставая из кармана пачку, спросил я, подойдя к Наташе.

- Давай. – Кивнула она, взяв у меня сигарету.

- Давно балуешься? – Спросил я, давая ей прикурить.

- Не так чтобы, просто иногда хочется. – Сказала она.

Мы молча стали курить. Наташа, выпустив несколько раз изо рта дым, вдруг лихо отфутболила окурком средним пальцем в темноту. Красный уголёк, перекувыркнувшись несколько раз в воздухе, упал неподалёку в траву, продолжая гореть там мерцающим огоньком.

- Молодец, что поступил, - сказала она вдруг. - Уважаю тех, кто ставит себе цель и её достигает.

- А ты?

- Что я? – Спросила Наташа.

- Ты если ставишь цель, разве её не добиваешься?

- Я? – Удивлённо посмотрела она на меня. – Я тоже. Но у меня всё проще: мама врач и я по её стопам. Знакомства, связи, контакты, ничего особенного, всё, как всегда...

Она наклонилась слегка вперёд, поставив локти на перила, и стала смотреть на лес, в просвете между деревьями которого не было видно ни зги. Горел чуть в стороне над нами прикрепленный к фасаду дежурный фонарь, тускло освещая траву перед домом, растущую там мелкими взрывами.

Я стоял рядом, порой косясь на неё, вдыхая запах её духов, рассматривая её крепкий затылок, плечи под спортивной курткой, скрещенные ноги в парусиновых брюках и упругий красивый зад, который она будто бы специально выпятила, чтобы я его изучил. От неё исходили настолько мощные сексуальные флюиды, что я едва сдерживал желание намеренно начать ухаживать за ней.

- Такая ночь, что прямо не хочется домой идти. - Сказала она. – Так бы в лесу где-нибудь и легла.

Вроде бы ничего особенного не сказала, но у меня почему-то от этих её слов, заныло внизу живота, и стала нарастать тяжесть в паху.

Не зная, что можно на это ответить, я промолчал, снова начав рассматривать её. Её чеканный профиль, освещенный искусственным светом, прямо-таки завораживал. В Наташе чувствовалась сила. Она была из породы, так называемых, «некрасовских» женщин, которая, знаете: «и коня на скаку остановит и в горящую избу войдёт!». В СССР их любили изображать на плакатах, типа: «Соберём урожай без потерь»! Я вдруг подумал, что если бы сейчас шла война, Наташа не задумываясь, пошла бы на фронт медсестрой и стала вытаскивать с поля боя раненых. Ей бы очень пошли гимнастёрка, сапоги и пилотка. В её фигуре, вообще в её профиле было много именно солдатского, даже героического. Но если бы её попросили надеть платье, дали ей в руки серп и попросили позировать для скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница», она бы справилась с этим тоже легко.

По-моему, что я не подходил Наташе так же, как обученный езде на дрессированном пони подросток Владимирскому тяжеловозу. Но, как ни странно, именно это и притягивало меня к ней. Наташа казалась мне пропуском во взрослую жизнь. Экзаменом на мужскую зрелость. Вызовом, брошенным судьбой. Самой солью русской жизни, бредущей ко мне навстречу по

колосящемуся полю в косынке, цветастом сарафанчике, и лаская попутно зрелую рожь рукой. Она казалась мне грубо выкованным ключом к стране, которую я, как будущий журналист, хотел досконально изучить. Я не представлял себе, каково быть в интимной связи с такой женщиной, как она! Наверно она великолепна, думал я. Она наверняка просто бесподобна в постели с этими её формами! В этом своём бесстыдном воображении я видел себя почему-то повелителем, захватившим её, дочь варваров, в плен. Одетый в серый узкий халат, с тюрбаном на голове, я раздевал её и бессовестно рассматривал. После этого я с разбегу прыгал в ласковый океан её прелестей и наслаждался тёплыми волнами. В мыслях я был королём над ней. Или халифом, неважно. Мне виделся город в форме бюста на горе, сверкающий в лучах солнца, белые плиты её ляжек, фейерверки сосков, акробатические трюки её пальцев, и пламя страсти, вылетающее из её глаз, как пламя у факиров изо рта. Вокруг нас с Наташей наматывали круги ангелы с опахалами, нас прикрывали разлапистые пальмы в каменных кадках, тёплое море слов, отжурчав нам в уши, уносило потом свои воды куда-то далеко за горизонт. А наверху, под голубым райским небом, нас на всё это благословляли белые облака, щебечущие птицы и сады Семирамиды. Погружённый в эти странные мечты, я завис в них, как Юрий Гагарин над земной атмосферой, совершенно забыв о Циле.

- Ты что –то сказал? – Спросила меня вдруг Наташа, вернув меня на Землю.

- Нет. - Испугался я, отрицательно покачав головой, думая, что она подслушала мои мысли: - Я просто... стою и всё.

Наташа отвернулась и выпрямилась, начав снова глядеть в темноту и, поставив теперь ладони на перила. Пели цикады, глухо щёлкали шары в бильярдной за стеной, вокруг жёлтой лампочки крутила хоровод мошка и землистого цвета бабочки.

Городок Сказочного леса не спал, фестиваля в темноте вспыхивающими сигаретками, и то и дело освещая небо над лесом вспышками искр от костров. Шуршал мгlistой парчой лес, стучали где –то вдалеке топорыки, мужские голоса где –то вдалеке перекликались с женскими и всю эту череду звуков гонял туда –сюда ветер, подкрадываясь, шелестя и охая, словно изнывая от любви. Тёмные сосны на фоне мгlistого неба маячили верхушками на ветру, заставляя тебя ёжиться, будто от холода.

Постояв немного вместе с ней, я тоже перевесился через перила и стал смотреть в темноту. Внизу, в свете лампы, слегка поблёскивала трава. Чуть отливали золотом жёлтые цветы ползучего лютика, кое –где качалась на ветру дымянка, торчала, устремив вверх свои безрадостные, как наросты цветы обыкновенная лапчатка, вся лужайка от бильярдной до самого леса, заросла манжеткой попеременно с жабрицей, омежником и травой, а по периметру здания ещё густо разрослась двудомной крапивой.

Где –то рядом, шагах в тридцати, там, откуда свозь листву пробивались огни костров вдруг засмеялась девушка, а потом взорвалась смехом целая компания.

- Гуляют, - тихо сказала Наташа, и в её голосе я услышал нотки ревности.

- Конечно, подруг твоих нет, ты тут одна и время летит, а лето быстро подходит к концу, - сказал я, не понимая, зачем подыгрываю ей.

Наташа повернулась ко мне, посмотрела внимательно, и ничего, видимо, предосудительного не увидев, отвернулась, опять начав смотреть в темноту, будто желая различить в ней абрисы знакомых предметов или лиц.

Вдруг за нашими спинами кто-то на минутку вышел из бильярдной и зажёл на веранде лампу. Хлынувший сверху свет осветил её профиль и локон выбившихся из-под заколки тёмно-каштановых волос, который в этом ракурсе и на контрасте с загорелой шеей, выглядел едва ли не антично. Я почему –то не мог отвести взгляда от её пробора, как я его про себя называл «академическим», идущего сухопутной дорожкой посреди этого моря волос. В свете электрической лампы он искрился и блестел, как бриллиантовый путь посреди чаши. Не понимая, зачем это делаю, я осторожно протянул руку и коснулся костяшкой пальца её щеки.

Наташа, будто только этого и ожидая, вдруг склонила в сторону моего пальца голову, прижав его между щекой и плечом, желая, как видно, хоть на время удержать его. Это нечаянное проявление нежности с её стороны, не скрою, удивило и шокировало меня. Неужели она хочет со мной, подумал я. Нет, этого не может быть! Сам не зная, зачем это делаю, я протянул руку и обнял её. Она подняла голову, посмотрев мне в глаза, и будто сразу пронзив меня стрелой откровенного желания.

Лишь тут я заметил, как часто опускается и поднимается у неё грудь. Скажу честно, мне польстило, что девушка с таким академическим пробором, как у Наташи, открывает мне, самодеятельному лабуху, свои объяття. Не соображая, что творю, я обнял Наташу крепче и прижал к себе. В этот момент себя я оправдывал себя так: не могу же я просто взять и оттолкнуть девушку с такими героическими пропорциями! По крайней мере, не в такую ночь!

Подул внезапно ветер, прохладный, и это ещё ближе прижало нас друг к другу. Мы поцеловались.

- Проводишь меня? – Спросила она.

Я думал, что провожу её до домика, а потом скажу ей, что близость между нами была бы ошибкой, и уйду. Но мне кажется, я уже тогда обманывал себя. Нечто большое, могучее и очень сильное заставляло в тот момент моё сердце гулко биться, затопив всё моё существо с головы до ног и крича мне в уши: нет – всё будет так, как того хочет природа, а не так, как ты себе придумал!

Мы пошли вместе по тропинке к их дому. Возле крыльца Наташа, которая шла чуть впереди, вдруг обернулась и ещё раз вопросительно посмотрела на меня, будто спрашивая так: ты сделаешь то, что задумал? Пойдёшь до конца? Не свернёшь в нужный момент? Наверно это только в советских фильмах, юноша говорит в таких случаях: нет, извини, не стоит, ведь я люблю другую! Давай просто останемся друзьями, хорошо?

В действительности я пошёл за ней, как баран на бойню, потому если перед тобой симпатичная женщина с грудью четвёртого номера, которая намекает, что не против, и на дворе при этом ночь, то любопытство берёт верх и все голоса здравого смысла умолкают.

Мы пришли в Наташину комнату, которая была напротив Цилиной, и закрылись в ней. Наташа выключила свет, быстро сняла олимпийку, брюки и лифчик, оставшись в одних трусиках и присев на кровать, стала ждать.

Я тоже разделся и шагнул к ней. Грудь её оказалась даже больше, чем я предполагал. Я ласкал её, лизал, мял и тискал, как может это делать лишь ребёнок, которому сунули в руки дыню. Потом мы сделали то, что обычно делают взрослые.

И вдруг после того, как всё произошло, я почувствовал себя таким опустошённым, будто из меня вынули душу. При этом меня захлестнуло такое разочарование, какого я раньше не испытывал и какое бывает лишь у человека, которого обвели вокруг пальца мошенники. Я не понимал, откуда это взялось! Ведь вот же передо мной женщина, раскрытая и готовая для всего - любви и ласки, думал я. Она ничем меня не обманула, приведя к себе. И всё же у меня было ощущение, что меня использовали!

Мы сделали попытку повторить всё ещё раз, но тут я уже вообще не понимаю, что случилось, потому что, едва не задремав на ней от скуки, я вылез из-под простыни и сел на стул. Стыд заливал моё лицо. Я не знал, куда себя деть. Натянув штаны, я принялся рассматривать её комнату, где кроме кровати, чемодана в углу, шкафа и вазы с сухоцветами на столе, ничего не было. Попутно я пытался придумать, как намекнуть ей, что мавр сделал своё дело и ему лучше бы уйти. Наташа, продолжая лежать, вдруг принялась рассказывать мне про свою учёбу, но я слушал в полуха, думая, как бы аккуратно прервать её монолог и дать понять, что моё пребывание и так затянулось, и если внезапно вернуться из города её подруги, то нам обоим будет перед ними неудобно.

Догадавшись, что я иссяк, Наташа села на кровати, опершись спиной о спинку и прикрывшись простыней.

- Что теперь? – Спросила она.

- Не знаю, - пожал я плечами. - Завтра репетиция утром. Мне надо идти.

- А-а, - протянула она. – Ну, ладно, хорошо, иди. Завтра ещё увидимся.

- Да. – Кивнул я, накидывая рубашу и принимаясь обуваться.

«Завтра», думал я, уходя из домика девушек. Нет, завтра этого я точно не хотел. Домой я шёл, как пьяный, опираясь на деревья и думая о том, что натворил. Ведь внутренний голос говорил мне, когда я сюда шёл: не надо! Или не говорил? Нет, говорил! Почему же я не послушался его? А кто его знает - почему! Кто знает?

Утром за завтраком мы с Наташей встретились. В то утро на завтрак давали макароны с вареной колбасой, мою любимую еду. Но еда не лезла мне в горло. Вид прежде аппетитных розовых кружочков, вызывал отвращение. Увидев, что Наташа смотрит на меня, стоя у раздачи, я стал нарочито бодро ковыряться в тарелке.

Пришли Вилли с Толиком. Паша и Авангард ещё спали. Увидев Наташу, Вилли весело поздоровался с ней. Она ответила ему приветствием в той милой манере, которая нам всем очень нравилась. Я даже подумал на миг: посмотри, какая она хорошенькая, чего ты взъелся на неё? Но, когда я вспомнил вчерашний вечер, это ощущение прошло.

Взяв пустые подносы, Наташа, Толик и Вилли вдвоём двинулись вдоль раздачи. Некоторое время они стояли спинами ко мне, о чём-то между собой переговариваясь. Когда Наташа, выбрав еду, снова обернулась ко мне, я, предвидя, что она захочет подсесть, но, зная, что она не сделает этого без моего разрешения, опустил голову ниже, сделал вид, что не замечаю её взгляда.

Когда же через некоторое время я снова поднял глаза, то увидел, что она села за стол вместе с ней Вилли и Толиком. «Ну, и отлично», облегченно выдохнул я.

Позавтракав, Наташа с Вилли встали и пошли вместе к выходу. Когда она проходила мимо меня, я отвернулся, сделав вид, что рассматривая герань в горшке и в кашпо на стене. Мне казалось, что я довольно долго так просидел, поэтому очень удивился, когда повернув голову, увидел перед собой Наташу, которая, улыбаясь, сказала:

- Приятно аппетита!

- А, спасибо! – Каркнул я неожиданно от долгого молчания.

Она засмеялась, сказав:

- Не подавись.

И, похлопав меня по спине, пошла к выходу.

Доев макароны, я отнёс на мойку тарелку и тоже пошёл к дверям.

- Куда ты сейчас? – Услышал я Наташин голос позади себя, когда вышел на веранду. Обернувшись, я замер. Мне до ужаса не хотелось с ней общаться. Она, кажется, это почувствовала. Стоя всё в той же наклонной позе, как вчера, опираясь локтями на перила, и склонив немного голову набок, она с хитрой улыбкой спросила:

- Что-то было не так вчера, Лео?

- Всё так. – Сказал я, отводя глаза и думая: если ты не чувствуешь, как это было, то какой смысл продолжать?

Наташа вдруг выпрямилась и посмотрела на меня. Вчерашняя сцена повторялась. Но сейчас её поза показалась мне едва ли не враждебной.

- Просто что –то с горлом сегодня, - стал я врать, трогая шею. – Наверно простудился вчера. Неважно себя чувствую.

- А-а, понятно... - Качнула головой Наташа. – И куда ты хочешь направиться?

- На репетицию. – Пожал я плечами.

- Вилли сказал, у вас сегодня нет репетиции, - отвела она глаза. - Авангард ещё вчера вечером всех предупредил, что хочет уехать в город, и поэтому её отменил.

- Ну-у... Мне там всё равно надо повторить отдельные рифы, подучить кое-что, а то у меня не получается. – Стал бормотать я.

- Понятно, - Наташа опустила голову.

- А ты куда? – Спросил я её. Просто так спросил.

- Хотим поехать с Вилли тоже в город, мы уже договорились, а то у нас обоих сигареты кончились, - сказала Наташа.

Вышел из столовой Вилли, который задержался в туалете, чтобы помыть руки. Зоя, посмотрев на часы, сказала ему:

- Побежим? А то не успеем. До электрички полчаса осталось.

Вилли кивнул ей, подмигнул мне, и они побежали на станцию, до которой было добрых два километра.

- Счастливого пути, - с явным облегчением крикнул я им вслед, почувствовав, как неискренне прозвучали мои слова.

Наташа, обернувшись вдруг на мой крик, выхватила из петлицы джинсовой куртки вставленную туда по пути в столовую ромашку, демонстративно оторвала ей головку, и, бросив разорванные части цветка в разные стороны, побежала за Вилли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОПЬЯНЕНИЕ

Вечером того же дня приехали Зоя с Цилей. Правда, их приезда я не застал. Но я это понял по разговору между Пашей и Толей и ещё по тому, что Паша после репетиции направился не к своему домику, а к домику, где жили девушки. По понятным причинам я не мог идти той же тропинкой, что и Войков, так как она шла мимо домика девушек, где жили не только Зоя с Цилей, но и Наташа, а пошёл другой, обходной, которая приводила к моему домику с противоположной стороны.

Идя в обход по лесу, я впервые увидел жёлтые листья на деревьях. Значит, скоро осень, с грустью подумал я. В наших широтах осень порой начинается в разгар лета и для многих это явление подобно ушату холодной воды: как? И это всё?! Вот те пару месяцев, что грело солнышко - и было летом? Да, приятель, это так, вспоминай, куда ты положил резиновые сапоги и тёплые валенки! Скоро всё начнётся!

Ещё не веря в то, что вижу, будто оценивая масштаб коварства природы, я обошёл кругом дерево, кажется, это был клён, и снова уставился на пяток листьев, которые начали уже желтеть по краям и в центре. Видно и впрямь начиналось другое время года. Мне стало окончательно невесело.

Осень я не любил. Это время года всегда напоминало мне о революции, которая когда – то произошла в России. Давным-давно бабушка рассказывала мне, в Тверской губернии у нас были имение и хутор. Во время революции, устроенной большевиками, мы потеряли всё – и дом, и земли, и доходное предприятие. Теперь у нас ничего не было. Конечно, наверно им, моим предкам, гораздо труднее наверно было пережить весь этот ужас. Ведь сначала у них всё было, а потом, к середине жизни, всё это у них отобрали. У меня же с самого начала ничего не было. Так что же мне было горевать?

Но осень я всё равно не любил. Может потому, что сам характер этого времени года напоминал бунт. Листья валяются сверху будто прокламации, по – революционному ухают ели, воздух, словно объевшийся буржуй, отяжелел, ложится на деревья и начинает там беспокойно ворочаться. Идут по небу отряды грозовых туч. Комары, чувствуя свой скорый конец, принимают кусаться больней. Стук дятла больше напоминает донос, чем оповещение.

Солнце вроде бы пока ещё греет, но пущенные им копья уже не долетают до цели, застревают в листве и не успевают никого поразить теплом. Дует, казалось бы, всё ещё тёплый ветер, но тебя вдруг ни с того ни с сего возьмёт да и проберёт озноб. Деревья пока одеты, но ты уже знаешь, что ещё немного и вся их листва будет сброшена. Задует норд. А дальше –откроет свои чавкающие уста земля и оросятся вновь жирноватой водой окна, заставив тебя уставиться в них и наморщить лоб. Полезут в голову мысли: «кто я? Зачем живу?». И, приставив палец к виску, застрелится возле мусоропровода сосед, услышав, как хлопнула от сквозняка, закрывшись на замок, его входная дверь.

Дальше к рёбрам батареей нарастут мясо курток и кожа пиджаков, расколется дрова, затопчут доброе имя на стельках промокшие в ботинках ноги, соседи, не подумав, заложат голду, к человеку на улице подойдут двое, чтобы убить его вопросом, в целости ли у него нижние зубы, чтобы помочь им открыть бутылку портвейна...

Изменив родине, ринутся за кордон пернатые. А дальше жахнет по-настоящему Аврора зимнего утра и в душе начнётся такой голодомор, что наполнить её не смогут даже набитые под завязку эшелоны людского мяса, если только в одном из вагонов не будет ехать к тебе она, твоя единственная на свете любовь!

Проходя по обходной тропинке и видя из –за листвы домик с еловой бахромой на крыше, где жили девушки, я вздохнул и подумал, как хорошо бы сейчас увидеть Цилю. Но после случившегося ночью, это было невозможно. Поняв это, я чуть не прокусил себе губу от отчаяния. Надо же было так вляпаться!

Мне отчаянно вдруг захотелось ринуться сквозь чашу к домику Циля, найти её, упасть перед ней на колени и сказать: Циля, я ошибся! Ради бога прости меня! Такого никогда больше не случится! Я буду верен тебе до конца жизни! Я буду любить тебя до последнего вздоха!

Но вместо этого, ещё раз тяжело вздохнув, я повернулся и отправился к реке. Напоённый солнцем звенел луг. Воздух был чист и светел. Аплодировал моему детскому легкомыслию вяз, хлопая жгучими, как зелёнка, перезрелыми листьями.

Стоя у воды, я думал: зачем я отрезал к своей любви все пути? Вот так глупо, по собственной воле? Какой бес меня дёрнул пойти тогда с Наташей? И как я должен теперь вести себя при встрече с Цилей? Ведь рано или поздно мы обязательно встретимся! Может пойти сейчас и сказать ей: кто бы не говорил тебе что -то обо мне, не верь этому! Нет, не так... А, может, при встрече просто равнодушно кивнуть ей и пойти дальше? Такой вроде бы нечаянный жест убивает порой больше, чем обойма слов.

Да, лучше будет пройти мимо с гордой поднятой головой, будто мы никогда не были знакомы! А потом, убежав подальше в лес, молча упасть где –нибудь в зарослях, чтобы вой твоего отчаяния услышала лишь земля, и кусты шептали бы над тобой: поделом тебе, дурачина, поделом!

У причала водохранилища служащие уже паковали водные лыжи и укладывали в ящики дорогой акваланжный инвентарь. Со второго августа, по старой традиции уже редко кто осмелится зайти в воду. До самых холодов круги на воде будут выписывать теперь лишь водомерки. Из леса, будто из супермаркета отдыхающие тащили целые пакеты с грибами. Орал у кого –то из магнитофона Высоцкий, предлагая распить на троих Бермудский треугольник. Некий мужчина, встав у костра на колени, дул на угли. А его жена, достав из ведра всё ещё живого окуня, глазами искала, обо что бы шмякнуть этого сопляка, чтобы он не дёргался!

Пока не достали ещё катера и лодки, но мостки для купания уже высохли. Единственным пловцом на воде оставался солнечный блин, чей гипнотический вид погружал твоё сознание в какое -то немое и сытое оцепенение. Стоя у воды и бросая в неё крошки хлеба, ты, как многие до тебя, попадался на крючок опытной плотве, которая приведя своих мальков на экскурсию, терпеливо ждала у поверхности со своим выводком, чтобы показать малькам, как выглядят их заклятые враги - люди.

Сезон завершался и, может поэтому, на душе было пусто и грустно. А вокруг словно шла весёлая ярмарка, где румяный здоровяк Август, выписав лету чек, забирал покупки для своей чахоточной жены - осени.

Бросив остатки хлеба, подобранного у костра, рыбам, я уже собрался идти в домик, как где-то за косогором громко хлопнула дверь, а затем женский голос громко крикнул: «да пошли вы обе!..». Испытывая любопытство, я, отряхнув руки, побежал на крик и, взлетев по дорожке на холмик, за которым начинались домики отдыхающих, внезапно увидел Наташу, которая с вещевой сумкой уходила в сторону железнодорожной станции. Чтобы не быть ей замеченным, вдруг она оглянется, я решил спрятаться за дерево.

- От кого мы шифруемся? – Услышал я ехидный вопрос.

Повернув голову, я увидел на крыльце Зою, которая была одета в дутый оранжевый жилет, под которым с расстёгнутой наполовину молнией, виднелась синяя блузка с глубоким вырезом и кулон на цепочке. Одежда её эта делала невероятно соблазнительной. Её глаза, обведённые синим карандашом, вкуче с синью белков, задорно блестели. Пышно уложенные рыжие волосы светились в лучах уходящего солнца. Полноватые губы, с наполовину съеденной уже помадой словно говорили: хочешь, я и тебя съем, как эту помаду? Услышав моё: «что тут случилось?», она, тронув молнию жилета и отведя глаза, сказала:

- Да так, Циля с Наташей выясняли отношения.

- А где сама Циля? –Спросил я.

- Зачем она тебе? – Кокетливо спросила Зоя.

- Да так просто, хотел поздороваться, - сказал я.

- Поздороваться? – Усмехнулась она. – Ну, ну, иди, поздоровайся. Она у себя в комнате. Только смотри, чтобы она в тебя чем –нибудь не запустила, а то у неё настроение плохое.

- Плохое? Почему?

У меня сразу возникло недоброе предчувствие.

- Да есть причина, - умехнулась она. – Может, пойдём лучше в бильярдную? Там все ваши собрались, поиграем.

- Да-да, хорошо, я сейчас, но только я всё же зайду, поздороваюсь, а то неудобно, - сказал я. – Потом догоню.

Ах, как некрасиво было врать на голубом глазу! Я и не собирался идти ни в какую бильярдную. Лучше б я вернулся на берег, чтобы смотреть на рыб, если Циля даст мне отворот-поворот. Но так устроен человек, что он, как видно, желает быть обманутым! Я смотрел на Зою так, будто нисколько не лукавлю, всё так и есть, сейчас только скажу «привет» и побегу следом за тобой.

Зоя, кивнув, сказала «хорошо», но всё же по тому, с каким подозрительным видом при этом она на меня посмотрела, она не поверила ни одному моему слову. Всё с тем же своим хитрым прищуром, всё теми же лисьими глазами взглянув на меня ещё раз, она, будто ожидая не совру ли я чего –нибудь ещё, сошла со ступенек и пошла по тропинке. Через пару метров, она обернулась и снова бросила на меня взгляд, столь же ироничный, как и все предыдущие. Но я, делая вид, что отряхиваю руки от берёзовой шелухи, посмотрел на неё в ответ таким наивным и невинным взглядом, что она отвела глаза, и я понял, что выиграл эту дуэль.

- Ладно. Буду ждать тебя в бильярдной, - сказала она и пошла по тропинке в ту сторону.

Проводив Зою глазами, я направился к двери. Зайдя на крыльцо, я оглянулся, почувствовав спиной, что кто-то подглядывает за мной. Оглянувшись, я увидел, что Зоя, в самом деле, осторожно выглядывает из-за дерева, наблюдая за тем, что я собираюсь делать. Это заставило меня прямо-таки всего съёжиться внутри от неприятного чувства, что за мной шпионят. Но, обернувшись во второй раз, я увидел, что Зоя спокойно продолжает идти по тропинке и я без страха толкнул дверь.

В маленькой прихожей горел свет. У самого порога валялся кроссовок. Я откинул его, прижав ногой к стене. За второй дверью был уже знакомый мне длинный коридор. Неприязненно взглянув на дверь, где был накануне с Наташей, я перевёл взгляд на дверь Циля.

Она была приоткрыта. Постояв немного и послушав, я шагнул к ней, осторожно заглянув внутрь. Комната, окутанная сумерками, в этот раз показалась мне неудобной. Это касалось не вещей внутри, а самой атмосферы, которая словно бы впитала что-то враждебное и требовала, чтобы её проветрили. Было ощущение, что недавно в этом месте прошёл эзотерический шторм и поэтому повсюду теперь здесь витали остатки чьих –то духовных испражнений. Циля лежала на кровати у окна, накрывшись с головой одеялом.

Немного постояв, я повернулся и шагнул к двери, чтобы уйти, но она, но скрипнула половица и она, откинув вдруг одеяло, резко спросила:

- Кто здесь?..

- Извини. Это я, Лео. Прости, если не вовремя, сейчас уйду.

Я начал было уже закрывать дверь, но Циля, увидев меня, села на кровати и крикнула:

- Ни в коем случае! Очень хорошо, что пришёл. Заходи, не бойся.

Она взяла с тумбочки резинку и стала стягивать ей волосы в хвост.

- Ты ведь отдыхаешь. - Сказал я. - Может, лучше потом?

- Ничего, я просто прилегла. Неважно просто себя чувствую. Заходи. Как твои дела?

- Отлично. В институт поступил.

- Молодец.

Она поглядела по сторонам, словно хотела найти кого –то в комнате, и, не найдя, устремила их на меня:

- Ты...давно пришёл?

- Нет, только что.

- Ясно...Из девчонок кого –нибудь видел?

- Зою, она к бильярдной пошла.

Сказав, я кивнул на осколки фаянсовой вазы, валявшейся на полу, спросил:

- Ты разбила?

Циля посмотрела на осколки, потом опустила ноги на пол, ничего не ответив.

- Садись, - предложила она, подняв немного руки и опустив их на кровать.

Я шагнул к ее кровати, но она замотала головой:

- Нет, нет, на стул.

- А...

Я сел на стул возле двери.

- Лео, скажи, только честно, - сказала Циля, когда я устроился. – Я тебе нравлюсь?

Я так энергично кивнул, что голова у меня чуть не отвалилась. Потом спросил:

- Ты ведь это знаешь. Почему спрашиваешь?

- По-ни-ма-ешь... - растягивая слово, скосила в сторону глаза Циля. - Мы когда с Зойкой в цирк ездили, она там зашла к своей матери, Раисе Павловне, взять у неё бутылку чешского аперитива и чего –нибудь на закуску. У неё мама завскладом работает, если ты не в курсе. Ну, и вот, потом мы приехали мы сюда, сидим, выпиваем. Конфетки австрийские, сыр с плесенью. Всё отлично. Вдруг Зойка Наташу спрашивает, чем занималась, пока нас не было? И вдруг эта фея, не знаю, то ли аперитив на неё так подействовал, то ли ещё что –то, давай нам рассказывать: я пока вас не было, с этим была, и с этим переспала... И в деталях, знаешь.

А у нас с Наташкой, ещё когда мы вместе велоспортом только начали заниматься, постоянно возникали контры. Едем, например, парами. Она берёт и начинает меня опережать ни с того ни с сего, хотя мы договорились вроде соблюдать договор. Я ей кричу: дура! Куда ты лезешь? Мы в команде! Либо все на первом месте, либо –нет! Зачем спуртуешь, если не можешь до конца сейчас раскрыться, перед рывком надо!

Но ей всё равно. Потому что у неё натура такая, у Наташки. Ей поскорей надо всё сделать одной, первой прийти. Ну, и проиграли мы тогда. Из-за неё! Злилась я на неё очень долго, прямо до чрезвычайности! У меня иногда на тренировке желание было прямо велонасосом её отходить, ей богу!

А тут мы опять, значит, втроём об одной маленькой игре договорились, как раз, это когда как раз с вами познакомились, что никому из вас не будем отдавать до поры предпочтения, чтобы всё было навроде конкурса. Чтобы немного вас посводить с ума. И чтобы вы хоть немного выдержку проявили.

Ну, а уж потом, если всё пойдёт, как надо, то... может быть, кто знает.

- И ты об этом так откровенно мне это говоришь сейчас? - Не выдержал я.

- А что? - Циля посмотрела на меня. - Чего мне тебе голову морочить? Ты парень умный, сразу видно, в институт вон поступил. Мозги у тебе есть. Чего мне вокруг тебя ходить?

Она дождалась, пока я снова кивнул, опустив после этого глаза, что Цилей было воспринято, как согласие с её мыслями, а затем продолжила:

И, в общем, чтобы всё было честно, мы договорились друг другу рассказывать, кто как за кем ухаживает. И чтоб в отсутствии какой -то одной из нас - чтобы ни-ни, понимаешь?

Я кивнул, хотя ничего не понимал. Неужели женщины так делают?

- А тут до этого мы ещё сидели и выясняли, кто кому нравится. - Продолжала Циля. - И вроде Наташка сказала, что она без ума от Вилли. Зойка, та вообще, как Штирлиц, никогда никому не признается в своих симпатиях. И ей было труднее всего. Но вроде как ей нравился Паша. И это было ясно по тому, как он часто к ней навевался. Не знаю, правда, вышло у них там что -то или нет. Это сейчас не главное. Главное, что мы с Зоей приезжаем, а Наташка говорит, что и с Вилли была в наше отсутствие, и с Пашей, и вроде как... с тобой тоже! Скажи мне, это правда? Циля в упор посмотрела на меня, причём так, что внутри меня всё дрогнуло.

Слава богу, у меня хватило ума ещё раз замотать головой.

- Ну, я так и думала, что она всё врёт. - Посмотрев на меня оценивающе, медленно сказала Циля. - В этот раз она меня так разозлила, что я в неё горшком с цветами бросила, вон осколки валяются.

Я стал смотреть по сторонам, будто раньше не видел ничего, пока мой взгляд не упёрся снова в груды черепков на полу, заметённых вместе с землёй веником. Конечно, можно было рассказать Циле всю правду. Но что бы это изменило? Ничего. Нам бы пришлось расстаться, и всё. А так у меня был шанс. Я благодарил судьбу, что так всё вышло. Что Циля не поверила Наташе, а та, не став её разуверять никого, хлопнула дверью и уехала.

- Короче, я в неё этой вазой. - Продолжала рассказывать Циля. - Хорошо, что она вовремя увернулась, а то бы она ей прямо в голову прилетела. Потом мы стали ругаться. Прямо, как на базаре. Очень громко. Один раз она меня так обозвала, что я ей врезала, не смогла сдержаться. Она меня тоже пару раз достала, вон какой синяк на ноге. Мы орал тут так, что на берегу наверно было слышно.

Я кивнул, вспомнив крики и усмехнулся.

- Ну и вот, а после этого она побежала, собрала вещи и уехала.

- Значит, она больше не вернётся? - Спросил я.

- Ты представляешь, эта стерва, - словно не услышав вопрос, продолжила Циля, сделала это, воспользовавшись нашим отсутствием. Разве это не предательство! Ты как думаешь?

Я поджал губы, скосив глаза в сторону.

- Разве нет? - Посмотрела она на меня.

- Да, конечно... - кивнул я на этот раз более решительно.

Циля внимательно на меня посмотрела:

- У тебя, правда, с ней ничего не было?

- Ты что? - С испугом сказал я. - Нет, конечно! Зачем?

- Я так и думала...

Циля посмотрела в окно, где по верхней кромке окна пробежала тень облаков, а потом ещё ветерок стал качать паутину, запутавшуюся в углах рамы.

- Ну, скажи, скажи, разве это не предательство? – Опять спросила она.

- Конечно, а что же ещё! – Уверенно кивнул я.

- Разве подруги так поступают?

- Нет, - мотнул я головой.

Циля опять посмотрела на меня очень внимательно, потом зашла на второй круг:

- Вот я и говорю: мы сидим, выпиваем. Вдруг она говорит: хотите новость? И давай: я с этим была, с этим, короче – все от меня без ума! Короче, я лидерша в вашей тройке! А вы обе чмошницы!

- Почему – «чмошницы»? – Не понял я.

- Ну, у нас тренер по велоспорту, Бурцев, есть у нас такой, так он у нас «чмошницами» отстающих девушек называет. А если ты в лидеры выбиваешься на гонке, то «огурцами». Ну, какая Наташка «огурец»? Типичная чмошница!

От горки черепков с землёй вылетела световая бабочка, на которую я отвлекся, дёрнув головой, а потом опять посмотрел на Цилю.

- В общем, то ли на меня аперитив тоже подействовал, то ли у меня накопело к ней, - продолжала она, - я взяла и дала ей по лицу. Просто, чтобы она не задавалась. Зойка сразу за дверь, ой, говорит, разбирайтесь сами. Трусиха. Наташка, едва она ушла, на меня с когтями бросилась. Я её ногой оттолкнула, она в меня совком железным бросила, хорошо я увернулась. Потом мы стали бороться. Вон, как она мне шею расцарапала, кошка! Зойка вдруг вернулась, давай нас растаскивать. А я так зла была, что и Зойку отпихнула. Теперь мы все поссорились. Наташка собрала вещи и дёру дала. Я главное ещё кроссовок найти не могу свой, пропал куда –то.

Она стала озираться, будто ища его, потом посмотрела на меня:

- Ты не видел его?

- Он в коридоре, по-моему, у стены там, - показал я головой в сторону двери. - Принести его?

- Не надо, – махнула рукой Циля, закидывая опять ноги на кровать, прижимая их к себе и опуская подбородок на колени. – Я сама потом.

Было заметно, что ей что –то не давало покоя. Что –то, о чём она не хотела говорить. Мы помолчали. Вдруг, повернув ко мне голову, она спросила:

- Ты, правда, с ней не спал?

Я вновь отчаянно замотал головой, сделав испуганные глаза.

В принципе, я не так уж сильно врал, что у меня с Наташей ничего не было. Потому что, разве то, что между нами было можно назвать изменой? Нет. Недоразумением, можно было, но изменой – это слишком!

- Это хорошо. – Сказала Циля. - Потому что это бы прямо крушением всего было.

Я опять кивнул головой, на этот раз вперёд.

Циля посмотрела на окно, завешанное наполовину снизу байковым одеялом, пробормотав:

- Про тебя, кстати, я единственного не поверила. Закрой дверь, пожалуйста.

Я прикрыл дверь ногой, шаркнув по полу, но она сказала:

- Нет, на ключ закрой.

Услышав щелчок, Циля вдруг начала стягивать с себя футболку.

- Иди сюда! - Сказала она, растягиваясь на кровати.

Друзья мои, впервые в жизни я увидел грудь богини. Не дыню, настоящую грудь! Боже мой – какое это было чудо! Такой красоты я в жизни не встречал! Поняв, что она хочет от меня,

я, не раздумывая начал расстёгивать рубашку, одна из которых, отлетев, тут же покатила по полу, и стаскивать с себя брюки. Бросив свои вещи на тумбочку, я замер возле кровати, любуясь ею.

Тут надо сказать, что порносайтов в то время ещё не было. Поэтому изучать эту сферу жизни можно был лишь по живой натуре. Впервые я увидел обнажённую женщину, когда мне было шесть лет. Мы с мамой тогда жили тогда в общежитии. Кроме нас там было ещё две семьи, в одной глава семьи был капитаном милиции, а другая состояла из одинокого пенсионера. У капитана милиции были ещё маленькая дочь и жена. Однажды я застал жену капитана, очень симпатичную женщину, в ванной, стоящей под душем. Услышав дверной скрип, она произнесла очень игриво, не открывая глаз: «Пусечка, ты чего, соскучился?». Открыв глаза и увидев перед собой вместо мужа меня, разглядывающего её прелести, жена милиционера прикрыла ладонями все интимные места руками и закричала моей матери: "Кира, забери своего выкормыша, пока я ему уши не надрала!". Загадкой осталось, почему решив принять душ, она решила оставить открытой дверь. Это на первый взгляд невинное приключение, оставило в моей душе неизгладимое впечатление. Мне стало очень нравится наблюдать за женщинами без одежды.

Второй раз я видел голых женщин, когда отдыхал в пионерлагере. Мне было тогда лет двенадцать или около того. В уличной душевой, куда я спрятался, чтобы не ездить на картошку, было два отделения - женское и мужское. Со стороны мужской, в перегородке была дыра, которую затыкал сучок. Услышав женские голоса, я тихо отковырял затычку и прильнул к глазку. Когда я это увидел, у меня перехватило дыхание. Девушек было шесть. И все они были голыми! Их тела, освещённые полуденным солнцем, будто лучились и казались от этого неестественно белыми. Красивой походкой они заходили под душ, намыливая животы, груди, волнительные лобки и умопомрачительные ягодички. Они громко разговаривали и вели себя естественно, так как не подозревали, что из-за перегородки, облизывая пересохшие губы и затаив дыхание смотрит на них ребёнок.

Вы скажете: а Наташа? Я, разумеется, пытался рассмотреть и Наташу во время нашего ночного нашего происшествия, но во –первых, она поначалу разделась не полностью, а во-вторых обнажилась лишь под простынёй. После того, как между нами всё произошло, она снова накрылась всё той же простынкой. Добавьте сюда то, что дело происходило в темноте, и вы поймёте, что я ничего увидел.

Зато теперь передо мной была Циля, и то, как её видел было невероятно, феерически возбуждающе! Она была великолепна. Ей бы пошло царское ложе с пурпурными подушками, грумы с опахалами и подносицы с вином и фруктами, оскопленные слуги и мириады эльфов, летающие туда –сюда с фонариками. Но и так, на простой пружинной кровати она выглядела просто по –царски.

Передо мной была не девушка - одалиска! От неё исходил невероятный цветочный аромат, и её окутывало почти небесное сияние. Неудивительно, что в том, что я чувствовал, было что -то от молитвы и преклонения одновременно. Не раздумывая, я сразу же присягнул храму её красоты, вознеся руки к мечетям её груди и одновременно припадая к иконке между ног. Мы сплелись в упоительном соитии. А когда всё кончилось, долго лежали рядом, глядя друг друга. Боже, насколько это отличалось от того, что было с Наташей! Конечно, у меня с ней ничего не было! Я не врал! Отдохнув, мы снова предались с Цилей любви. Я был просто неутомим в этот раз и очень гордился этим.

Наконец, просто улеглись вместе и стали разговаривать. Я говорил, что теперь моя жизнь, наконец, обрела смысл. Я нашёл ту, с которой проживу всю оставшуюся жизнь. Циля совершенно без улыбки слушала меня. Возможно, она считала мою болтовню не слишком новой. А, может, даже хуже – неумной. Вслух, конечно, она этого не сказала. Я наверно долго говорил, потому что когда посмотрел на неё в следующий раз, она уже спала.

Две ночи подряд я провёл у неё. Циля иногда выходила, что делать зарядку, а потом возвращалась. За едой в столовую ходил я. Когда меня спрашивали кому, я говорил –одной девушке, которая заболела, этого было достаточно. Когда я возвращался, мы ели, а потом снова ложились в кровать.

Каких только открытий я не сделал в ходе детального изучения её тела! Оказывается, чуть ли не любое прикосновение губами к женскому телу, может вызвать у неё стон, а некоторые поцелуи даже лёгкую судорогу! Потрясённый этими открытиями я только и делал, что целовал её везде. А Циля, только и делала, что вздрагивала, отдаваясь мне снова и снова! Но ещё поразительней было то, сколько Циля знала стихов! Да что стихов, она знала целые поэмы!

В перерывах между сексом она читала мне их, а я лежал и слушал: Есенин, Цветаева, Мандельштам! Это было невероятный замес из физической близости и поэзии! Она говорила, я слушал, подперев рукой голову и затаив дыхание. Из этого состояния не хотелось выходить!

Не удивительно, что скоро мы оба завязли в любовном бреде, как две перцовых горошины в кювете жестянки. «Где ты был так долго?», однажды спросила она меня. «Сдавал вступительные экзамены в институт», пожал я плечами. «Я не про это, дурачок». «А про что?». Она долго и ласково смотрела на меня. Потом, отведя глаза, спросила с улыбкой: «Сдал?». «Конечно», не без гордости заявил я. «И кем ты будешь?», тихо рассмеялась она. «Банковским клерком, наверно». «Слава богу, мы не умрём с голоду», всё с той непередаваемой иронией глядя на меня, закончила она.

Потом я начал рассказывать ей про экзамены. Она так смеялась, что я всё прибавлял и прибавлял, выдумывая всё новые и даже несуществующие случаи. Потом мы снова занялись любовью. А потом дремали, обнявшись. И снова сливались, проснувшись.

Иногда мы вдвоём выходили на улицу, чтобы подышать свежим воздухом или выкурить сигарету на двоих. Вообще –то Циля не курила, но иногда за компанию могла.

Репетиции и танцы продолжались. Но теперь, едва освободившись, я сразу бежал к ней. В клубе Циля теперь не появлялась. Иногда туда приходила лишь Зоя. Но, посидев немного одна, она куда- то уходила.

Наша мужская компания тоже распалась. Если раньше после репетиций мы всю ночь сидели в бильярдной, курили до одури и отпускали шуточки, то теперь, едва положив гитару, я выскакивал на улицу, выискивая в темноте узкую дорожку, которая вела к домику Циля. Зоя на моё частое появление в их жилище реагировала странно– здороваясь, она смотрела будто мимо меня, словно это был не я, вернее – я, но ненастоящий, а настоящий я был где –то от неё на расстоянии. Иногда она меня будто вовсе не замечала.

Но однажды, когда я пришёл в их домик, а Циля дома не оказалось, она решила сделать пробежку, мы с ней разговорились. Сначала разговор касался отвлечённых тем, погоды и всего прочего. Но потом, разговорившись, она спросила:

- Как у тебя с Цилей?

- Всё хорошо. – Удивился я вопросу.

Она помолчала, потом сказала:

- Я рада за вас.

И добавила, как бы, между прочим:

- Только я на твоём месте не теряла бы с ней головы!

- Что ты имеешь виду? – Спросил я.

- А она тебе разве не говорила, что...

Но в этот момент скрипнула дверь, это вернулась с зарядки Циля и Зоя, шепнув мне: «ладно, пока, потом поговорим ...», скрылась за дверью своей комнаты.

И вот, наконец, Авангард объявил, что наша группа сворачивает свою деятельность. Сезон окончен. Примерно за день до этого, Зоя, внезапно собрав вещи, уехала с зону отдыха, ни с кем не попрощавшись. Закончив грузить аппаратуру в автобус, я побежал за Цилей.

Открыв дверь в комнату, я увидел, что она сидит на кровати с заплаканным лицом. Я начал утешать её, целовать, ласкать и всё закончилось тем, что мы занялись любовью. Успокоившись, она начала собирать вещи. Всё шло хорошо, пока Циля не достав из шкафа какую-то шелковую вещицу не уткнулась в неё лицом и не разрыдалась во весь голос. Как я не пытался утешить на этот раз, мне это не удалось. Она рыдала так сильно, что мне порой становилось страшно. Но постепенно её рыдания всё же начали стихать. Через некоторое время она уже не плакала, а лишь конвульсивно вздрагивала плечами, то и дело хлюпая носом. На какой-то миг, она вдруг затихла и а потом вдруг булькнула, покачав головой:

- Я очень плохой человек, Лео!

- Что ты! – С удивлённым видом, повернулся я к ней. – Ты-лучшая! Лучше тебя никого нет!

Она закивала головой, а потом вдруг сказала непонятную для меня фразу:

- Ну, и пусть всё будет, как будет!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ КРОКОДИЛ

В город мы с Цилей ехали на том же автобусе, который перевозил нашу группу, а заодно и аппаратуру. Старик Зимкин ехал на переднем сиденье видавшего виды ПАЗика, Паша, Толик и Вилли расселись по бокам.

Мы с Цилей, прижавшись друг к другу, устроились на заднем сиденье. За всю дорогу никто из музыкантов никто в нашу сторону не обернулся, чтобы ободрить нас или сказать доброе слово. Конечно, возможно, они этого не делали всего лишь по соображениям такта. Но у меня было странное чувство, что они просто не хотят нас замечать! Может, это и было первым нехорошим признаком... Потому что всё дальнейшее можно было назвать только одним словом - кошмар!

Хотя у меня дома нас ждал накрытый стол, где стояли водка, банка шпрот и хлеб, отужинать нам не удалось. Едва мы пришли, из ванной появился мой отчим с мокрыми волосами, из одежды на котором были лишь трико и шлёпанцы. Звали его Гена. Про себя мы называли его крокодиллом. Увидев, как оттопыриваются впереди его штаны, я вспомнил, что обещал Циле «прописку», но я не ожидал, что её предложат нам так быстро:

- Вы бы оделись что -ли... - кисло заметила Циля моему отчиму, видимо, чтобы сгладить неловкость встречи.

- Это кто? – Устремив на меня два мутных Нила с выпрыгивающими из них крокодилами, спросил он.

- Это ...пока никто... - испугавшись такого вопроса, выдал я из себя.

- Тогда можно я буду первым? - Спросил Гена.

«Как же я мог забыть про этого человека?», думал я, рассматривая свою обувь. Ведь он у нас в семье вроде крабчатого долгоносика испортит любой урожай. У меня было лишь одно оправдание своей забывчивости –любовь! Только она делает человека таким забывчивым, глупым, мечтательным и слепым. «Чтобы кто –нибудь сейчас зашёл и набил тебе рожу!», думал я. Как я в такие минуты жалел, что не умею драться! Ещё как назло, дома не было ни сестры, ни матери, чтобы они оттащили этого хама, и дали нам с Цилей хоть немного передохнуть с дороги.

- Как вы так можете говорить? – Спросила моего отчима тем временем Циля. - Мы ведь с вами даже не знакомы!

- Лопатин. - Показал ей свои нечищенные зубы отчим, с кривой ухмылкой протянув ей руку:

- Сегодня что, понедельник? – Спросила меня Циля, не заметив протянутой ей руку.

- Нет, пятница,- поднял я на неё глаза.

- Странно...

Отчим, чему загадочно ухмыляясь, опустил вдруг голову и затем выдал фразу:

- Ладно, пошли тогда.

- Куда пошли? - Не понял я.

- Пошли на ..й оба отсюда! – Заревел он.

Опрометью мы выскочили с Цилей в коридор, а оттуда на лестничную клетку, не дожидаясь лифта.

- Здорово началась у нас с тобой совместная жизнь! – Остановившись на одном из пролётов и в упор глядя на меня, сказала Циля. – Если я всё правильно поняла, твой отчим хотел переспать со мной?

- Прости, я о нём совсем забыл, - сказал я. –Он для меня вроде, как не существует.

- Что значит, не существует? Я его видела, знаешь ли, перед собой! Такого всего вымытого и с этой штукой, торчащей из штанов!

- Прости, - сказал я, понуро опустив голову.

- И что же нам теперь делать? – Спросила она, сложив на груди руки и глядя в сторону.

– Вот это да!

Она посмотрела на часы:

- Если даже прямо сейчас я поеду на вокзал, то дома в Торжке я буду не раньше, чем послезавтра.

- Не надо на вокзал, - пробормотал я.

- А что делать? Где мы будем ночевать? У тебя есть идеи?

И вдруг меня осенило, я сказал:

- Блин, конечно! Поехали. Тут недалеко живёт моя тётя. Она классная и обожает меня.

Пошли!

Что касается моей тётки, это была правда, тут я Цилю не врал. Она действительно была мировая, и без лишних вопросов приютила нас.

Тётка прежде была первой красавицей в посёлке, и такой по-моему и осталась. Помимо того, что она была так красива лицом, она ещё имела и такую же прекрасную душу.

Тётка отчитала меня за то, что я повёз девушку к крокодилу, хотя знал, что он там. Она обхаживала Цилю, как родную сестру. Показала ей, где ванна. Дала свой халат, ночнушку, чистое полотенце и целый набор кремов и масел. Потом расстелила нам кровать. Нет, у меня положительно была мировая тётка! После того, как Циля приняла душ, они ещё с тёткой целых полчаса шушукались на кухне. Время от времени оттуда слышался смех. И я, лёжа на кровати, улыбался и благодарил судьбу, что у меня есть такая тётка, которая может выручить в трудную минуту.

Потом они вместе пришли, Циля и тётка. Не зажигая света, Циля легла со мной рядом. Тётка поправила на нас обоих одеяло, и сказала мне:

- Спи, племянничек, утром вечером мудренее. И вам, Сесилия, спокойной ночи.

- Ой, вам спасибо, - прошептала Циля, кутаясь в одеяло. Не мечтала о перине даже.

- Переспите, деточки, а утром видно будет, - ворковала тётка, взбивая нам с боков подушки. – Ох, ну, и красивую же ты деваху себе отхватил, котик! – Взъерошила она мне на голове волосы, перед тем, как уйти. И уже возле дверей добавила:

- Сразу видно, Сесилия - наш человек! А на «крокодила» ты, дорогая, внимания не обращай. Это я его отчима так называю - «крокодилом», - пояснила она. – Трезвый он, говорят, человек, как человек, только я его трезвым ни разу не видела...

Прижавшись, мы с Цилей утонули в бабушкиной перине, как две субмарины в илистом грунте и, хватаясь за обрывки слов, которые будто глубоководные рыбы ускользали от нас не оставив следа в темноту, начали погружаться в сон. За окном плыли медузы облаков и

галогеновые скаты. Фары ночных авто освещали наше затонувшее жильё ползущими косяками света. Возвышался, как исполинская актиния, столетник на окне, отбрасывая в комнату целый выводок шевелящихся змей, которые, обжив батарею и быстро увеличиваясь в размерах, переползали на дверцу соседнего шкафа, собираясь дать там потомство перед тем, как совсем исчезнуть. Светила за стеклом мириадами огней Вселенная, наблюдая в лунный глазок за неприглядной стороной нашей жизни.

Утром возле кровати нарисовалась мама. Черноволосая, в цветастом платке и чёрной юбке, с белой сумочкой на руке, она чем-то напоминала Коко Шанель в её лучшие годы:

- Лично я «за» счастье в личной жизни. – Заявила она нам. - Даже подскажу, где можно недорого снять квартиру, если пообещаете мне не мчаться сломя голову в ЗАГС. Согласны?

- Да! – Хором ответили мы с Цилей.

- Вот и хорошо, - сказала мама. – Пойдёмте чай пить, я торт привезла.

Едва мама, попив с нами чай и поев торта, уехала, мы с Цилей начали обсуждать, где лучше провести свадьбу. Известное дело, что только идиоты прислушиваются к советам взрослых. Нормальные люди живут своей головой!

Пошли варианты: ресторан, веранда, кафе... А какое платье? Нет, белое не пойдёт. Обсуждение свадьбы было в самом разгаре, как вдруг Циля, погрузнев, как перед отъездом с зоны, опустила голову и начала плакать. Как я не пытался её снова утешить, она не успокаивалась. Я уже хотел силком отвести её в ванну, чтобы умыться, но она вдруг, судорожно всхлипнув в очередной раз, сказала:

- Боже, он меня убьёт!

- Кто? – Не понял я.

- Муж.

- Кто?!

- Мой муж Каретов.

- Какой Каретов? – Захлопал я глазами, вставая.

- Гриша.

Я уставился на неё, не понимая, о чём она говорит. Про Гришу Каретова я впервые слышал.

- Ну, да, я как раз подумала, что мне придётся ехать домой за свадебным платьем! Не покупать же мне его снова. У меня к тому же оно очень красивое, финское... Каретов подарил мне его на свадьбу.

- Погоди, ты что... замужем?

- Ну, да. Извини, я тебе много раз пыталась сказать, но ты...

- Когда?

- Что когда?

- Когда ты мне пыталась сказать, что замужем? – Захлопал я глазами.

- Тогда ещё, на зоне отдыха, помнишь, когда ты пришёл ко мне весь поцарапанный, я сказала тебе, что ЗА-НЯ-ТА! Причём дважды сказала, но ты даже не обратил на это внимания. Ты, видишь ли, без ума от меня был, всё пытался облапать меня. А для женщины знаешь, как важно, если ей оказывают внимание, да ещё так настырно! Я, может, и собиралась тебе сказать всё до конца, но у тебя были такие горячие руки и такие горячие глаза, что, может, я слегка смутилась. Я подумала, ну, пусть. Он скажет всё, а уж потом я... Нет, если честно, в тебе что – то такое, что прямо обо всём забываешь. Ну, я и забыла сказать. Думала, тебе другие скажут. Зоя или Наташа. Они что, не сказали?

- Н-н-ет, не сказали. Хотя, постой, Зоя что-то пыталась мне сказать однажды, но не успела, потому что ты пришла. И она убежала.

- Понятно. Но ты же не будешь отрицать, что я предупреждала тебя: не пожалей потом! А ты: я тебя люблю, ты самая красивая, ты королева, давай поженимся! Вот, и пожалуйста....

- Да, всё верно. – Вздыхнув, согласился я, подумав, что фразу «я занята» можно всё -таки интерпретировать по –разному. Однако тут я всё же чувствовал себя виноватым:

- И что теперь делать? – Спросил я. - Мне кажется, тебе не стоит встречаться с твоим мужем.

- Почему? - Удивилась она.

- Он же тебя убьёт, ты сама говоришь, - напомнил я.

- Ужас! – Опять схватилась она за голову, начав всхлипывать.

Минут пять прошло в томительном молчании. Вдруг Циля, резко подняв голову с абсолютно высохшими глазами, как это бывает у людей, которым пришла в голову спасительная идея, вскочила и начала метаться по тётушкиной комнате, словно бы вспоминая, что нужно взять с собой в дорогу.

- Ты куда? - Спросил я её.

- Вот что, ты меня извини, но мне надо срочно вернуться домой, потому что он и её убьёт, - Произнесла быстро Циля, нагибаясь за чем –то, выпрямляясь, зажимая подобранную заколку губами и принимаясь убирать в хвост растрёпанные волосы. Её глаза были уже абсолютно не заплаканными. Она вся была собрана и серьёзна, как бегунья на старте, готовая выпрямиться, будто сжатая пружина.

- Кого убьёт? – Не понял я.

- Каретов убьёт мою бабушку. У меня из родичей только бабушка осталась. Он её доконает, если я не приеду!

- Почему?

- Да потому что это Каретов!

- Он что, убийца?

- Хуже! Он фарцовщик! Ничего святого...У него денег полно. Он заплатит, кому надо и мою бабку просто со света сживут, изведут всякими издёвками!

- Он что, такой низкий?

- Каретов? Да этот гардероб его умней! С ним абсолютно не о чем говорить. Одни деньги на уме, весь дом завален импортом или, как его, экспортом...Он продаёт, сбывает, выручает, я даже стихи в его присутствии не могу читать, потому что ему выражение моего лица в такие моменты, видишь ли, не нравится! Я один раз дала ему задание купить одну вещь. Написала название на бумажке. Он приехал весь хмурый, бросил мне книжку и говорит: я думал Мандельштам это сорт пива!

Циля забежала по комнате, сжав виски пальцами:

- Зачем, зачем я вышла за него замуж? Господи, какая же я была идиотка! Наш брак с самого начала был ошибкой. Он даже начался с ошибки. Представляешь, его, Каретова, в ЗАГСе приняли за свидетеля! Мы туда толпой зашли, он ростом маленький, в льняной паре, а его друг, высокий такой, с галстуком и в пиджаке, оказался чуть позади и как бы между нами. Эта тётка говорит, а сама всё на его друга смотрит. Потом объявляет: новобрачные, распишитесь. Мы пошли. А она как заорёт: «свидетели потом!». Его за свидетеля приняли, представляешь? Это был знак. И теперь, когда я встретила тебя, то просто лишний раз в этом убедилась. Дай мне время, прошу! Я обещаю, что разберусь с этим раз и навсегда!

- Время? Но...сколько? – Потрясённый, я едва мог говорить.

- Что? –Целиком занятая, как видно, своими мыслями, замерла она, услышав мой вопрос.

- Сколько времени тебе нужно? Неделю, месяц? – Повторил я.

- Слушай...ээ...

Она села рядом, посмотрев на меня:

- Ты только не паникуй. Это займёт, может, год. Или два. Неважно. Пожалуй, да, за два года я совсем разберусь.

- Два?! Ты серьёзно?!

Я подскочил, глядя на неё:

- А что я буду делать эти два года без тебя, ты подумала?

Она встала, нежно взяла меня за руку и, посадив обратно на кровать, села сама, положив свою ладонь на колено и серьёзно глядя мне в глаза:

- За два года я постараюсь всё уладить. Нет...

Тут она отвернулась от меня, начав смотреть куда-то позади себя:

- Конечно, два года это ни туда ни сюда. Но за три – обещаю со всем разобраться!

- За три?! Разобраться?! – Я подскочил, как ужаленный. - Ты издеваешься, Циля? Три года! Как это возможно? Ты что, предлагаешь мне ждать тебя три года, как ждут моряка из армии?!

- Неважно сколько, потому что не во времени дело – в результате! Ты же любишь меня? И обещал любить вечно, помнишь? Я сохранила твою телеграмму.

Она полезла в сумочку, достала смятую бумажку и показала мне:

- Это ты ведь мне прислал?

Я кивнул:

- Но...

Увидев смятение на моём лице, она тоже встала, обняла меня, прижавшись ко мне, затем отстранилась, начав гладить меня по лицу, и быстро говоря при этом:

- Лео, ну, ты очень хороший, мы с тобой обязательно будем вместе, только не сразу, не сейчас, но поверь ...

- Боже, три года - это же вечность! – Простонал я. – Это невозможно, Циля, понимаешь?

Вместо слов, она снова усадила меня на кровать, положила свою голову мне на колени, чтобы я мог видеть лишь стянутый резинкой её хвост и не искал в её глазах человечности.

- Увидишь, время летит быстро... – донёсся до меня снизу её голос.

Я вздохнул, кивнув.

Странно, но вскоре после этого нашего разговора я вдруг успокоился. «Какая разница, думал я, замужем она или нет, ведь мы любим друг друга. Допустим, есть где-то человек, который формально считается её мужем. Что с того? Ездят же люди по доверенности на авто, который де-факто является их собственностью? Здесь, по-моему, такой же случай. Некоторое время я страдал, не зная, как представлять её друзьям. Затем пришло решение. Я стал говорить: «Циля, жена», не уточняя, чья именно. По-моему, её это даже забавляло. Разговор о возвращении был на время снят. Циля будто вняла моим доводам и смирилась с тем, что ей не надо возвращаться.

Мы сняли однокомнатную квартиру в центре посёлка, где жила тётя, и начали с ней делать ремонт. Не припомню более изнурительной работы. Приклеив обойный лист, мы падали на диван, чтобы заняться любовью. Потом, ещё лёжа, начинали обсуждать сделанное, водя пальцами по только что приклеенным обоям:

- У тебя здесь какая -то неровность...

- Потому что там приличный бугорочек был на стене, и с ним пришлось поработать...

- По-моему ты плохо с ним поработала. Он выпирает.

- Ж..а, да?

- По очертаньям скорее нога. Давай оставим, как есть, мне нравится. Серьёзно, у тебя талант, что значит рука художника, хи-хи!

- Сейчас лягну тебя. Больно!

- Минутку, а вот здесь рядом просматриваются нос, рот и чей -то фейс с колпаком, о – да это Буратино!

- Лео, я знаю один приёмчик...

- О, я его тоже знаю. Удар языком по губам называется. Давай покажу...

- Размечтался! А пяткой между ног не хочешь?

- Не знаешь, от чего отказываешься. Иди ко мне, будем сосаться.

- Ну, всё, ты дождался!

Мы принимались снова возиться.

- Смотри, тут чьё -то лицо нарисовано! – Кричал внезапно я, тыкая пальцем в стену. Она отвлекалась:

- Где?

Я успевал её пощекотать, потом обращался к стене:

- Да вот. Погоди, не хватает одного глаза, я его сейчас проковыряю...

- Только попробуй испортить мою работу!

Начиналась опять борьба, во время которой Циля умудрялась больно ударить меня локтём, и одновременно пяткой. Я в основном защищался. Надо сказать, что у неё, спортивно подготовленной, был неумный темперамент. Наконец, не в виллах больше обороняться, я решил сдаться, сказав:

- Ладно, и так сойдёт. Знаешь, в этом одноглазом что –то есть. Лично меня он интригует. Напоминает Буратину в старости. Так сказать, вот, что бывает с теми, кто хочет узнать, что там за горизонтом, пройти сквозь нарисованный холст.

- А что бывает? – Заинтригованная, спросила Циля.

- Эта Буратина счастлива с обоими.

Мы опять стали ржать, как две лошади в стойле, а потом толкаться. Устав от борьбы, какое –то время потом мы лежали вдвоём, беззвучно закатываясь над любой весёлой белибердой, забыв, что давно наступила ночь и шуметь нельзя. Но нас почему –то снова с ней вдруг одолевал смех и мы припринимались смеяться во всё горло, забыв про то, что любой гулкой звук в пустой комнате соседи воспринимали, как склоку и тут же начинали барабанить в стенку.

В конце концов, насмеявшись от души, мы ещё долго потом лежали молча. Я думал, вот оно счастье, наконец, оно пришло. Наверно это было видно по моему лицу, потому что Циля, иногда глянув на меня, отворачивалась потом и смотрела на обои, где ей не надо было сталкиваться с моими глазами. Порой она переворачивалась на спину, позволяя рассмотреть себя всю. Или ложилась на живот, повернув голову к стене, и тогда я любовался географией её тела, на котором были видны крошечные леса, островки пор, а также удивительный по красоте нерукотворный канал её позвоночника, чей волнующий бег заканчивался между двумя восхитительными возвышенностями её зада с миниатюрным кратером посередине.

- Давай сюда? – Обвёл я однажды пальцем её симпатичный, цвета конфеты ириски кратер.

- Нет...

Она подняла голову, посмотрев на меня сердито.

- Это ещё зачем?

- Просто интересно...

- Ничего интересного! – Отрезала она, отвернувшись от меня. Потом резко повернулась, подставив руку под голову:

- Что вы за народ, мужики, не понимаю? Вечно вам мало одной дырочки! Не проси больше об этом. Услышу ещё раз – дам пяткой в нос.

Я представил себе, как её пятка, точёная и крепкая, как металл одновременно летит мне в нос и понял, что не выдержу этого. Захлебнусь кровью.

- Нет, так нет, - вздохнул я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Общество «Знание»

Пару недель, пока Циля была дома, я искал работу. Перед этим мне удалось уговорить её не возвращаться пока в Торжок, а ограничиться перепиской с бабушкой и обещаниями, что она скоро непременно приедет. Циля меня послушалась.

Сняв квартиру, мы взяли на себя обязательство ежемесячно вносить за неё плату. Причём за первые полгода мы должны были внести все деньги сразу. С первым взносом нам помогли тётя и моя мама. Хозяин квартиры, пересчитав купюры, обнадёжил нас, сказав, что если мы решим съехать раньше, то часть денег он нам вернёт.

Естественно сразу встал вопрос, как заработать, чтобы расплатиться с долгом. Проблема заключалась в том, что мне был нужен укороченный рабочий день, поскольку я должен был приступить к занятиям в институте. Всё –таки учёбы игнорировать было нельзя, ведь в случае отчисления, я автоматически попадал на службу в армию.

Но почти никто из работодателей на укороченный день не соглашался. Едва услышав, что я студент, они начинали отрицательно качать головами. Всё было ясно, никому не нужен был работник, которого нельзя заставить работать больше или сверхурочно, потому что он всегда может сказать, что ему надо сдавать сессию. При этом платить ему всё равно придётся.

Самым идеальным вариантом, конечно, для было устроиться работать в какой –нибудь ансамбль. Там всегда и подменить могут, и вообще... Но музыкальных ансамблей в то время было, как голубей на крыше, а зарабатывали из них деньги только единицы. Да и устроиться в такой ансамбль, не имея музыкального образования, было трудно.

Почему я не сын богатого человека, думал я, бродя по городу. Почему ни у кого из моих родных нет своего дела? Фирмы? Счета в банке? Что это за страна, где нельзя иметь частной собственности, где за любую коммерцию могут посадить в тюрьму? Наверно я очень нагрешил в прошлой жизни, раз тут родился... Вот с такими грустными мыслями я бродил однажды по городу, когда вдруг услышал музыку, которая доносилась из общества «Знание», а вернее подвальной его части.

Это был западный рок-н-ролл, очень модный тогда, и мне сразу захотелось узнать, кто его так здорово исполняет. Воспользовавшись тем, что на вахте никого не было, я проскользнул внутрь и чуть не скатился задом по ступенькам вниз, настолько пролёт был крутым.

Зал рок –клуба в обществе «Знание» в то время напоминал бункер и комнату для хранения боеприпасов одновременно. Над входом здесь горела красная лампочка, в окнах, закопаченных продырявленной жестью, виднелись решётки. Форточек в таких местах в то время не делали в целях безопасности. Тут хранилась иностранная аппаратура и инструменты такой стоимости, о которой рядовой обыватель и помыслить не мог.

Вентиляция в подвале тоже отсутствовала, потому что кондиционеры в то время считались роскошью. Зайдя внутрь и глотнув спёртого, утрамбованного многочасовой репетицией воздуха, я едва не закашлялся, прикрыв обеими руками рот.

Данным клубом, как явствовало из жестяной таблички о пожарной безопасности, привинченной слева к стене, руководил Александр Ганкин. Я слышал про этого человека от других музыкантов. Между собой все они называли Ганкина просто Аликом.

Надо сказать, что у этого Алика был непререкаемый авторитет не только среди городских музыкантов, но и среди партийной и комсомольской элиты города. Иначе никак нельзя объяснить, откуда у него взялась вся эта аппаратура. В то время, как большинство в городе грали на ламповых усилителях, у Алика были такие сокровища, как «Маршалл» и «Динакорд», то есть, аппаратура, о которых непрофессиональный музыкант, вроде меня и мечтать не мог. Наверно даже сказочный Алибаба, прокрававшийся обманом в пещеру разбойников, и тот наверно не испытал такого шока, какой испытал я сейчас. Чего только не было в этом рок-клубе!

Слева от меня, возле стены, блестя под искусственным светом блетела многочисленными тарелками настоящая ударная установка «Тама», за которыми сидел, в темноте это невозможно

было отчётливо разобрать, как видно тот самый легендарный барабанщик, которого музыканты города называли Балериной за привычку садиться за установку, вытянув в шпагате левую ногу.

Рядом с барабанами, в закутке, между колонкой и усилителем марки Веак, посверкивающим в темноте крохотными зелёными и красными лампочками, сидел, наклонив голову к своей гитаре «Гибсон», музыкант, которого я не узнал в первый момент и который сейчас быстро отработывал проходы.

Дальше, ближе к центру подвала - о, боже! – невозможно было в это поверить, стояли те самые мощные голосовые колонки с фазоинверторами наверху фирмы «Динакорд». Об этой немецкой марке ходили легенды. В частности говорили, что «Динакорд» используют знаменитые «Скорпионы» и «Чингис Хан». Рядом с голосовыми колонками, но чуть в стороне стояли две стойки, в держателях которых серебрились аккуратные торпеды микрофонов австрийской фирмы «Шур». Почти в конце подвала у стены справа сидел за синтезатором фирмы «Корг» последней модели известный в городе музыкант по прозвищу Дрон. Напротив него шагах в десяти стояла - разрази меня гром, если вру! – настоящая басовая колонка фирмы «Маршал» и усилитель, а рядом с ними возил пальцами по струнам своей гитары «Ирис», известный в городе бас –гитарист группы по прозвищу Ботаник.

Конечно, я и раньше слышал про коллектив Ганкина «Возрождение». Про него говорили, что это – «бомба», но теперь я и сам в этом убедился. Ведь если у группы такая аппаратура, то наверно она чего –то да стоит!

Раньше группу «Возрождение» я, как и все слышал лишь на молодёжных вечерах в школах и городских мероприятиях. Популярность у неё была такая, что на вечера с их выступлениями было не пробиться.

Счастливики, попавшие на концерт, говорили: «это что-то с чем-то!», то есть у людей не было слов, чтобы выразить своё восхищение. На практике это означало, что группа спокойно могла исполнить один в один последние модные хиты любых западных групп. В те времена из –за Железного Занавеса музыкальные новинки приходили в страну с большой задержкой. А когда приходили, то купить пластинку многим было не по карману. За отдельные диски барыги на чёрном рынке иногда просили выложить чуть ли треть месячной зарплаты. Большинство людей, чьи родители получали строгий оклад, позволить себе этого, конечно, не могли.

Зато еврей Ганкин, благодаря своим связям, фирменную пластинку мог приобрести легко. Но купить её, естественно, не для того, чтобы слушать самому. Благодаря музыкальному образованию, Ганкин, пользуясь музыкантским сленгом, мог «снять» любой западный хит один к одному и, когда его группа их играла их со сцены, то ты словно присутствовал на концерте популярной группы. Таким образом, «Возрождение» делало очень похожий «эрзац», донося до нас западные музыкальные новинки. Не знаю, как другие, но я с хитами таких известных ансамблей, как «АББА», «Гранд Фанк», «Лед Зеппелин», «Юрая Хипп» и другими познакомился именно благодаря этой группе.

Короче говоря, «Возрождение» было местной легендой, и попасть на его репетицию было огромной удачей.

Не скрою, для меня было сюрпризом, что репетиция «Возрождения», на которую я попал, отличались далеко не мирной атмосферой. То ли из –за спёртого воздуха, то ли из –за громкой музыки, музыканты в самый разгар процесса начинали вдруг ссориться. Я сказал ссориться? Да это ещё слабо сказано! Тут, оказывается, разворачивались такие баталии, что у непосвящённого, вроде меня, это могло вызвать кратковременный шок с непроизвольным опусканием челюсти.

Когда я зашёл, обмен мнениями был у них как раз в самом разгаре и вся музыка, естественно, на это время прекратилась. Как я уже сказал, один из ругавшихся, высокий блондин в зелёных вельветовых ботинках, был известный в городе бас -гитарист по прозвищу Ботаник. Его оппонентом был клавишник по прозвищу Дрон.

Отложив круглые очки, за которые его и прозвали Ботаником, басист, держась обеими руками за гитару, чей гриф был направлен в сторону и вверх, как трап к подплывающему к нему из небытия кораблю-призраку, весь подавшись вперёд, кричал изо всех сил в сторону клавишника, так, что даже жилы на шее выступили:

- ...это меня -то трудно вынести?!

- Тебя! - Кричал в ответ пианист, которого за однообразные модуляции голоса и такую же игру, друзья прозвали Дроном. Ловко поймав брошенную в него басистом тетрадку с нотами, он энергично швырнул её обратно.

- А тебя, значит, легко вынести? - Ехидно спросил Ботаник, поднимая с пола брошенную ему партитуру и с размаху шлёпая её на колонку рядом со своими очками, едва сторяча не расплющив их.

- Меня - легко! – Задорно крикнул ему в ответ Дрон. – Потому что я лёгкий, а ты – нет!.

- Пиявка тоже лёгкая – кровосос ты несчастный! - Не остался в долгу Ботаник, снова бросая в него тетрадку.

- Вот и не подходи ко мне, а то укушу! - Парировал клавишник, возвращая ему тем же манером назад партитуру.

- Придавить такую гадость хочется, - начал ворчать после этого Ботаник, ударяя по синим струнам своего «Ириса» и беря несколько сочных бас аккордов.

- Ага, чтобы придавить кого –то надо вес иметь, а у такого ничтожества, как ты, веса нет!

- Не остался в долгу Дрон.

- Хочешь узнать, какой у меня вес? - Пошёл вдруг на него с гитарой наперевес Ботаник.

- Не подходи, шизик, слышь, кому говорю -опусти гитару, - завизжал Дрон, подскакивая с места и загораживаясь от коллеги по группе взятым со стеллажа скоросшивателем с нотами, будто это могло спасти его от увесистого тумака.

Дальше началась битва. Басист, сняв с ноги вельветовый ботинок, пытался ударить им клавишника по голове. Попутно он ещё пытался задеть колками своей гитары руку Дрона, которой он защищался, правда, не сильно, чтобы не поломать инструмент, но весьма чувствительно, и когда ему пару раз это удалось, он в весьма хищной улыбке оскалил зубы.

- Убери от меня свою балалайку, садист несчастный, и свой вонючий ботинок тоже! – Визжал Дрон, загораживаясь папкой от грифа от гитары, как рапирист на тренировке.

- А ты играй нормально, одеяло ватное! - Пыхтя, как паровоз, пытался снова и снова достать грифом своей гитары, прижатые к пухлой груди холёные и белые руки Дрона, бледный от ярости Ботаник.

Наконец, устав от экзекуции, гитарист отошёл, начав надевать полуботинок и ворча при этом:

- Убил бы этого кровососа, клопа диванного!

- Сам клоп! – Вернул ему из своего угла пианист.

- Кто клоп? Я? На!

Не надетый до конца ботинок басиста с размаху полетел в Дрона.

Подобрав ботинок, Дрон немедленно швырнул его обратно, затем снял ещё свой тапок и вдогонку кинул его в басиста. Не долетев до Ботаника, лёгкий летний тапок пианиста упал рядом с ним.

- Вот, он даже кинуть нормально не может. - Обращаясь к невидимой аудитории, сказал гитарист, поднимая за мысок тапок Дрона.

- Фу-у...- Зажал он сразу нос:

- А ты ещё говорил, что тебя легко вынести! Ты хоть слышал, что отравляющие газы запрещены Всемирной конвенцией, ирод! На, вот, понюхай, как должна пахнуть настоящая обувь, клоака ты фашистская!

И Ботаник, с яростью, достойной греческого Антея сорвал с себя ботинок и бросил им со всего размаху в Дрона. Следом он бросил также и тапок Дрона. Перелетев через пианиста, второй тапок крепко застрял в щели между шкафами с аппаратурой.

Пока эти двое ругались, барабанщик и соло гитарист, как видно привыкшие к подобным сценам, тихо сидели на своих местах, ожидая конца склоки, спокойно наблюдая за происходящим. Барабанщик что –то постукивал. Гитарист, в своей обычной манере, будто ничего не происходило, отрабатывал проходы. Лишь один раз, подняв голову и послушав, что говорят его товарищи, вместо привычного пассажа, он сыграл фразу, которая на музыкальном языке означала: «да пошли вы оба»! Хорошо, что оба музыканта, занятые в это момент друг другом, не обратили на это внимания.

И тут, приглядевшись, глаза мои к этому времени уже привыкли к темноте, я узнал в светловолосом парне с гитарой моего приятеля Самвела. Это был известный в городе гитарист, с которым мы иногда встречались у фирменного магазина на Неглинной, где музыканты обычно покупали друг у друга инструменты, шнуры и электронные эффекты для своих гитар.

С зажатым между пальцами медиатором, Самвел, с ухмылкой косясь порой на своих воюющих товарищей, продолжал наяривать один за другим мажорные проходы.

- Сам ты мазок на вирус! - Пыхтел тем временем Дрон, пытаясь вытащить из щели забитый неистовой силой Ботаника свой мокасин. Вытащив его, он понюхал его и крикнул:

- Отличный запах. Никакой вони! Не то, что у тебя, золотарь ты несчастный!

- И года не прошло, как ты понял, что я золото, старик! – Сделав вид, что не понял оскорбительного сравнения, сказал Ботаник.

После этого он, будто ничего не случилось, прибавил звука на своём усилителе и тоже стал отрабатывать басовые ходы. Казалось, конфликт исчерпан. Но так могут думать лишь те, кто не знает правил боёв между музыкантами. Это был всего лишь перерыв перед очередным раундом.

Пока не раздался гонг к очередной схватке, Дрон тоже включил синтезатор и стал наигрывать что –то мирное, вроде регтайма.

Ботаник вдруг, перестав играть, обернулся к нему и вполне мирно сказал:

- Объясни мне, пожалуйста, порода ты лягушачья, почему ты всё время, как шарманка играешь одно и то же?

- Ничего я не ииграю одно и тоже, – буркнул Дрон, не глядя на басиста.

- Играешь, - пока ещё спокойно продолжал Ботаник, но видно было, что терпение у него кончается. – У тебя же, как ты говоришь, есть музыкальное образование. Так что ж ты, как соловей из ходиков всё время играешь одну и ту же импровизацию?

- Сам ты из ходиков! – Окрысился сразу Дрон, продолжая технично перебирать по клавишам пальцами.

- Нет, ну, объясни мне, втулка ты с круговой насечкой, почему у тебя один и тот же набор нот! – Сделал к нему шаг Ботаник, незаметно перед этим вытащив из своей гитары штекер. Понятно, что он готовился к новой атаке:

- Ведь даже птица, коростель ты бесцветная, всё время кричит по-разному. Ты –то, Дрон, человек, почему ж ты всегда играешь одинаково?

- Да почему, блин, одинаково? – Взвизгнул опять Дрон, отъезжая на стуле от синтезатора, и обиженно складывая руки на груди.

- Потому что ты даже сам не понимаешь, - постучал себя по лбу пальцами Ботаник, - что используешь одни и те же ноты всё время!

- Нет не одни те же! – Упрямо насупился Дрон.

- Одни и те же! – Ботаник сделал к нему ещё пару шагов. Выглядело это всё пока ещё довольно мирно:

- Вот сыграй мне сейчас что -нибудь принципиально другое!

- Зачем? - Нахмурился Дрон, придвигаясь к «Коргу».

- Сыграй. Уважь старика! – Попросил Ботаник.

- Пожалуйста! - Дрон откинув белые волосы, положил руки на клавиши и начал импровизировать. Но даже мне, человеку без музыкального образования было ясно, что играет он то же самое, что играл до этого, только громче и в убыстренном темпе. Не выдержав, я рассмеялся у двери. Вместе со мной рассмеялся и Самвел и барабанщик, который до этого тихо сидел за барабанами, обматывая лентой выдавшие виды, расщепленные бешеной игрой деревянные палочки.

- Видишь, - показал рукой в нашу сторону Ботаник. - Люди понимают. Это ли не доказательство? Тебе мой совет, шизик, бросай это дело. Не своё место занимаешь!

Ботаник вдруг полез в карман, достал из неё монету в двадцать копеек и положил на «Корг»:

- На, купи себе мороженое, недоробот, и все твои желания исполнятся!

- Слушай, золотая рыбка, - разозлился Дрон, отъезжая от «Корга», подсакивая, но продолжая оставаться на месте, - исполни моё желание тоже – сдохни, наконец!

По правде говоря, этот увалень по своему сложению, в очках и с розовым, как у пупса лицом, с длинными белыми волосами, распалившись, выглядел смешно на фоне поджарого, немало как видно в своё время занимавшегося спортом, Ботаника. Последний, глядя на Дрона, довольно рассмеялся:

- Вы поглядите на эту механическую куклу! Личинка тутового шелкопряда и то бы могла больше напугать. Ну, давай, кинь в меня чем-нибудь. Только партитурой не надо, а то в туалет сходить будет не с чем!

Дрон, стоя всё в той же позе, со сложенными на груди руками, зло пыхтел, глядя на басиста.

- Смотрите, смотрите, как он злится! Давай, ударь меня, - разрешил Ботаник, приблизившись к Дрону и карикатурно выдвинув вперёд челюсть. Тот молча стоял на одном месте, тяжело сопя.

- Что, не по зубам я тебе, амёба из филармонии? – Спросил Ботаник, отходя.

- Конечно, ты мне не по зубам, инфузория зелёная тувелька! – Крикнул ему клавишник разозлённо. – Я и не собирался тебя есть! Чего тут есть? Ты настолько мелкий, что тебя съест нельзя, ты промеж зубов застрянешь!

- Кита не разглядел? Да я, не учась в консерватории лучше тебя сыграю!

С этими словами, бас-гитарист подбежал к Коргу и сделал глиссадо по клавишам, вызвав этим сухой, как у кастаньеты звук.

- Ага, конечно, размечтался! – Восприняв эту диверсию, как новую атаку против себя, Дрон схватил пианистский стул и выставил его на всякий случай перед собой для защиты. Повернув голову к нам, он воскликнул, будто ища для себя защиты:

– Глядите, нас у объявился Моби Дик! Заткните его кто-нибудь, а то мы все утонем в его жёлтом море!

Сидевший за барабанами и заматывающий изолентой концы ударных палочек парень, хохотнул на этом месте, а потом, зажав рот локтём и поводя смеющимися глазами туда –сюда, мол, извините, друзья, что встал на чью –то сторону, но уж больно хороша была шутка, отложил замотанные палочки в сторону, взял вместо них щётки и начал отбивать по центральному барабану ритм, согласно которому Ботаник провёл своим снятым тапочком очередную экзекуцию Дрону. Устав его лупить, он отошёл от клавишника на своё место, чтобы передохнуть.

- Господи, как же мне он надоел, этот чайник с нотами! - Ворчал он при этом.

- Сам - чайник! – Немедленно вернул ему Дрон.

На лице Ботаника после этих слов возникла почти мученическая улыбка:

- Надеть ему что ли гитару на голову? – Спросил он нас.

Мы трое отрицательно покачали головой.

- Ты замолчишь, наконец, или нет болван с клавишами? – Повернулся он к Дрону. Вероятно, в следующий момент он бы снова бросился на него. Но тут его остановил Самвел:

- Ботаник, может, хватит? - Спросил он, перестав играть.

Басист повернул к гитаристу голову и спросил:

- А чего он меня каждый день достаёт своей единственной импровизацией, Самвел?

- Ладно, ребята, чего вы в самом деле? Не надоело вам? – Показывая всем видом, как всё это скучно, спросил барабанщик.

- Мне? - Спросил Ботаник, ткнув себя в грудь пальцем. - Да мне давно всё надоело! У меня, кстати, сегодня дела есть, так что пока!

И выключив усилитель, он пошёл к выходу, продолжив ворчать на ходу: "это какие силы нужны, чтобы его вынести?"

- Вот именно так Сальери говорил Моцарту! – Крикнул ему вдогонку Дрон, заставив при этом всех покачать разочарованно головами. Мол, ну, что ж ты не дашь человеку уйти!

- В смысле? – Остановился сразу Ботаник, повернувшись к нему. Самвел и барабанщик на этом месте тяжело завздохали.

- Так говорил Сальери – Моцарту, а что? - Повторил Дрон, подтягивая к себе ногой стул, чтобы в случае чего было чем обороняться.

- Ну, правильно! Об этом я и говорю. – Обрадовался Ботаник, делая шаг к нему. - Наконец - то я услышал слова истины. – Всё верно. Моцарта выносили всего четверо, которые вынесут и тебя!

Воцарилась пауза, которая бывает, что бывает на виниловых пластинках в промежутках между треками.

- Не понял, - наклонил голову Дрон.

- Неужели? – Уставился на него басист. – Ты же такой у нас умный! Ты ведь в консерватории учился!

- Но не кончил её, - напомнил Дрон.

- Оно и видно!

Ботаник, зло покосившись на Самвел и барабанщика, мол, вот с каким дебилом вы имеете дело, развернулся и пошёл снова к выходу.

- Не понял, и кто же эти четверо? – Крикнул ему Дрон вдогонку.

- Да те четверо, которые выносили его гроб! – У дверей сказал Ботаник:

Когда он вышел все, в том числе я, закачали головами, улыбаясь на такую мудрость. Проводив Ботаника глазами, Самвел, наконец, увидел меня, стоящего смиренно в уголке. Узнав меня, он кивнул и улыбнулся, сказав:

- Привет, старик, какими судьбами?

- Да вот, зашёл, - сказал я, выходя из тени на свет.

С Самвелом, помимо Неглинной, мы ещё несколько раз встречались на разных городских музыкальных конкурсах. В промежутках между выступлениями групп, мы иногда обсуждали с ним выступления музыкантов или делились впечатлениями от новых дисков, или о концертах известных групп, которые видели или о красивых девушках, которых в нашей местности почему –то днём с огнём не сыщешь, или о каком –нибудь новом алкоголе, который пробовали, в общем обо всём понемногу.

На дворе был 1984-й год.

- Ты чего пришёл? По делу или так? – Спросил он.

- Просто услышал классную музыку на улице и зашёл. Можно побуду?

Самвел великодушно кивнул. Краем глаза я успел заметить, как после слов «классная музыка» Дрон вскинул голову и обвёл всех торжествующим взглядом. Парень за барабанами,

после моих слов, начал вдруг очень искусно отбивать двойки, то и дело откидывая прямые тёмные волосы со лба.

- Ладно. Я забыл, ты сам из какой группы? – Спросил Самвел.

- «Сезон», - соврал я, покраснев.

Про «Могикан», инструментальную группу Авангарда, где я до этого работал, упоминать мне не хотелось. А то ещё подумают: «такой молодой, а связался со старпёрами!».

Разумеется, группы, «Сезон», давно уже не было, но врал я в то время примерно также, как дышал. Я даже не знаю, почему это делал. Просто мне казалось, врать необходимо, чтобы выжить. Это был род мимикрии что -ли, как у хамелеона. Здесь одно скажешь, там другое. Ну, и, типа, жив остался!

- Только у нас группа распалась. – Прибавил я всё –таки для правдоподобия. - Всех в армию забрали.

- Ха-ха! – Подал вдруг голос барабанщик, посмотрев на Самвела. – Та же фигня! У меня в группе троих музыкантов – гитариста, клавишника и бас –гитару, забрали в армию! Вася, кстати. Ходер. Группа «Башенные краны».

Он протянул мне руку. Я тоже ему представился.

- А где Балерина? – Спросил я, глядя на Самвела.

- Балерина в больнице. Очередной приступ язвы.

- Ясно...

- У тебя какая специализация? – Спросил меня Вася.

- Бас-гитара, вокал, – глянув в сторону колонки, под которую положил свою бас - гитару Ботаник, сказал я. На самом деле, по тому, где музыкант оставляет гитару, можно понять лабух он или нет. Лабух запросто может прислонить гитару к стене или к колонке, где любой её может задеть и тогда она упадёт и сломается. Профессионал никогда так не поступит. Он положит гитару на пол, на открытое и освещённое место, где её никто не сможет нечаянно пнуть или раздавить.

- Но, конечно, у меня такой красоты никогда не было. - Кивнул я в сторону аппаратуры. Всё, что мы могли себе позволить это усилитель «Тесла» и колонка самопал, вот и всё. А «Маршал», о таком я даже мечтать не мог!

- Ну, что, раз есть басист, может, мы продолжим тогда репетицию, – обратился Дрон к Самвелу.

То, как он это сказал, однозначно давало понять, что так он хочет отомстить ушедшему по делам Ботанику: ты ушёл? Ну и иди! А у нас другой басист!

- Почему бы нет? - Засмеялся Самвел: - «Дым над водой» знаешь? – Спросил он меня.

Ещё бы было не знать композицию, от которой сходило с ума всё наше поколение! Мы переписывали слова этой вещи друг у друга и разучивали наизусть. Разбуди меня ночью и я спою: «в июл кейм оут то Монтрё оф зе лейк Женива шолойн...»!

- Знаю. – Кивнул я. – Кто ж её не знает?

- Бери тогда бас гитару, - разрешил мне Самвел.

Как величайшую святыню поднял с пола тяжеленный «Ирис» и повесил его себе на шею. О, как великолепен был его гриф! Какой изящной головка. Как таинственно сверкали в полутьме сердечники и ободки звукоснимателей. Как нежно отливали зеленью будто облитые воском, запаянные в пластик толстые металлические струны! Как кнопку, открывающую дверь в таинственную пещеру Али-бабы тронул я тумблер усилителя и сделал побольше громкость. И вот уже из колонки ударил под самое сердце сочный, мягкий, чистый басовый звук. Не помня себя от счастья, я стоял и улыбаться, как последний дурак. Подумать только, ведь этой самой гитары всего пять минут назад касались пальцы самого Ботаника – белокурого аристократа сцены, легенды школьных вечеров!

Это на его концертах школьницы с округлившимися уже формами, румяные и напудренные, танцую возле сцены, посылали ему воздушные поцелуи и подмигивали ему, голосуя вверх двумя пальцами. Парни не могли отвести взгляда от бегающих по грифу его длинных пальцев. И с кем судьба предлагала мне сейчас играть? С легендой сцены Дроном! Это ему, в перерывах между ударами бубна, Ганкин грозил кулаком. И всё потому, что когда Дрон увлекался, он мог в состоянии экстаза закинуть ногу на клавиши и изобразить, как играет Литтл Ричард. Хотя в такие моменты, как многие говорили, Дрону было бесполезно что –либо говорить, настолько он был погружён в себя и свои эмоции. Ботаник был единственным, кого можно было назвать образцовым музыкантом, ему редко приходилось делать замечания. Зато Самвелу всё время доставалось от Ганкина за то, что он, увлекаясь, чрезмерно импровизировал и брал лишние ноты. Что касается ударных, то прямо во время концерта, Ганкин мог подбежать к Балерине и, хлопая в ладоши и остукивая по полу ногой, мог показать, какой должен быть темп, если он был не правильный. Короче, Алику, чья бабушка, как говорят, одно время работала с Луначарским, вместе с даром руководителя досталась и обуза быть воспитателем.

Как –то раз в пивной, случайно оказавшись с Ганкиным за одним столом, я слышал, как он жаловался на музыкантов своему другу еврею, известному в городе психотерапевту Вениамину Лойко: «...ну, это гои, Бенья, что с них взять?! У гоев же недостаток продолжение их достоинств! Хорошо, если недостаток один и крупный, к нему хоть со временем можно привыкнуть! А то ведь обычно их много и они мелкие...»

Столы в пивной были длинные, народу много, и люди, не спрашиваясь, подсаживались друг к другу, становясь невольно свидетелями их разговоров.

- Надо тогда просто набраться терпения и ждать, когда все они проявятся. – Продолжал Алик. - Возьми Ботаника: умница, чудо -гитарист, а пьёт так, что из дома может выйти с мусорным ведром, а барсетку выбросить в мусоропровод! Или вот взять Самвела: настолько увлечён религиями, что может надеть православный крест, звезду Давида и буддийский колокольчик одновременно. Балерина, это мой барабанщик, тот до сих пор сатанеет от всего иностранного. Горчицу и ту покупает венгерскую. Я ему говорю однажды: она просрочена, дубина, посмотри! А он: лучше отравлюсь, чем буду есть советскую!». Как тебе? Наверно из –за этого у него то и дело язва. Как только осень или весна он непременно в больнице.

То ли дело мой кузен Вася Ходер! Вот отличный парень. Не пьёт, и проблем никаких. Его бы взять на барабаны. Но ему ещё года два в Гнесинском учиться, он то на сессии, то на концертах. Впридачу ещё свою группу организовал «Башенные краны». Со мной, гляди, играть не хочет, а с чужими пожалуйста. Тоже мне, родственник называется! Всё изменилось в этом чертовом мире, а, Бенья? Ты скажи, ты когда –нибудь слышал про группу «Башенные краны»? Нет? И я тоже нет. Потому что их сейчас, как кузнечиков в поле, этих групп. Но я так думаю, что пусть он тоже хлебнёт, что и я, может, поймёт тогда. А? Вот именно. Что мы, Би Джиз что ли вместе выступать!

Они посмеялись. Я, чтобы не заострять на себе их внимания, делал вид, что мне плевать на их болтовню, хотя мне было ужасно интересно слушать всё, о чём они говорят. Поэтому я сидел тихо, посасывая с отсутствующим видом пиво и боясь пропустить хоть слово.

- А Дрон, этот, знаешь, похож на будильник с рожками, - продолжал шутить Ганкин, – который лупят, когда он начинает дребезжать. Но и без него никак. Он все партитуры наизусть помнит, перед ним тетрадь не надо ставить. Мы как –то с ним на Кавказ поехали вместе работать, в ресторан там один, «Курень» называется, так в поезде уже выяснилось, что мы все нотные тетради забыли в Москве. Так ты представляешь, он по памяти нам все партитуры воспроизвёл и нигде не ошибся – вот робот! У него и прозвище поэтому –Дрон. Но зато он постоянно грызётся с Ботаником. У них прямо антогонизм какой- то! Один другому слово, тот в ответ два - и понеслось. Я их на Кавказе разнимать замучился. Два раза Скорую себе вызывал, с сердцем было плохо, представляешь? А всё потому, что Ботанку кажется, что Дрон импровизировать

не умеет. Его это прямо в бешенство приводит! Я ему говорю— остынь! Дрон не импровизирует не потому что он бездарность, а потому что он дисциплинированный человек! Он играет лишь то, что сочинил для него композитор и больше ничего! Как ты это не понимаешь! Возьми нотную тетрадь, сочини него импровизацию и дай ему, он сыграет. Что, не можешь? А, то —то... Потому что ты, Ботаник нот не знаешь! Но зато считаешь себя самым умным. Конечно, доля правды в его словах есть, Дрон что ни начнёт импровизировать у него это будет чижик-пыжик в мажоре и в другом темпе, даже тошно. Но зато то, что он выучил, он никогда не забудет, в отличие, например, от Самвела, который обязательно чего —нибудь прибавит ненужного, а половину нужного выкинет! Самвел, это мой гитарист, Бенья, ты помнишь, я тебе о нём рассказывал, ему недавно восемнадцать исполнилось, так что его наверно скоро заберут в армию. Но я его к тебе пошлю. Дрона не возьмут в армию, потому что он наполовину слепой, вот такие линзы толстенные на глазах. Зато память-я-ть, хоть по голове его бей молотком, он ни одной ноты не забудет! Но, правда, жрёт во время работы... Как говорится, «нихил эст аб омни парте беатум»: «нет ничего благополучного во всех отношениях». Это из Горация.

Я сидел и делал вид, что пью пиво. На самом деле, я был единственным приглашённым на творческий вечер Ганкина и поэтому слушал, стараясь не пропустить ни слова. Вокруг нас клубился пар и сигаретный дым. Ходили люди с тарелками, на которых курились только что сваренные креветки, ища глазами место, куда сесть. За нашим столом все девять стульев были заняты и они шли дальше. Иногда, не найдя себе места, они просто ставили тарелки кружки прямо на подоконник, вздыхали, доставали из кармана папиросы либо сигареты, закуривали и мечтательно глядя в окно, принимались медленно цедить пиво, посматривая на прохожих. Жизнь удалась, думал человек, покончив с первой кружкой и выпуская в воздух сигаретную струю. Над головами у всех висел табачный дым такой плотности, что хоть топор вешай!

Сквозь эту муть были видны там и тут оплывшие лица завсегдаев пивной и коричневые, с резкими морщинами лица трудяг, заглянувших сюда отвести душу. У некоторых из посетителей бара был очень тяжёлый взгляд, такой, какой вызывает страх, если ты посмотришь на это лицо трезвым и смех, если ты уже много выпил.

Были ещё круглые столики на одной ножке в середине зала, их было всего пять или шесть. За ними можно было лишь стоять. За круглым столиком умещался один, два, в лучшем случае три человека. За такой стол, как наш, можно было сесть вдвоем.

Так случалось, что люди, часто не знакомые друг другу, знакомились здесь, выпивая вместе. Мне, конечно, тоже очень хотелось, чтобы Ганкин обратил на меня внимание, ведь это знакомство могло в дальнейшем мне очень пригодиться. Но как это было сделать, я не знал. Прерывать человека, одёргивать, встревать в разговор здесь, считалось невежливым. За это в другое время тут можно было получить и кружкой по лбу. Поэтому я просто сидел и слушал, наблюдая, как пьют другие или курят, зажав сигарету между мизинцем и безымянным пальцем, потому что это были единственно чистые пальцы, а другие обычно были испачканы рыбой или креветками, которые тут обычно ели руками. Одни, как Ганкин с Лойко приходили сюда поговорить, другие, с лицами работяг, наоборот, чтобы отдохнуть от разговоров, забыться, погрузиться с помощью пива в грёзы. Работяги говорили друг с другом потухшими и не выразительными голосами. Они давно устали от шума и пустой трескотни на работе, не любили выскочек, задир и нахалов, и поэтому они бы первыми посмотрели на тебя косо, если бы ты сделал попытку бесцеремонно встрять в чей —то разговор.

Иногда где —то в середине зала, кто —то отпускал удачную шутку и тогда по всей пивной, дробясь, как камнепад на горной дороге, глухо проносился одобрительный, разрозненный смех.

- Так вот, однажды я говорю этому Дрону, - отпив из своей кружки, продолжал Ганкин:

- В свитере на репетицию больше не приходи, а то у нас из —за него тут скоро споры начнутся. Другой бы что сказал на это? «Ладно», и все дела. А этого элементарная просьба

вывела из себя, понимаешь? «Какие, на хрен из-за шерстяного свитера могут быть споры?!», начинает орать. Я ему говорю: «да такие, из-за которых появляется плесень!». Он же его, как надел, так ни разу и не стирал!

В другой раз прошу его, как человека: «ради бога, не грызи сухари за клавишами, мышам уже от них тошно!». В среду, как сейчас помню, было дело. В четверг смотрю на клавиатуре - от ми до ля бемоль шелуха от семечек. Замучился клавиши пылесосить!

В субботу играем на танцах, прошу его утром: «только не изображай из себя, ради Бога Литл Ричарда, как в прошлый раз!», вечером этот олух снова задирает в экстазе ногу, чтобы якобы играть пяткой, - это на японский -то синтезатор! - и ломает мне ручку высоты тона и модуляции. Пришлось отдать пятьдесят рублей за починку. А тут ещё обозвал нашу вахтёршу, преподавательницу Марксизма-Ленинизма на пенсии, «большевистской хунтой». Она уволилась. А перед этим написала ещё заявление в милицию: мол, оскорбили при исполнении. Еле уговорил её забрать бумагу, замучился извиняться, все связи подключил! Недавно тот же Дрон при Шагине, это наш скрипач приходящий, взял и назвал его девушку «излизанной мармеладкой». Ну, ты Шагина знаешь, еле растащили... У меня от него уже голова болит! Делаешь этому Дрону замечание – огрызается. Начинаешь хвалить – дерзит. Мне кажется, у него тяжёлая форма нарциссизма. Бенья, ты же доктор, не знаешь, это вообще лечится?»

- Конечно, лечится, - обрадовался Бенья. – Сейчас всё лечится, милый! Приводи обязательно, поговорю с ним...

И вот теперь, с этим -то замечательным, вылеченным наверно уже Лойко Дроном мне предстояло сыграть не что –нибудь, а «Дым над водой», легендарнейшую из композиций группы «Дип Пёпл»! Там, конечно, был особый басовый рисунок, который я, разумеется, знал, но который казался мне слишком простым. Поэтому я слегка его усовершенствовал. Отдельные куски я играл примерно так же, как соло –гитарист. Вообще-то, это было не совсем правильно, но зато я спел без ошибок и ни одного слова из выученного не забыл. Это меня настолько окрылило, что я показался себе великим. Настолько, что, не знаю, какая муха меня укусила, кольнул Дрона после того, как мы закончили:

- А на что это ты там всё время жмёшь ногой под синтезатором? – Спросил я, пытаюсь поддеть Дрона, так же, как Ботаник. - Похоже на педаль унитаза.

- Конечно! Должен же кто-то за тобой плохую музыку смыть! – Сказал Дрон.

Самвел и мальчуган, услышав это, начали сразу весело чесаться. Тут я понял, что такой мелкой рыбёшке как я, лучше такую акулу, как Дрон не трогать. Клавишник подождал, будет ли от меня продолжение пикировки, и, поняв, что нет, не будет, удовлетворённо кивнул и начал не спеша собираться. Самвел тоже, подождав немного, стал зачехлять гитару.

Из –за барабанов вышел мальчуган и, подойдя ко мне, тактично заметил:

- Мне показалось, ты немного изменил басовый рисунок, да?

- Я же не попугай, чтобы всё повторять ноту в ноту, - буркнул я, аккуратно клядя гитару Ботаника на пол. – Просто мне хотелось сымпровизировать...

- Я это понял, – почесал за ухом Вася. – Знаешь, неплохо, в общем, вышло.

- Спасибо.

- Слушай, а ты знаешь, где находится офис Строительной компании «Наукоградстрой»?

- Это которая на Северной? Возле магазина «Берёзка»? – Спросил я.

- Ага, точно. Мы там репетируем в актовом зале. Будет время, заходи. Мне понравилось, как ты спел.

- Хорошо.

И, салютнув мне рукой на прощание, Вася ушёл.

Но откликнуться на предложение Ходера я смог нескоро. Потому что буквально на следующий день мне вдруг несказанно повезло, и меня приняли на работу в качестве ночного повара в недавно открывшийся у нас городе ресторан «Океан». Мы с Цилей ликовали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ай, яй, яй –компания!

Убранство ресторана «Океан», по крайней мере, в советское время, отличалось предельным минимализмом: здесь было всего три ряда столиков, покрытых скатертями, уголок с постерами на рыболовецкую тему, драпированный настоящей рыбацкой сетью, два небольших якоря на входе и эстрада с живой музыкой.

В меню было всего около тридцати блюд, но требования к подаче были очень высоки, и с каждым заказом нужно было повозиться. В результате с работы я приходил иногда за полночь.

Сесилия, пока я был на работе, чтобы скоротать время активно посещала выставки, музеи и кинотеатры, перед сном обычно рассказывая мне, где она была. Или, если на выставку в этот день ей попасть не удавалось, то начинала пересказывать сюжет фильма, который смотрела в кинотеатре.

Выглядело это так: «Короче, там мужик переоделся в бабу и давай американцев дурить!», (фильм «Тутси»), Или: Ох, ну, этот Гойко Митич, он накачанный, как наш сосед Родион Иванович, штангист! (фильм Винету –сын Инчучуна) и т.д.

Вскоре ей стало скучно бродить одной по Москве, и она стала навещать меня в ресторане. Пару дней она сидела в зале, с интересом прислушиваясь к тому, что происходило на сцене. Затем ей это, как видно, надоело и она начала бродить по ресторану, разглядывая мебель, антураж и репродукции на стенах. До меня стали вдруг доходить слухи, что к ней пристают иногда подвыпившие посетители ресторана, но у меня совершенно не было времени с этим разбираться.

Однажды я увидел рядом с ней брата Самвела Анастаса, который подрабатывал в ресторанной группе, играя на ритм - гитаре. Надо сказать, что Анастас был симпатичным и милым в общении парнем, и Циля нетрудно было найти с ним общий язык. Иногда я видел, как в перерывах они вместе сидели и весело болтали, а порой даже уходили вместе в курилку, вызывая у меня приступы ревности.

Когда они задерживались в курилке слишком надолго, я прямо порывался бросить всё, пойти и посмотреть, что они там делают. Мысленно я уже лупасил бедного Анастаса длинной весёлкой для вымешивания пюре и с наслаждением втыкал в него острые кухонные ножи. Хорошо, что в последний момент, меня кто-то окликал, прося ему помочь, и я, скрепя сердце, шёл снимать с плиты чан с бульоном или вытаскивать из духовки котлеты. Спустя время, уже остыв, я начинал понимать, что сделал правильно, не кинувшись в припадке ревности в курилку, и мысленно даже благодарил того, кто помешал мне сделать это, потому что, если бы я сорвался, то бы неизвестно чем бы всё кончилось. Видимо сам Бог берёт меня от опрометчивых поступков, и мне следовало благодарить в первую очередь Его. Утешив себя мыслью, что надо доверять Циля, иначе можно запросто сойти с ума, я вздыхал и продолжал работать.

Когда Циля с Анастасом возвращались, а я это понимал по тому, что со сцены начинала звучать музыка, я потихоньку сбегал с кухни, чтобы посмотреть, где сейчас Циля и, найдя её, как всегда, за дальним столиком, бежал снова на кухню, счастливо улыбаясь. Немного погодя я посылал к ней кого –то из официантов, чтобы тот отнёс ей бутерброд с красной рыбой, либо икрой или салат из креветок плюс чашку кофе, и увидев из своего укрытия, как она уплетает всё это, послав мне воздушный поцелуй, я взлетал на седьмое небо от счастья.

Бросив после Циля взгляд на Анастаса, певшего в этот момент на сцене какой-то шансон, я думал: «интересно, где учат драться?». «Нет, правда, мне бы это не помешало».

Я уже думал, мне придётся объясняться с Цилей насчёт брата Самвела, как вдруг во время перерыва на обед со мной заговорил руководитель ресторанный ансамбля Петрас Станкявичус. Забирая у меня тарелку с супом и ожидая, когда ему положат второе, он спросил:

- Я слышал, ты тоже где-то музицировал?

- Ну, да, играл тут в группе, а потом ещё в одной, а что? – Пробурчал я.

- Ничего. Просто здорово, что ты ещё готовить умеешь, - похвалил он меня.- На парнасе лабуха сильно не разживёшься. Правильно говорят, что талантливый человек, талантлив во всём!

- Не так уж хорошо у меня и получается, - заметил я, скромно опустил глаза долу.

- Почему? Мне нравится, как вы здесь готовите. Всё вкусное, свежее.

- Спасибо.

- Слушай, а это твоя там девушка в зале каждый день нас слушает, симпатичная такая?

-Спросил он меня.

- Да. Что, нельзя?

Я посмотрел на него с испугом. В СССР ведь всё запрещали.

- Нет, почему? Ты главное за неё не бойся, - сказал Фомин. – Я смотрю, ты нервничаешь, мечешься, бегаешь туда-сюда. Ну, и попросил Стасик за ней присматривать. К ней тут пару раз уже подходили разные, думали, она такая, ну, знаешь... А я видел, что она к тебе ходит. Анастас парень здоровый, дзюдо в школе занимался. Он её просто охраняет. Так что не переживай. Свои должны помогать друг другу. Верно? А за гитариста я ручаюсь, он хороший парень!

После этого разговора у меня отлегло от сердца. Петрас, будучи литовцем, был очень рассудительным и его спокойствие, по крайней мере, внешнее, к нему располагало. Не ожидая такого поворота, я положил Петрасу ещё добавки в виде колбасной нарезки и, когда он уходил, ещё сказал ему: «Спасибо! Обращайся, если что». «Добро», сказал он по-морскому:

- И ты обращайся.

Я ещё не знал тогда, что через всего пару лет мне действительно придётся к нему обратиться.

Вечером, когда мы с Цилей возвращались домой, идя пешком, потому что транспорт уже не ходил, я спросил её:

- О чём вы разговаривали в курилке со Анастасом, если не секрет?

- Со Стасиком? О, о чём только не говорили! Он классный, начитанный, у нас в Торжке такие ребята тоже нередкость. Говорили с ним музыке, о поэзии. Знаешь, у него мама, оказывается, с Украины, врач по профессии. А папа армянин, тоже, кстати, музыкант...

- Знаю. Он у нас в городском пионерском лагере завклубом работал, Ашот Варганович его зовут. На баяне играл.

- Да?

- Точно. И маму его знаю. Она родом с западной Украины. Медсестрой у нас в школе была. У неё ещё подруга, тоже с Украины, школьной библиотекой заведовала. Анастас вечно там ошивался после занятий.

- А, так вот почему он столько знает! И стихи, и всякую литературу...

- Да.

- А вот в физике он слаб. – Покачала Циля головой, будто её назначили у Анастаса дуэньей.- Мне ему пришлось объяснять, как возникает эффект резонанса.

Вдруг мы увидели, как подходит к остановке автобус, вероятно дежурный, в советское время так делали, и побежали к нему.

- И ты ему объяснила? – Спросил я, когда забежав в пустой салон, мы сели вместе и прижались друг к другу.

- Ну, да. – Сказала Циля. – Растолковала, как могла.

- И поэтому вы шли, толкаясь бёдрами?

Мне с трудом удалось отразить укол ревности, которая совершенно непрошено пролезла в нашу беседу. Чтобы Сесилия не прочитала по моему лицу, что я испытываю, мне даже пришлось отвернуться к окну и сделать вид, что я рассматриваю прохожих на улице. Кажется, она ничего не заметила, потому что, в следующий момент, беспечно махнув рукой, сказала:

- Нет. Это я ему просто показывала ему, как «ча-ча-ча!» танцуют.

- Тебе не пришло в голову, что это нескромно со стороны выглядело. – Всё-таки не смог я удержаться от язвительной реплики.

- Ой, ну, извини! Такой танец. – Отмахнулась она уже злее. - Я просто пыталась не умереть от скуки в твоём ресторане!

Сесилия тоже отвернулась и начала смотреть в другую сторону.

- Если бы он был мой! – Хмыкнул я. – Мне не пришлось бы стоять на раздаче чуть ли не до полуночи. А кто там к тебе в зале приставал?

- Кто тебе сказал? – Удивилась она, повернувшись ко мне снова.

- Петрас Станкявичюс, их руководитель.

- Да, какие –то типы, представляешь, действительно подошли. Встали передо мной и говорят, девушка, поедemте с нами, у нас всё есть! И с таким акцентом, как у кавказцев. Я испугалась.

- Испугалась?

- Ну, можно и так сказать. Я ведь знала, что ты не выйдешь и не дашь им по морде.

Здесь мне пришлось покраснеть до корней волос.

- Ну, а если ты испугалась, почему не пришла на кухню и не переждала там? – Спросил я, взяв её за руку.

- На самом деле, я не испугалась, - высвободила она свою руку из под моей. – Было бы кого бояться! Ты у нас ещё в Торжке не сидел в Новоямской! Вот, где тебя и накормят, и напоят, и утанцуют до потери сознания, причём не спрашивая! Просто я привыкла, что Гриша за меня, если что, любому глотку перережет...

Чтобы не слушать про Гришу, я встал и пошёл к дверям.

- Подожди...к- куда ты? – Даже начала она заикаться от неожиданности. - А я?

- Извини, не хочу просто про твоего геройского Гришу слушать.- Обернувшись, буркнул я, натягивая капюшон своей лётной куртки на голову и засовывая руки в карманы.

- А, вот что...- буркнула Циля, отворачиваясь и скрещивая руки на груди.

Я постоял. Увидев в окно, что ехать ещё далеко, вернулся и сел на место. Циля сидела всё также, скрестив руки, надувшись и глядя перед собой. Я увидел, как на шее у неё появилась гусиная кожа от холода.

- Холодно? – Спросил я, снимая куртку и пытаясь пристроить её ей на плечи.

- Не очень. – Одной рукой и резким движением плеч, сбросила она её. – Переживу.

Я надел снова куртку, затем попытался обнять её, сказав: «ну, хватит, не дуйся». Но, она, дёрнув плечом, показала, что не хочет этих «сюси-пуси», отвернулась, продолжив смотреть в окно.

До нашей остановки мы ехали молча. Мелькали за окном жёлтые фонари и освещённые ими довольно пустынные в это позднее время тротуары. Пробегали мимо автобусные пункты с гуляющими тенями от столбов и стоек внутри, тёмные фасады длинных многоэтажек, редкие прохожие, выгуливающие не дотерпевших до утра собак, наряд патрульной милиции, решающего забрать пьяного мужика, уснувшего на остановке, в вытрезвитель или просто растормошить его и на своих двоих отправить домой.

- А что ещё там у тебя за фотосессия была? – Спросил я, посмотрев на Цилин затылок.

- Какая фотосессия? – Повернула она ко мне удивлённое лицо.

Я молчал, разглядывая её красивое лицо: без единой морщинки лоб, край гладко зачёсанных тёмных волос, зелёные глаза, аккуратно припудренный носик, подведённые тушью глаза

и красиво очерченные губы, из-под которых сейчас немного кокетливо выглядывали ровные белые зубки.

- А! – Она вдруг радостно хлопнула меня по куртке, будто вспомнив что –то приятное. – Сейчас расскажу. Значит, сижу я, скучаю, вдруг подходит ко мне мужик и говорит: девушка, я не местный в командировке. В жизни, говорит, не видел такого красивого лица: дайте я с вами сфотографируюсь! И начал: и так, и так. Надоед, прямо! Да ещё, говорит, сядьте ко мне на колени и официанту говорит: сфотографируй нас.

- И ты села?

- Да. А что? Раз человек просит!

Ещё минут десять мы сидели молча, глядя снова в разные стороны. Меня душила ревность, но я понимал, что если начну показывать это, то нашей любви нашей конец. Кое – как я поборол это чувство. Но когда стал говорить, то понял, что пережил свою ревность не до конца:

- Тебе, наверно, лучше не приезжать больше в ресторан. – Буркнул я.

- Почему? – Удивилась она.

- Одной, по крайней мере.

- А с кем же я, по-твоему, туда приеду? – Спросила она.

- Не знаю, просто одной тебе нельзя. Тебя приглашают, с тобой танцуют, тебя фотографируют... Ты что, интерьер?

- Я же просто сижу, они первые начинают!

- Да. Но ты вправе отказаться!

- Говорю тебе – мне скучно!

Некоторое время мы опять ехали молча, потом, не в силах держать это в себе, я спросил:

- Значит, тебе было скучно и поэтому села на колени первому встречному мужчине?

Циля прикусила губу, и некоторое время молча смотрела в окно. Потом сказала:

- Послушай, я здесь совершенно одна, тебе этого не понять! Вчера, проснувшись, я открыла глаза в пустой квартире, где нет мебели, штор и тюли, будильника, нет даже элементарного зеркала! Понимаешь ли ты, что чувствует женщина, которой некуда даже посмотреться время от времени?! Ты не понимаешь, каково это быть в чужом городе, где у тебя нет друзей и знакомых. Где у тебя дома нет даже бигудей с щипцами!

Иногда мне кажется, что я не живу и что всё вокруг это тюрьма, ад, специально сделанные для меня. Чтобы я страдала. Такое всё вокруг унылое и некрасивое! А ведь это не наш захолустный Торжок, это Москва! Ну, почти Москва. Здесь есть концертные залы, театры... Мне всего двадцать два, ты забыл? Я, может, всю жизнь мечтала жить тут и теперь уже тысячу раз спросила себя, что я тут делаю! А ты? Ты хоть раз спросил, чего я хочу от жизни, и какие у меня желания?! Даже не пригласил меня в ресторан поужинать ни разу, мне пришлось самой попроситься!

В этом месте я благоразумно промолчал. У меня действительно не было времени возить Цилю по выставкам и концертным залам. Приглашать в ресторан, где ты работаешь, членов семьи, у нас не приветствовалось. Подружек тем более. Даже за те угощения, которые я посылал Циле, мне хотя и в шуточной форме, но высказали, и, хотя денег с меня на первый раз не взяли, всё равно дали понять, что с этим надо кончать. В конце концов, твоя девушка не такая важная шишка, чтобы её обслуживали бесплатно! Что на это было возразить?

Как нужно было правильно действовать в этой ситуации, я не знал. Непроницаемая, как гранит ширма загораживала моё будущее. Впервые мне казалось, что я влюблён и влюблён по-настоящему, и я очень боялся потерять эту любовь.

Однако с каждым днём я чувствовал, что теряю нужный вектор, иду не туда, ощущая себя при этом всё более уязвимым и жалким. Я плутал в лабиринте неизвестных мне положений и коллизий, и если бы у меня было хоть чуть-чуть больше жизненного опыта, то я бы наверняка смог бы решить эти проблемы. Но как раз опыта у меня и не было. Про Бога мне тогда вообще

никто не говорил. В общем, я действовал по наитию, принимая решения часто интуитивно и совершенно естественно, что я ошибался. Хотя одно я знал точно – Циля со мной и какой бы срок не дала нам судьба быть вместе, я должен сделать всё от меня зависящее, чтобы она была счастлива!

Но жизнь такая штука, что она совершенно не считается с твоими пожеланиями.

Обычно, вернувшись с Цилей домой, мы вместе или по очереди принимали душ, потом ложились в постель, чтобы насладиться любовью и после этого засыпали.

Утром я просыпался первым, чтобы приготовить для нас с Цилей завтрак. Её тарелку с едой я обычно оставлял на столе, накрыв сковородой. Свою тарелку после завтрака я сразу мыл, чтобы не доставлять ей хлопот, затем чистил зубы, тихонько одевался, чтобы не разбудить Цилю и уезжал в институт. По окончании лекций я сразу ехал на работу, а оттуда, обычно уже ночью, с Цилей, если она приезжала, или без неё, если она оставалась дома, ехал обратно.

Получалось, что иногда весь день до вечера Циля была предоставлена себе и поэтому не случайно, что она чувствовала себя одинокой.

- Но ведь должен же кто –то из нас зарабатывать деньги! – Вырвалось у меня однажды в ответ на её упрёки.

- Ты хочешь сказать, что...

- Некоторым, представь, не нужно работать для этого с утра до ночи! – Ввернула она.

- Что ты имеешь в виду? Уж не фарцовку ли? – Спросил я.

- Да, почему нет?

- Но это ведь противозаконно!

- Почти всё, что приносит деньги – противозаконно! – Парировала она.

Против этого, в самом деле, трудно было возразить. Но я не хотел попасть в тюрьму, едва начав жить:

- Да, но как ты себе это представляешь? – Спросил я. – Для этого надо иметь знакомства, связи!

- Не надо ничено иметь, кроме желания. Всё это просто. Аэропорт у нас рядом. Находишь там иностранцев, которые хотят сбыть красивые вещи, покупаешь их у них и перепродаёшь.

На словах всё было легко. Я не стал ей говорить, что пытался однажды выменять у иностранцев в аэропорту жвачку, и кончилось это тем, что из здания аэровокзала выбежали люди в тёмных костюмах, белых рубашках с чёрными галстуками и погнались за мной и моим другом. Впервые в жизни я преодолел марафонскую дистанцию, около десяти километров, без передышки. Жаль, спортивный мир об этом так и не узнал. А то бы меня наградили.

- Хорошо, но где взять первоначальную сумму? – Спросил я.

Про банковские кредиты и другие займы мы тогда даже не слышали.

- А ты продай им меня сначала! – Вдруг предложила Циля. – Как проститутку! И сразу решишь этим все проблемы!

Этими словами она будто ударила меня по лицу. Как это продать её? Это было из области запрещённых приёмов. С комком, вставшим у меня в горле после этих слов, я стоял и хлопал глазами, уставившись на неё.

- Зачем ты так? – Проглотив, наконец, комок, сказал я. - Я ведь стараюсь, Циля...Продать тебя?... Да я даже помыслить о таком не могу! Конечно, работа отнимает много времени. Но ведь заработок это необходимость, с которой не поспоришь!

Она вдруг посмотрела на меня так, как монашка Бонасье в фильме про трёх мушкетёров на Дартаньяна, влюблённо и лукаво одновременно, а потом отвернулась.

- Если тебе надоело всё, то просто скажи мне об этом...- проворчал я, дав задний ход.

- Хорошо, завтра позвоню Зое. – Безо всякой логики заявила Циля. – Она, по крайней мере, не ищет повода, чтобы со мной поссориться.

- А я, значит, ищущий!?

- Разве нет?

- Ты серьёзно? – Уставился я на неё.

- Да.

Тут мне стало ясно, что добиться перевеса в разговоре с женщиной невозможно, потому что на каждый твой довод, у неё найдётся свой, куда более весомый, поэтому, сделав вид, что сдаюсь, сказал:

- Извини, я что-то не в духе сегодня.

Мы всё ещё ехали с ней. Мелькали снова остановки с мешаниной теней внутри них, шли запоздавшие прохожие, убегали, оставаясь позади нас фонарные столбы, отсвечивали в электрическом свете окна близлежащих к дороге домов. Всё это знакомое, привычное и обыденное, на миг вдруг стало казаться мне пропастью, которая, открыв чёрную пасть, хотела меня засосать и я, чтобы удержаться на месте, бессознательно схватился за её колено.

Она посмотрела на мою руку таким взглядом, каким смотрят в американских фильмах из своих скафандров астронавты на чужую жизненную форму, удивлённо и немного брезгливо, но сбрасывать руку, как давеча, не стала, а отвернулась и стала опять смотреть в противоположную сторону.

- Пожалуйста, забудь, что я тут наболтал тебе, - попросил я.

Циля, помедлив, кивнула, а затем произнесла:

- Наверно, я, в самом деле, неправильно вела себя сегодня в ресторане, прости.

- Ладно, что было, то было, проехали...

Автобус вдруг остановился, шипанув дверями. Дружно вскочив, мы выбежали из него.

Дня через три после нашего разговора Циля пришла ко мне на работу вместе с Зоей, как и обещала. Оказалось, она чертовски была права, позвонив ей! Теперь они ходили курить втроём – Анастас, Зоя и Циля и, хотя возвращались тоже не скоро, я совершенно успокоился.

Сказать честно, я не думал, что буду так рад её подруге. Я испытывал нечто вроде благодарности к Зое, за что то, что она появилась и, каждый раз, улыбался при её виде. Она мне тоже отвечала улыбкой. Теперь я видел, что Зоя со своей ладной фигуркой, рыжими волосами, ослепительно белой кожей, голубыми глазами и чисто немецкой сдержанностью, вела себя намного уверенней Циля. Конечно, я всячески бичевал себя внутри за это мысленное предательство, но поделаться с собой ничего не мог. Я просто порой запрещал себе так думать! Но иногда, когда забывая, я расслаблялся, кто –то говорил внутри меня: облажался ты, парень, такую девчонку упустил, а она ведь тебе тогда на зоне отдыха строила глазки! Как же ты её прохлопал?

Иногда после работы мы, теперь уже вчетвером, выпивали бутылочку портвейна, перед тем, как разъехаться по домам, а потом по дороге шутили и смеялись, рассказывая друг другу всякие байки.

Однажды в пятницу портвейна оказалось больше, чем нужно и Зоя с Анастасом напросились к нам с Цилей в гости.

Тот вечер, как сейчас помню, был по-осеннему туманным и дождливым. Ядрёной желчью отражался в каплях дождя на стёклах взятого нами на прокат такси свет фонарей. Надрывно кричал из радио «Прощай!» Лещенко. Прижавшись виском к стеклу, глухо подпевал ему Анастас.

Зоя, достав из сумочки бутылку адски сладкого «Шартреза», приклеилась к ней будто намертво. Возбуждая интерес шофёра такси, кивала в такт знакомому ритму Циля. У кооперативной палатки девушки попросили нас остановиться, чтобы купить закуски.

- Только не консервы, прошу, - напутствовала Стаса Зоя, доставая из сумочки и протягивая ему деньги.

Минут через десять он вернулся, сияя от удовольствия.

- Держите, - крикнул он, выгрузив на колени Зою галеты, воблу и литровую бутылку спирта.

- Это что, горячее для машины? – Шевельнула она бутылкой. - Тогда почему так мало?
- Ничего себе мало! - Хохотнул шофёр. – Да на этом можно в Брэхово уехать!
- Где это -Брэхово? – Удивилась Зоя.
- Причём без колёс, - заржал Анастас, не дав уйти разговору в географическое русло.
- Мы вообще –то про закуску, - не дала развиваться теме Циля:
- Эй, повар, у нас же дома есть сказочно вкусная еда? – Обратилась она ко мне.

Вопрос был провокационным. Хотя всё правильно, раз я повар –значит, должен иметь дома вкусную еду. Но как раз её –то там и не было! Сапожник без сапог в нашей стране было нормальным делом!

- Если ты имеешь в виду сказку про три апельсина, то- да! – Свёл я всё к шутке.

Никто не засмеялся, кроме меня. Я встал вспоминать.

Дома в холодильнике, как я заметил ещё утром оставались впрямь три апельсина, какой –то напиток в стеклянной таре, кажется, лимонад, пара яиц и бутылка молока.

- Ну, омлет мы утром сделаем, - буркнул я, - а вот ужин... Слушай, шеф, может, заедем в гастроном, он тут рядом...

- А чего вы хотите там купить в пятницу вечером? – Всполошилась Зоя, отдирая ото рта присосавшуюся к ней бутылку с ликёром.

- Ну, завтрак туриста какой –нибудь взять, хлеба...

- Издеваешься? У нас в гастрономе под закрытие в пятницу только кассу и можно взять!

– Сказала она.

Зоя подождала, пока мы оценим её чувство юмора и захихикаем, но, не дождавшись, спросила водителя:

- Вы пивняк в четвёртом знаете?

- «Гошниловку» -то ? Кто ж её не знает! – Охотно отозвался шеф.

- Вот. Там рядом база продовольственная. Поехали туда.

Машина тронулась. Проехав несколько светофоров, завернула направо и тихо поехала вдоль домов.

- Где –нибудь здесь встать можете? –Спросила Зоя водителя, когда мы стали подъезжать к Торговому центру.

Он кивнул, притормозив.

- Нет, только не здесь, тут вы движению помешаете. Давайте направо, прямо метров десять, ещё раз налево, туда, где площадь, и там, у ворот базы притормозите.

Водитель снова кивнул, немного проехал и остановился у ворот, как просила Зоя. Когда машина остановилась и Зоя вышла, Анастас, нарушив тишину, осторожно спросил:

- А Зоя - она вообще ...кто?

- Зойка у нас обеспеченная, - не без гордости за подругу сказала Циля. - С квартирой, дачей и машиной.

- Куда же она пошла? – Сразу заволновался Стасик, крутя головой.

- На склад, - засмеялась Циля, - у неё мать товароведом работает, она сегодня на сутки заступила.

- Товароведом? Чего, правда?! Вот это да! – Засуетился Анастас, в очередной раз разве-селив Цилю. - Я всю жизнь мечтал о такой встрече! Всю жизнь! Слушай, это надо отметить!

Открыв дверь, он стал вылезать из машины. Прежде, чем окончательно выйти, он наклонился в салон и сказал:

- Пойду, посторожу её, не дай бог, кто –нибудь заберёт!

На эту его реплику я лишь ухмыльнулся. Зато Циля, катая по сиденью бутылку спирта двумя пальчиками, язвительно хихикнула:

- Вот народ эти армяне, им бы тещу побогаче!

- А кто бы от такого отказался, - пошутил я, оглядываясь на неё.

Циля не ответила на мою реплику, начав что –то разглядывать за окном. Я вспомнил, что её родители погибли и, значит, с тёщей её муж тоже никогда не познакомится.

- Вы бы от богатой тёщи наверно тоже не отказались? - Спросил я, не знаю, зачем у шофёра.

Тот, ухмыльнувшись, мелко кивнул. Я снова обернулся, посмотрев на Цилю, но она с отсутствующим видом смотрела в окно, будто говоря этим: «И ты туда же!» Ругая себя, на чём свет стоит, я подумал: кто ж меня за язык всё время тянет!

Повисла пауза, во время которой я тоже начал смотреть в окно. Машина стояла возле большого Торгового центра, где помимо мелких магазинов располагались пивная и товарная база. Тоненькие деревья, торчавшие из чёрных земляных квадратов прямо посреди асфальтовой площади, от дождя и снега были словно лакированные. Дул ледяной ветер. Низко клубились асфальтово-сизые, нагоняющие тоску на сердце облака. Мокрый снег, оползая по стёклам, искривлял прохожих. Я подумал: не случайно, что люди у нас пьют. Как не пить при такой погоде? Всё время холодно и капает. А напившись, люди начинают оскорблять друг друга, даже драться, как иначе? Ведь если тебя оскорбляют, приходится отвечать. А ты до сих пор не умеешь драться, перешёл я привычно на себя. Хотя тебя сто раз учили. Дождёшься, кто-нибудь тебя изобьёт. Ты уже по лесу пройти не можешь, чтобы тебе веткой не дало по морде! Сама природа против тебя.

Будто в подтверждение этих мыслей из-за пелены облаков выглянула одетая, как бродяга в немыслимый балахон из грязной ветоши Луна, готовая обидеться на любого, кто заметит, что она полная. Едва глянув на светило, я отвёл глаза.

Циля всё также сидела сзади меня, время от времени прикладываясь к бутылке «Шартрёза», которую оставила ей Зоя. Я продолжил мысленно философствовать, глядя по сторонам.

Давно подмечено, что любая местность что –нибудь да значит. Плато Наска, например, олицетворяет вечно нераскрытую тайну. Британские острова – бодрствующего льва. Калифорнийская долина – триумфальное шествие Смерти.

Место, где возник наш город, я, думаю, олицетворяет собой наполненный мочевой пузырь. Так лютуют здесь затяжные дожди, так много луж, такие водянистые, обрюзгшие лица вокруг и такой болезненный, будто наполненный мочой взгляд у местных забулдыг. Может поэтому у всех людей, которые живут здесь, так быстро проявляется нетерпение. Взять Анастаса. Зачем он выскочил раньше времени из машины? Стоит теперь, раскачиваясь на холоде и глядя себе под ноги, будто думает отлить, а мог бы подождать в машине. Была бы на его месте женщина, было бы ощущение, что она ищет, где присесть. Нигде в мире я не видел такого количества глядящих себе под ноги мужчин и женщин, как в нашей подмосковной местности, честно! Но я их хорошо понимаю - тяжело всю жизнь ощущать себя паровозным котлом, у которого вот-вот сорвет клапан от избыточного давления.

Отвлёкшись от мыслей, я посмотрел на окна пивной, называемой всеми «тошниловкой». Это там я встретился однажды случайно с Ганкиным и его другом психотерапевтом Беней Лойко. Сейчас в её окнах горел желтоватый свет, и, несмотря на поздний час, продолжали мелькать размытые тени.

Наверно сейчас, ближе к закрытию, там убирают со столов розовую шелуху и собирают пустые кружки, думал я. Если бы не позднее время, можно было бы четвером завалиться туда и накачаться пивом. Хотя нет, обстановка там не для девушек. Я представил себе бар, в который много раз ходил с друзьями.

В молодости аквариум пивняка напоминал мне морг и подводное царство одновременно. Из-под громоздких автоматов тут непрерывно струились вода, исчезая под решётками на полу. В котлах плавали креветки. На раздаче их ловили огромными шумовками русалки с усталыми лицами, чьи перехваченные резинкой хвосты были упрятаны под высокие накрахмаленные салфетки.

Пространство от люстр до пола в пивной заполнял густой туман из смеси табачного дыма и испарений. Сквозь них в резиновых сапогах и фартуке, оглядывая всех взглядом судьи, неслышно расхаживал ангел этого заведения – местная уборщица. Лавируя среди повисших в густой взвеси топоров, она осеняла едва стоящих ногам посетителей крестным знаменем, глазами направляя отдельных к выходу. После этого она забирала со столов тарелки с отработанным хитином креветок и с грохотом сбрасывала их в мешок. Тут не причащались. Это была церковь наоборот. Свечи здесь если и горели, то в заднем проходе. Распятая на газете килька воцерковляла пьяных и отрешала трезвых. Кадилом были кипящие котлы. Иконостасом кружки. Местные служки-поварихи благосклонно кивали на фанатично горящие глаза и молитвенно сложенные руки алкашей. Шли и шли паломники, готовые отдать душу за пару кружек жёлтой влаги. За день службы картина жизни здесь у каждого изменялась с точностью до наоборот. Чёрное вдруг становилось белым. К белому пририсовывался рог. Ближе к вечеру, гремя испачканными столовыми ножами, по залу пивной ходил в резиновом фартуке уже не ангел, а похожая на смерть бабка-уборщица. Равнодушно оглядывая посетителей, будто мёртвых, она брала руками, облачёнными чуть ли не по локоть в чёрные резиновые перчатки тарелки с останками морских обитателей и, шаркая, несла трупы к мусорному баку.

На закате через изуверски громадные стёкла пивной, не защищённые шторами, ослепительно сияло красное солнце. Беспардонно вломившись в тело пивной, оно контрастно вычленило из общей мешанины наиболее рельефные части; рыбий хлам на фоне локтя, замуколенный лацкан пиджака, леденцовую кружку с горкой соли на ободке, вспотевшее лицо, зашкуренные глаза, алюминиевые профили ударниц труда на стенах, профиль здоровяка, увлекающего раковую плоть...

Пивная было дном. И тут не зря давали рыбу. Любой здесь мог врать по советский образ жизни, что он лучший в мире и над этим все лишь добродушно бы посмеялись. Но если бы кто-то, выпив пиво, всерьёз бы стал говорить про преимущества коммунистического образа жизни, то ему бы запросто могли тут дать кружкой по лбу.

Весь зал пивной с его людьми был отличной иллюстрацией уровня жизни, состояния культуры, мыслей – всего. Если ты заходил сюда, то на ум сразу приходило лишь одно сравнение – тошнеловка! Весь этот концерт бесчисленных рук, не отягощённых инструментами, напоминал заговор дирижёров, поклявшихся не играть музыку, эрзац хорошего настроения, люмбаго идиллии, вытасченный снизу и рухнувший на голову колосс из детских горшочков, слёзы Шурика и смех Вицина одновременно. Укол рапиры и татуировка вермутом мотылька на сердце, чьи крылья продолжали гноиться в глазах почти у всех, кто был здесь, как незаживающий шов после операции «Ы»!

Любому новичку, вроде меня, приходившему сюда впервые, местный бог веселья приказывал, как в сказке трижды уйти. Вначале на самом входе, когда в нос тебя ударял немисливо кислый запах из смеси табака, пива, креветок и пота. Во второй раз – у сливных решёток возле пивных автоматов, в которые как после дождя сливались реки жидких отходов. И в третий – возле раздачи, на полках из нержавеющей стали которой не было ничего, кроме котлет за семь копеек, рыбных сосисок, хлебной нарезки и мелких, как саранча креветок, за которыми ещё надо было постоять.

Но если ты всё же оставался, то жёлтое море анестезии заливалось в тебя, делая речь китайской, а глаза косыми. Было ощущение, что все тут дружно вспоминают, как будет по-китайски тухлые яйца, но, так и не вспомнив, все ограничивались только первым слогом –ху.!

К столам чалились всё новые днища... Кто –то поднимал тост: «за тех, кто в море!»... От раздачи шли подносы с океаническими дарами. Готовые к всплытию, томились в кипятке сосиски рыбные. Те, кто наполнялся до отказа, плыли к туалету, чтобы бросить там конец, умыть руки и обдать лицо холодной водой. Мокрый и весёлый ты приходил в себя лишь на

лестнице, где серо –голубой кафель, по цвету напоминавший милицейскую форму, словно предупредил: снаружи поджидает патруль. Не шатайся, а то угодишь в вытрезвитель!

Словно забыв сейчас об этом предостережении, из пивняка шатко ступая, вышел некий мужик и, расстегнув ширинку начал мочиться прямо на фасад дома. Через зеркало я увидел, что Циля, увидев его, отвернулась и начала смотреть в другую сторону. Неприятно, когда в твоём городе творится такое. Мне захотелось выйти из машины, подбежать к мерзавцу и надавать ему оплеух. Но я лишь сжал кулаки и прикусил губу. Ведь я уже говорил, что не умею драться. Но даже если бы умел, связываться с пьяным -себе дороже.

Прошёл кто -то рядом с нашей машиной, залихватски пропев матерную частушку:

О- па! О-па, срослась .анда и .опа!

Этого не может быть,

Промежуток должен быть!

Я видел, как Анастас, дёрнув головой в сторону прошедшего, тут же отвернулся. Он тоже знал, что связываться с такими - себе дороже.

Порыв ветра трепанул окно, кинув мне через приоткрытую щель на колени несколько снежинок. Крикнув: "холодно, блин!", нырнул в машину Анастас и, не опуская воротника замер, глядя перед собой, будто окаменев.

- Когда она уже?..- Не обращаясь ни к кому конкретно, уныло спросила Циля.

- Скоро, - успокоил я её.

Пьяный возле бара, закончив мочиться, начал застёгивать штаны. А, застегнув, стал блевать. "Скотина", подумал я. Завыл в подворотне бездомный пёс и от этой жути стало даже как -то весело на душе. А, ладно, «пусть всё так и будет!», как спели «Битлз».

Мне ужасно захотелось загородить Цилю от всего, что она видит. Но у меня, видит Бог, для этого не было- ни идей, ни денег. Даже эту мечту – загородить, я наверно у кого –то позаимствовал. Такая беспомощность перед жизнью угнетала больше, чем писающий на улице пьяный мужчина или собачий вой в подворотне! Ну, так, «пусть всё так и будет», как спел Маккартни!

Когда у меня было такое настроение, я отдавал себя на волю Воображения. Вот и сейчас, стоило мне закрыть глаза, как оно тут же нарисовало мне другой мир, где было тепло и уютно, где из-за двух остеклённых высоток выглядывало солнце. Откуда взялась эта картина, я не знаю. Но стоило мне закрыть глаза – и вот она! Стоят две башни, между ними восходящее солнце. Где -то высоко, за одним из окон, когда тонкая тюль, колыхнувшись от ветра, открывала внутреннее убранство комнаты, я успевал рассмотреть мебель с дорогой обивкой, кровать с золотыми набалдашниками, царские пуфики с жёлтой бахромой по краям и зеркало в фигурной оправе. Может, однажды мы с Цилей будем жить там, думал я. Поэтому я это вижу? Мне хотелось верить в это, и я этому улыбнулся.

Возле домов в моей мечте по дорожкам ходили упитанные, красиво одетые люди. По небу над башнями летали белые птицы, играла где –то тихо музыка... Но что это? Некий пьяный мужчина, неизвестно как влезший в моё сознание, расстегнув штаны начал справлять свою надобность прямо на фасад одной из высоток. «Сволочь и сюда влез!», подумал я, открывая глаза.

Мир реальный, неприветливый и тёмный, сразу же бросился на меня, ударив по глазам летящими в стёкла ледяными осадками. Снежинки, плаваясь от тепла, мгновенно теряли форму, оползая деструктивным потоком и оставляя в душе озноб. Эта однообразная картина навевала сон.

Спал я и впрямь в последнее время немного, и глаза мои стали сами собой закрываться. Я опять увидел дом, а, может, их было много. Всё расплывалось. В полудрёме я услышал, как мимо машины по направлению к пивной, распевая песни, прошла троица. Я открыл глаза. Этих троих я видел уже раньше, узнал их по одежде. В народе их называли «алканавтами», потому что они, достав горячее и заправившись, улетели на свою планету. А утром снова появлялись

возле пивной или магазина с протянутой рукой. Обычно день у этих троих начинался с того, что они выходили к магазину собирать подачки. Набрав нужную сумму, они брали выпивку и уходили в сквер, в заведения их не пускали, а после этого шли в жилой подъезд, чтобы уснуть на чьей-то лестничной клетке.

Зимой помимо лестниц местом их обитания становились также чердаки и подвалы. Сбор подачек у этих троих был отработан. Увидев кого –то подходящего, один из них с заискивающими глазами подбегал к добыче, смешно гуляя ногами, как ящерица, а потом возвращался с мелочью. Я уже знал, что завтра они снова будут стоять возле магазина и искать чьи -то глаза. Ко мне они тоже часто протягивали руку, словно чувствуя: этот не откажет. И впрямь, когда к тебе протягивают руку, то что –то вдруг шевельнётся в тебе, наподобие жалости, и ты сунешь им мелочь. А потом будешь идти и плевать, потому что из -за твоей человечности они скоро начнут узнать тебя, своего благодетеля, как собака узнаёт своего хозяина, в самом неподходящем месте, к примеру, когда ты, усталый, ничего не подозревая, идёшь домой - и привязаться!

И тогда тебе придётся убегать от них, лавируя во дворах между ларьков, шарахаясь от кошачьего визга фрамуг, оскалов зарешеченных окон и совдеповских морд торговых ларьков. Для маскировки тебе возможно даже придётся затесаться даже в толпу пролетариев, и сделать вид, будто ты возвращаешься вместе с ними с работы. Но вскоре ты сбежишь и от них. Потому что эти, с виду вполне трезвые, но серьёзно обсуждающие решения очередного пленума ЦК КПСС, намного, в миллион раз страшнее тех, пьяных!

Отделавшись от всех своих преследователей, я бежал со всех ног к дому, мысленно уворачиваясь от навален рабочих спецовок, кувалд ватников и кирпичей лиц, пока не замечал, наконец, родной козырёк подъезда с горящей лампочкой-луной наверху.

Здесь я останавливался, чтобы отдышаться и дальше уже шёл не спеша. Кем я только себя не чувствовал, пока лифт шёл вверх - крошечным мотыльком, попавшим в гиперловушку, солнечным зайчиком внутри грандиозного куба, единственным зрителем в пустом кинотеатре, где шёл никому не нужный фильм, преступником, сбежавшим от наказания и попавшим почему –то уже на свободе в изошрённо замаскированный карцер для исправления души, робинзоном...

Не знаю.

Двери лифта, где я ехал, были исписаны кем -то, пол вечно залит мочой...Не могу описать состояние, которое я испытывал! Брезгливость - самое заурядное из них. Когда лифт, наконец, останавливался, я выскакивал на общий балкон, чтобы вдохнуть кислорода. Вокруг были сплошные многоэтажки, крыши которых были соединены проводами. Хлопали от ветра подъездные двери. Полоскалось на верёвках бельё на балконах. В многочисленных квартирах горел свет. И они это называют: "спальным районом", бормотал я, глядя на всё едва ли не зло.

Здесь, правда, всё спало! Как на том архитектурском рисунке, где нет живого, а торжествует лишь схема. Вот он триумф школьной геометрии, парад углов, биссектрис и окружностей, диктатура площадей и четырёхугольников, засилье перпендикуляров и линий, победа цифры и владычество рейсфедера - периметр! Милые, хотелось мне крикнуть, где все природные линии, где радужные изгибы и аттики? Где капители, волюты и картуши? Где заурядный декор и элементарные краски, сволочи? Где всё то, что не помогает человеку не спать разумом! Мучители! Я агонизирую здесь, слышите, я умираю! Я просто ору вам: когда вы, наконец, проснётесь?! Что вы тут натворили, соотечественники мои?!

Из этого бетонного мрака хотелось вырваться, шагнув с балкона в вечность и крикнув напоследок: «да пошли вы все на х...»! Но вместо этого, я поворачивался и плёлся по коридору с отвалившейся плиткой домой, где тоже был сон разума, но где, по крайней мере, были книги! В них авторы оптимисты писали, что от жизни надо получать удовольствие. Но я не понимал, как можно получать удовольствие от того, что было вокруг? Даже лебедей на пруду возле дома и тех похоже съели! Или куда они тогда делись?

Этот мир давил снаружи и постепенно по микрону весь оказывался в тебе со всей его любовью и изысками! Ты сам был плодом его дерева. Вкусным плодом или нет, сами решайте. И надо было либо ждать, пока тебя сорвут, либо упасть вниз, туда, где асфальт, чтобы растечься там у всех на глазах, никому не нужным соком, либо приготовиться к тому, чтобы гнить здесь до конца жизни – и не было другого выхода!

На этих моих мыслях багажник «Жигулей» вдруг открылся и туда, судя по характерному стуку, бросили, наконец, что-то полезное.

Дома, едва Зоя открыла сумку и начала выкладывать продукты, мы заплодировали. Одна за другой на столе стали появляться банки с крабами, чёрной икрой, паштетом и сардинами, упаковки с копчёностями, финской колбасой, козым сыром, венгерскими огурцами, сигаретами «Мальборо» и «Честерфильда», бутылки марочного коньяка, рябиновой наливки и чешского пива. В недрах спортивного баула обнаружили также красная рыба и икра, датский бекон, копчёный язык, иракские финики, кальмары, зефир в шоколаде и набор крошечных шоколадок из Австрии «Моцарт». Последней на столе оказалась фляга «Бехеровки». В Советском Союзе умели снабжать продовольственные базы, где отоваривались все коммунистические бонзы. Ура, так я согласен жить!

- Это чур мне, - предупредила Зоя, отодвигая ликёр в сторону, - напоминает о Праге. Обожаю чехов – напьются и ржут, красота! Накоплю денег, уеду туда. Одна. Или с другом. Поедешь со мной? – Вдруг спросила она Анастаса, вызвав наш общий смех.

Не ожидавший такого вопроса Анастас с довольно комичным испугом устался вначале на меня, потом на Цилю, потом уже на Зою, вызвав этим дополнительный приступ нашего веселья.

Пока мы ждали, что он ответит, Циля весело и немного сурово буравила Зою взглядом, будто мама, которая обожает дочкины шалости, но в то же время не позволяет ей слишком распускаться.

- Ну, это, смотря в каком качестве и главное за чей счёт, - пробормотал Анастас, добавив всем ещё веселья. И вдруг, будто проснувшись, спросил:

- А где спирт, который я купил?

- Оставили мы твой спирт водителю, - успокоила его Циля. – Он тоже человек, ему тоже надо выпить после работы.

- А, ну, это пусть, - согласился Анастас. Советских людей учили не быть жадными.

- Ладно, с этим парнишей мне всё ясно, - сказала Зоя, махнув на Анастаса рукой. –А ты поедешь со мной?

Спросила она вдруг меня.

- Порежу на ветошь, Зойк, - замерев с приподнятым кухонным ножом, которым она резала салями, посмотрела на неё Циля.

- Ой, чего вы все жадные такие? – Надулась сразу Вогель, - я же вот с вами делюсь!

Она сделала обеими руками пасс над разложенными продуктами. Циля, покосившись на неё, снова потрясла опять ножом, сказав с расстановкой:

- Зой-ка... – и покачала головой.

- Ладно уж,- сделала вид, что обиделась Зоя, отводя от подруги глаза, - пользуйтесь моей добротой бесплатно...

- Вот именно, - кое –как дорезав колбасу, метнула нож в кухонную раковину Сесилия.

- Ты хочешь сказать, - нарушил общее молчание Анастас, рассматривая богатства на столе, - что на всё это я могу рассчитывать, зайдя в пивной бар?

- Рассчитывать можешь, получить - нет, - отрезала Зоя, вызвав наш дружный смех.

Сам не зная почему, я прямо залюбовался ей в этот момент. Правда, в том, как она шутила, как вела себя, было много позитива! Она была полной противоположностью мне или Цилю, вечно рефлексирующим. Заметив на себе мой взгляд, Зоя тут же поцеловала меня гла-

зами, а потом стала делать вид, что занята сортировкой продуктов, которые принесла. Подталкивая к каждому еду, она принялась командовать: это поджарить, это можно так съесть, это просто отварить надо, в общем, разберётесь...

После этого она начала вставать.

- А ты что уходишь? – Спросил испуганно Стасик.

- Вот ещё, схожу просто руки помыть.

Ах, какое же это чудесное дело готовить дружной компанией! Девушки чистят картошку, ребята советуются, как вкуснее поджарить грудинку. Горит голубой цветком газа. На чёрной сковороде фырчит сало. Стол потихоньку наполняется тарелками с едой. Раскладывается веером колбаса и сыр, заправляются салаты, намазываются икрой бутерброды, в центр ставится ваза с финиками и фруктами. С гармоничным интервалом, не близко друг к другу, ставятся бутылки со спиртным. Рюмки на съёмной квартире разнокалиберные и это единственное, что портит картину. Зато в разноцветных красках, которыми отливают накрытый стол, поистине есть что – то от картин Матисса, Сезанна и Ван Гога. Весь процесс готовки к тому же сопровождается шутками и смехом. Ах, как я люблю советские посиделки!

Когда всё было готово, мы, наконец, усадились пировать.

- Великолепно, - с набитым ртом выдохнул Анастас, когда мы выпили по первой и принялись закусывать. – Обожаю ходить в гости, здесь всё намного вкуснее!

- Что ж я, дура, хрен не взяла... - оглядев по очереди всех, спохватилась Зоя.

- Ничего. Зато ты взяла до хрена! - Успокоил её Анастас.

Его слова потонули в хохоте. Зоя поощрительно кивнула своему армянскому визави, лобызнув попутно глазами и меня.

- А, ладно, - махнула рукой Циля, - так хоть языки, может, с беконом уцелеют.

Но языки не уцелели. Ими пришлось молоть до утра. Что касается консервированных, то утром их поджарили с яичницей. К финалу последней бутылки свинцовые тучи общего настроения рассеялись, окрасив хмурое вчера в радужные голубые тона.

Зоя, я и Циля начали вдруг спорить об искусстве. Это вполне нормально для русских, когда они, выпив, начинают спорить о том, о чём понятия не имеют.

Анастас, в отличие от меня, благоразумно молчал, лишь изредка поддакивая тому, что слышал: «Коринфский стиль, Ренессанс, Готика, потом Барокко и Рококо, дальше ничего нет. Всё, закат Европы!», говорила регулярно читавшая Освальда Шпенглера Зоя. «Нам бы такой закат, ага», кивал Анастас. «Вот именно», поддакивала Циля. «Ты бы у нас в Торжке побывал, узнал бы, что такое закат. Без Европы». Но Зоя стояла на своём: «да у нас всё впереди, как вы не понимаете? Здесь скоро начнётся такое, что мама не горюй!». «А мне, кстати, нравится этот фильм «Не горюй», перевёл вдруг Анастас разговор в кинематографическое русло. «Какой – то он оптимистичный»!

Теперь заговорили о любимых актрисах, актёрах, режиссёрах, съёмках, подходах к выбору природы и искусстве в целом. Досталось Италии и Пазолини, вспомнили про Андрея Рублёва и Третьяковскую галерею. В конце разговора даже треснувшая голубая плитка советского производства над раковиной и та стала казаться патиной. Циля вдруг начала декламировать «Шаганэ» Есенина. Анастас, послушав её, заплодировал, потом сказал задумчиво:

- Шаганэ – армянское имя. Значит, «добрая». Вы все очень добрые. Можно, я вашим туалетом на минутку воспользуюсь?

Суэта с укладыванием всех на сон напомнила мне затихание концертного зала перед началом первого действия. Хлопали дверцы шкафа, скрипели пружины раздвигаемого дивана, шуршали простыни. Неожиданно выдал руладу забывшийся в туалете Анастас, спевший громко: "Течёт река Волга!". А потом из кабинки донёсся его голос:

- Слушайте, дайте мне ключ разводной что-ли, я хоть воду тут перекрою!"

- Зачем? – Подбежав к туалету, спросила в щелку Циля.

- Дак вода течёт всё время и не останавливается! – Сказал Анастас, выглянув к ней.
- Ну, и что? Если ты её перекроешь, её же вообще не будет. Пусть течёт, на то она и Волга! – Засмеялась она.

В советское время за каждый литр воды не надо было платить, течёт и ладно!

- И то верно, – заметил Анастас.

- Водопроводчик сказал, надо кран новый ставить, – пояснил я Анастасу, когда он, помыв руки, вернулся на кухню.

- Ну, ладно тогда, – согласно кивнул он. – Слушай, мы уже всё выпили или у нас ещё чуть чуть есть?

Чуть-чуть как раз было. Мы выпили по последней, а затем пошли спать. Анастас с Зоей после долгих переговоров легли на полу. Мы с Цилей – на диване. Ночью я проснулся от громкого шёпота. Зоя смеялась, шлёпая Анастаса по голому телу:

- Ну, прекрати, я сказала: хватит! Разбудишь всех...

Какое -то время было тихо, потом опять раздался шёпот Анастаса:

- Один разок всего, ну?..

- Ты мне в глаз сейчас заехал пальцем своим... - прошептала Зоя.

Послышалось кудахтанье, означавшее, что они смеются, уткнувшись в подушку.

- Блин, ну, и ржач, – отчётливо произнесла Зоя.

- Один разок, ну, пожалуйста... - стал совсем, как ему казалось, тихо канючить Анастас, впрочем, нам с Цилей его было отлично слышно.

- Что ты заладил? Разок -разок...- бубнила в ответ Зоя. - Я же сказала - нет, что ты мне его суешь?

- Ну, чтобы ты взяла.

- Я не могу, у меня руки заняты.

- А ты отпусти трусы.

- Нет уж, я подержу лучше.

Опять раздалось весёлое кудахтанье, затем шёпот:

- Убери руку. Блин, "Анастас" - что за имя такое? А ласково тебя как, Настя что –ли?

Возникла пауза, во время которой они кудахтали так долго, что я почти уснул. Затем опять возник шёпот, из которого я разобрал:

- ...Стасик можно.

- Тараканское имя.

- Греческое. Значит, «воскресший», - обиженно заметил Стас.

- Правильно, тебя, как таракана не убьёшь, ты чересчур большой!...

Снова началась возня. Потом голос Анастаса удивлённо сказал:

- Какие ноги у тебя сильные, слушай...

- Я же с тренажёра не слезаю. Хватит меня щупать!

- Нет, правда...

- А ты что хотел? Мы ведь с Цилей спортсменки.

- Да?

Весь разговор происходил так же шёпотом, но ощущение было такое, что он доносится из суфлёрской будки на сцене, настолько всё было отчётливым.

- Да. Между прочим, и я, и Циля, мы обе кандидаты в мастера по велоспорту! – Донёсся опять шёпот Зои.

- Нет, серьёзно? А я главное думаю, чего это мне так хочется вас обеих пригласить на велосипед?

Послышался шлепок.

- Договоритесь сейчас...оба! – Пригрозила им громко Циля.

На пару минут установилась тишина, изредка нарушаемая лишь дыханием и шорохами. Затем откуда-то из глубины пошли стоны, вначале тихие и сдавленные, а затем всё более громкие, отдалённо напоминающие звук капель горячей пластмассы. Достигнув апогея, они слились в одно единое «о-о!», Несколько секунд после этого было тихо. А потом голос Зои тихо спросил:

- Это что?

В ответ донеслось едва различимое бормотание, словно говорили на ухо.

- Ужас, я по уши в эликсире жизни! – Озвучила она шёпот Анастаса. Отсвечивая в темноте своей великолепной фигурой, в ажурных трусиках и без лифчика, трясая красивой грудью, она встала и под наш с Цилей сдавленный смех, сексуально покачивая бёдрами, направилась в ванную.

Следом за Зоей в ванную чуть ли не вприпрыжку, натягивая на ходу трусы, побежал Анастас. Циля, чтобы не видеть этого, продолжала смеяться, закрыв ладонями лицо.

- Театр наоборот, - сказал я, когда они вышли.

- Почему? – Спросила Циля.

- Ну, как, мы же на возвышении, как артисты, а они – внизу, зрители.

- А-а...

- Это нам с тобой надо было на полу лечь! – Сказал я.

Услышав это Циля, оторвав от подушки голову, возмущённо произнесла:

- То есть, чтобы не мы, а они над нами потешались? Нет уж!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОБЕГ

Не знаю, какой можно придумать образ, чтобы описать то, как действует женщина. Может быть так, как слепой ощупывает слона. На хвост она думает, что это хлыст, а на хобот, что это змея. То, что мужчина воспринимает, как затруднение, женщине видится катастрофой. И, наоборот, то, что мужчине видится, как выход из положения, женщине может показаться тупиком. Я не знаю, как в точности думала Циля, но то, что мы видели эту жизнь по –разному, это точно. Где-то месяца три после описанных событий мы прожили спокойно. По утрам я ездил в институт, а вечером торопился на работу в ресторан.

Проблемы у нас возникли в конце зимы, когда в ресторане от меня поставили перед выбором работать полную смену или уволиться. Но чтобы работать полный день, для этого нужно было перевестись на заочное отделение. Однако в этом случае мне грозил призыв в армию. Конечно, пойти на это я не мог.

Целыми вечерами мы с Цилей ломали голову, как решить проблему. Сама Циля работать не могла. Её трудовая книжка осталась в Торжке. Наконец, мы остановились на том, что я не буду торопиться с переводом на заочное. А она договорится с бабушкой, чтобы та привезла ей из Торжка трудовую книжку.

Встречу с бабушкой Циля хотела назначить на Ленинградском вокзале. Поэтому я не удивился, когда однажды придя домой, не увидел её там. На торшере осталась лежать её заколка и, увидев её, я совершенно успокоился. Пару минут я бродил по квартире, не зная, что делать. От нечего делать я открыл шкаф, и тут вдруг замер, обнаружив, что все полки, где прежде лежали Цилены вещи, пусты. Лишь тогда я понял, что Циля уехала. И, вероятно, навсегда.

К такому повороту событий я был совершенно не готов. Известие об уходе Циля обрушилось на меня, как крыша террасы на бедного Самсона. Придавленный тяжестью я не мог ни есть, ни пить, ни думать об учёбе. А ведь если б я не сдал сессию, то призыв в армию был бы неминуем! Однако понимая это, я всё же не притрагивался к учебникам. Институтские конспекты, сложенные в рюкзаке, лежали возле ножки стола не тронутыми. Единственное, на

что мне хватило сил, это открыть бутылку водки и влить её в себя. Алкоголь, несмотря на распространённое заблуждение, что он должен облегчить твоё положение, только ухудшил дело. Я начал бредить.

В горизонтальном положении мне начали мерещиться комариные рыла и лапки в огромном увеличении. Лёжа с закрытыми глазами на кровати, я часами наблюдал за бесконечным сплетением линий на мушиных брюшках, мохнатыми уступами лапок и так далее. Это походило на бред сумасшедшего. Я не думал, что уход девушки может так на меня подействовать! Поступок Цили меня уничтожил, разнёс, раздробил! Я чувствовал себя грунтом, сброшенным на обочине. Мне не хотелось ни двигаться, ни говорить. Всё, что я мог, это просто лежать неподвижно и смотреть в потолок. Идти куда-то не было сил. Мысль замерла. Жизнь остановилась.

По –настоящему я запаниковал дня через три, а, может больше, я перестал следить за временем, когда ощущение, что я её больше никогда не увижу, обрушилось на меня, как воды Потопа на грешную землю. Я по –прежнему не хотел ни говорить, ни есть, ни думать о работе. Водка не помогала. Я пил её, как воду, ощущая лишь горечь во рту. Закуски не было. За ней надо было идти в магазин, а это было невозможно в моём состоянии. Хлеб дома и тот кончился.

Хуже всего, что я не мог поделиться своим горем ни с кем, так как считал своё положение унижительным. Меня охватили горячка и уныние одновременно. Часами я лежал, глядя в стену, которую мы с Цилей обклеили обоями. Однажды мне пришла в голову идея послать Циле телеграмму. Эта идея настолько возбудила меня, что, вскочив, я побежал на почту.

В местном поселковом почтовом отделении было тихо и сонливо. К единственной бабушке за почтовой стойкой выстроилась очередь человек из пяти, которые мне показались тремя сотнями. Я не мог ждать так долго! На бланке, который я держал в руке, было написано: «Циля, прости! Я был не прав! Я люблю тебя! Вернись!». В адресном поле написал: Почтовое отделение Торжок, Каретовой Сесилии, до востребования. И стал ждать.

Минут через пять мне показалось, что я жду целую вечность. Подбежав к бабке и, дышнув на неё перегаром, я спросил, едва сдерживая охвативший меня гнев: «Почему так долго? Мне что, жалобу на вас написать»?! «А чего там у тебя, милоч?», глянув на меня, как старый брабансон на молодого красноармейца, то есть, без тени интереса, спросила пожилая почтмейстерша, протянув ко мне старую, изборождённую морщинами руку. Я сунул ей бланк. Прочитав текст, она удивлённо спросила: «а чего тут срочного?». «Для вас, может, ничего!», сказал я. «А человеку плохо!» «А, вот оно что - плохо», закивала почтмейстерша головой, изучая меня, как старый кот дохлую мышь. Сказав: «ладно, давай отправлю», она взяла бланк и начала там делать пометки. С трудом дождавшись, пока у меня примут телеграмму, я пошёл с почты, услышав, как сзади начали шептаться: «страдает он, гляди –кась! Видел бы себя... Ох, молодёжь пошла!» «Пусть!», думал я. Зато теперь у меня была слабая надежда, что Циля вернётся.

Приковыляв домой, потому что по дороге подвернул ногу, я уже снова хотел лечь, как вдруг услышал, что в дверь кто –то поскребся. С колотящимся от радости сердцем, я побежал открывать. На пороге стояла соседка – белокурая девушка с довольно милым лицом. Попросив соли, она вдруг устала на меня. «Это же вы играли летом в «Сказочном лесе?», спросила она. «Ну, да», смущённо ответил я, удивившись, что меня знают. «Ой, а мы с подружкой там вдвоём отдыхали. Вы меня не помните?». Я отрицательно покачал головой. «Ну, естественно, там же вокруг вас столько девушек было. Куда уж нам! Мы всего на пару дней приезжали. Нам начальство путёвки выделили за хорошую работу. Мы ещё стояли и вот делали». Она выставила пальцы буквой «V». Помните?

И тут я действительно вспомнил, как однажды две девушки отлично зажигала возле эстрады, вскидывая руки. Но как я тогда мог обратить на них внимание, если рядом была Циля! «Всего два дня – субботу и воскресенье», продолжала соседка. Нам наш профсоюз милиции за хорошую работу выделил путёвки. Я в милиции работаю, младший лейтенант Котова!»,

шутливо отрекомендовалась она, одной ладонью накрыв голову, а другую приставив к виску. Можно к вам зайти? Я отступил в сторону, подумав, только милиции ещё здесь не хватало!

Однако, оглядев девушку, я заметил, что у неё довольно красивая фигура, белозубая улыбка. Увидев на стуле мои кожаные эстрадные брюки, она воскликнула: «ой, а можно я посмотрю? Вы в них выступали, да? Я помню вас в них. Классно смотрятся! Хочу себе похожие штаны заказать в ателье. Обожаю такие штучки!».

Поскольку мне была невыносима мысль снова оказаться в одиночестве, я предложил ей остаться и изучить джинсы более внимательно. Вдруг она сама захочет их сшить? Затем я предложил ей выпить какую-то настойку, которую купил по дороге с почты, что мы и сделали. Не успев выпить, мы как –то очень быстро легли с ней в постель, чтобы заняться любовью. Конечно, любой скажет, что некрасиво, после ухода одной девушки, тут же лечь с другой. Но про себя я оправдывал это так: в конце концов, она из милиции? Да. У меня проблемы? Безусловно! Вот пусть моя милиция их и решает!

Майя, так, оказалось, звали соседку, затем пошла на кухню и приготовила нам еду. Мы с ней ещё выпили, закусили, а потом опять легли в кровать. Она была до невозможности сексуальной, эта Майя – и белая кожа, и холмы груди, и плоский живот, и стройные ноги. Но, двигаясь на ней, я вдруг поймал себя на мысли, что не испытываю к ней ровным счётом ничего! Более того – в какой-то момент она стала вдруг мне противна.

И всё же я не оставлял попытки овладеть ей. С ней было не так, как с Наташей. Там я почему-то не мог превозмочь скуку и отторжение. А здесь мог. Всё-таки молодость загадочное время. Майя оказалась весьма раскованной в постели. Она не чуралась никаких поз, никаких сексуальных экспериментов, и на всё шла легко и даже с юмором. Всё-таки в советскую милицию брали правильных людей! Хотя, возможно, мне еще помогало отчаянное и едва ли не навязчивое желание заменить Цилю в своём сердце другой. Я хотел вычеркнуть свою бывшую пассию из своей жизни навсегда! Кончив заниматься с Майей любовью, мы, наконец, уснули, а когда я открыл утром глаза – её не было рядом. Тут я вспомнил, как уже ночью она, скинув с себя мою руку, пробормотала: «Циля, Циля, какая я тебе Циля!», а затем оделась и ушла. Даже не поглядев ей вслед, я уронил голову на подушку и опять заснул. До самого утра мне снились алые круги на фоне синих холмов, зайцы в пифагоровых штанах и отвратительно синие русалки в кружевных лифчиках...

Целая неделя прошла в ожидании новостей от Цили. Вдруг она даст о себе знать? Но всё было тщетно. Как –то утром меня разбудил звонок. На автомате я поднялся, подошёл к двери и, не поинтересовавшись даже, кто там, крутанул замок, а затем пошёл обратно на кровать.

Если это Циля, думал я, пусть извиняется, если Майя, пусть меня забирает в милицию, там мне и место, если сосед-рыбак сверху, мне плевать, он меня не вытащит, я на самом дне. Неделя возлияний, правда, превратила меня в какую-то бесчувственную скотину. Даже если бы зашёл враг, чтобы убить меня, я бы и пальцем не пошевелил, чтобы ему помешать. Грохнувшись с размаху на своё ложе, я отвернулся к стене и замер. Неизвестный, кто бы это ни был, заглянул в комнату и, увидев, что я лежу, отправился на кухню. Я принципиально решил не вставать. «Убьёт, так убьёт», подумал я.

Минут через десять по комнате распространился запах копчёной грудинки, от которого меня, не евшего нормально уже несколько дней, подбросило на кровати, как солдата Конрада при звуках походного рога. Закутанный в одеяло я прибежал на кухню, где с удивлением увидел Зою, которая стояла у плиты и жарила яичницу.

- Привет, - сказал я, - Ты?
- Какой же срач у тебя – это ужас! – Весело сказала она вместо приветствия.
- Ещё бы, я уже две недели пью.
- Почему?
- Циля уехала!

- И что? - Не поняла она.

- Как...что? - Округлил я глаза. – Она уехала!

- Она наверно по мужу соскучилась, и всё. – Пожала плечами Зоя.

- Почему же ты мне не сказала, что она замужем ещё тогда, на зоне отдыха? – Спросил я.

- Есть вещи, о которых влюблённым вроде тебя лучше не знать, - философски заметила она.

- А-а...- закивал я с таким лицом, будто меня только что обвели вокруг пальца на игре с тремя плошками и одним бобом.

- Ну, извини. Она, по правде говоря, взяла с нас слово, что мы тебе не скажем. С меня и с Наташки.

- Почему?

- Потому что....

Зоя, выключив газ, отошла от плиты и, выдвинув табуретку из-под стола, села.

- Тебе тоже лучше сесть.

Я сел, как был, закутанный в одеяло на корточках у стены.

- Понимаешь... Тут придётся издалека начать. В общем, собрались мы как –то выпить, я, Циля и Наташка. А Циля, знаешь, такой человек, ей в рот спиртное, по-моему, брать нельзя, она начинает сразу бред нести! Ну, и в этот раз тоже. Завела вдруг разговор, кто кому нравится. Мы давай с Наташкой – мол, этот неплохой, тот прикольный, и тот симпатичный... А она сразу сказала, что ей ты нравишься. И давай тебя расписывать –такой мальчик, такой мальчик... Натаха возьми и ляпни: да он с любой пойдёт! Смазливый, дескать, очень. Спорим, я его уведу, если ты только мне мешать не будешь, говорит. Цилю как подбросит вдруг со своего места! А они с Наташкой всегда не очень ладили. Ещё с тех пор, как на соревновании их двойкой ставили.

- Двойкой, это что? – Спроси я.

- Езда парами. – Отмахнулась Зоя. - Так вот. Наташка ляпнула, а Цилю прямо вывернуло от этих слов. Кричит: опять ты вперёд всех лезешь! Чуть не сцепились. Я пыталась их разнять, но где там. Повозились они, потом разошлись по углам эти две фиалки, как ваш Авангард говорил, сидят, тяжело дышат. Я посмотрела на них обеих и говорю:

- Вот что, цветочки, давайте не будем ссориться и устроим ему проверку. Тебе, в смысле. Подкатим по очереди к нему, то есть, к тебе, и выясним, ты Циля, ему только нравишься или все бабы на свете. Если ты на каждую клюнешь, значит, ты бабник. А, если нет, то... Понятно, да?

Я молчал, подумав: неужели женщины так делают? Я имею в виду, настолько разумно поступают? Это совсем не похоже на то, как это делаем мы, мужчины. Мужики ведь как? Идёт, допустим, девушка. Ты на неё смотришь и чувствуешь прямо всем сердцем и душой, включая сердце, ноги и то, что между ними, что хочешь обладать ей. Как вещью. Ведь в принципе, что есть женщина, если не вещь Бога? Конечно, вещи бывают дешёвыми и дорогими, а порой даже уникальными, но это вещи. Вы спросите, а королева? Я же говорю: вещь Бога! Читайте внимательно. А если женщина, например, спит с другой женщиной? Тогда как? О, это просто, значит, они обе в браке. А если женщина ведёт машину? Будьте осторожны, за рулём не мужик! А если женщина дымит, как паровоз? Значит, у машиниста рубашка была в губной помаде. Видите? Доказательства на лицо. Женщины, это вещи, независимо от того, что они о себе думают. И все эти вещи ищут своего хозяина. Пока хозяина нет, они, конечно, не лежат на полках магазина без движения, а ходят, общаются между собой... Чтобы, если хозяин вдруг найдётся, но окажется не тем, от него можно было уйти. Представьте мир, где женщина уйти не может. Вдруг такой существует? Вещь там тоже живая, но лежит на одном месте и ни с места. А мужики подходят к ней по очереди и делают своё дело. Страшно. Нет, наш мир куда более милосердный, здесь женщина может убежать, если покупатель ей не нравится. Но это

не меняет сути дела. Иногда хозяин может влюбиться в вещь, а потом её разлюбить. И тогда вещь от одного хозяина может перейти к другому. А потом к третьему или вообще пойти по рукам... Но она всё равно до конца жизни останется вещью! Хотя бытует расхожее мнение, что женщины существа одушевлённые. За женщиной, как за всякой вещью надо ухаживать, заботиться, защищать её от чужих рук, следить, чтобы на ней не осталось чужих отпечатков. Уследить за женщиной бывает очень трудно. Потому что женщина может быть большой, как планета, и пока ты в одном месте сторожишь, на Северном полюсе, к примеру, на Экваторе она делает, что хочет. Поэтому лучше всего иметь скромную женщину, маленькую, как Луна. Этаким необитаемый спутник, всегда повёрнутый к тебе яркой стороной и сияющий по ночам. Светит рядом с такой Луной мужчина-солнышко, и она в его свете тоже сияет. Иногда среди женщин встречаются богини. Но это лишь при условии, что у этой женщины мужчина-Бог, неважно в какой области. Обычно вещи, в отсутствии хозяина, глядят на покупателя со своих магазинных полок – достаточно у него света в глазах? Да, покупатель может выглядеть неказисто, не уметь драться, не иметь в кармане достаточно денег и своей квартиры, но если у него есть свет в глазах, за него будет драка. Как правило, женщина, пока взрослеет, долго живёт в тени, в ожидании, что её дорого купят. Некоторым это кажется вечностью. Поэтому у многих формируется страх остаться не купленной. И он настолько велик, что они рвутся к первому встречному, когда она появляется. Но потом эти женщины всё равно всю жизнь ищут того, кто их полюбит по-настоящему. Есть вещи, которые кидаются тебе в глаза при свете дня, чтобы сразу покорить своими формами. Как Циля. Или лезут к тебе в руки в темноте по-воровски, как Наташа. Есть очень умные вещи, такие, как Зоя, которые, вроде бы, вообще ничего не делают и никак тебя не соблазняют, но им достаточно покрутиться на витрине в дорогой одежде – и ты начинаешь шарить по карманам! Потому что в этом случае у человека всего один вопрос в голове: хватит у него на такую вещь денег или нет? Мужчинам никогда не придёт в голову устраивать женщине испытание. Зачем? Не подойдёт эта вещь, можно найти другую, подешевле. Зато вещи в отсутствии хозяина интригуют, шушукаются, спорят, какой покупатель подходит лучше, и даже могут устроить ему проверку! Ну, и дела!

Все эти мысли пронеслись в моей голове за одно мгновение. Зоя же тем временем продолжала:

- Ну, короче, выпили мы ещё. Посмеялись. Посидели. Ещё выпили опять. Циля и говорит:

- Я почему –то уверена, что он ни с кем из вас не пойдёт. Он меня любит. Я чувствую.

Поспорим? Наташа сразу: на что? И руку ей суёт, типа, а давай! Циля на её руку посмотрела, как царь обезьян на змеиную голову и говорит:

- Ладно, та, с которой он пойдёт, она огурец, а остальные чмошницы.

Я вскинул брови, удивляясь такому странному уговору.

- Это знаешь, откуда у нас? – Заметив моё удивление, решила пояснить Зоя.

Хотя мне было всё равно, я сделал вид, что заинтригован.

- У нас тренер есть, Бурцев. Так он на тренировках всегда говорил: снова отстаёшь? Чмошница! Ну, а если ты на рыжке хорошее время показала, то «Огурец»!

- Но они рук не пожалели и не разбили, так что спор остался не заключённым. Вроде шутки, посмеялись и всё, - добавила Зоя.

Вернувшись к плите, она снова зажгла газ, подождала, пока сковорода нагреется, перевернула бекон, который давно выгнулся, зажарился и вытопился, превратившись в шкварки, и стала разбивать яйца. Глядя на её манипуляции, я слотнул слюну. Всё выглядело очень вкусно.

- Давно Циля уехала? – Спросила Зоя, выбросив в ведро скорлупу.

- Уже дней пять-шесть.

- Ясно. Что теперь делать собираешься?

- Не знаю, - сидя всё также с накинутым на плечи одеялом, уставился я на грязное кружево кухонного линолеума.

- Лео, бедный Лео... - Сочувственно произнесла Зоя, присаживаясь на корточки передо мной и кладя мне руку на плечо:

- Забудь её. Скатертью ей дорога!

- Не могу, - покачал я головой.

- Она совсем не такая, какой ты её себе представляешь. И совершенно не та, которая тебе нужна.

Я уставился я на Зою, не понимая, о чём она говорит:

- Почему?

- Ты ещё не понял, кто она?

- Нет.

- Она вампир, дурачок. Ищет таких, как ты, доноров...

И вдруг, заметив, видимо, боль в моих глазах, она не стала продолжать, а поднялась, выключив газ, сняла с огня сковороду и начала раскладывать яичницу на тарелки.

- Твоё счастье, что она уехала. - Продолжала Зоя, выложив еду на тарелки и унося сковороду к мойке. - А то бы она из тебя всё высосала, а потом выбросила. Скажи спасибо, что цел остался! Ты добрый мальчик, она бы к тебе присосалась.

- Зря ты так о ней, - буркнул я.

- Да что же ты за рыцарь! - Ласково пожурила она меня, опять садясь на корточки передо мной. На этот раз она села не слишком аккуратно, и я увидел, как в глубине ног мелькнули её светлые трусики с аппликацией из мелкого цветного бисера:

- Не веришь, поезжай в Торжок и сам увидишь, кто она. - Заметив, куда я смотрю, закрылась она рукой. - Там её спроси, хочет она быть с тобой или нет.

Слова Зои вдруг будто крохотные молоточки, тюкнули меня по натянутым нервам и ещё каким-то струнам в голове, выдав доминантный септ - аккорд. Ну, конечно! Как же я не догадался сразу так сделать! Почему мне в голову не пришло, поехать в Торжок и отвоевать Цилю у её мужа!

Благодарно кивнув Зое за совет, я встал и, поглядев на аппетитную грудинку на тарелке, тряхнул головой, отправился прежде в ванну принять душ. Там, встав ногами в адски воняющее от долгого лежания в воде бельё, замоченное ещё Цилей, я с удовольствием подставлял рот и голову под струи тёплой воды. Вернувшись из душа и позавтракав, я начал одеваться. Из хаоса мыслей сформировалась, наконец, главная - я еду в Торжок, разыскиваю Цилю и возвращаю её. Всё.

Попутно я начал вспоминать, что знаю о Торжке. Слава богу, наша учительница литературы была оттуда родом. От неё я узнал, что туда ездили Левитан и Серов. Там гостили Лажечников, Пушкин и Толстой. Что ж, двинусь и я вместе с ними. Прибьюсь, так сказать, к их гениальной компании. В конце концов, у меня есть роман, пусть с Цилей? Да. Значит, я имею право туда поехать! Конечно. Огромный земной шар, прыгавший перед моими глазами последние три дня, ужася до крошечного коричневого глазка в Тверской области. «Ну, и что, если я оттуда не вернусь!», думал я. «Если всё закончится плохо, так значит это судьба, и ничего не поделаешь!» Вот так я размышлял, намыливаясь.

- А как узнать, где она там живёт? - Крикнул я, выглядывая из ванной в коридор.

- Ты что, правда, собираешься туда ехать? - Спросила Зоя, выходя ко мне из комнаты. В прихожей она встала и, с иронией оглядев меня голого, мокрого, прикрывшего срам какой-то Цилиной тряпкой, взятой и ванны, кажется, это была одна из её рубашек, спросила:

- Ты что, Лео, правда намерен поехать? Не вздумай. Я же пошутила!

- Почему? - Удивился я, проведя ладонью по мокрому и лицу и стряхивая влагу в ванну.

- Потому что, во -первых, я не знаю точного её адреса в Торжке, и ты тоже. Во -вторых, у кого там ты будешь его спрашивать? Это тебе не Москва. Справочных нет. Можешь, между прочим, и назад не вернуться. Кирпичом по голове стукнут и все дела. Это же деревня!

Я отвёл глаза, раздумывая над её словами. В словах Зои была доля правды. Может, в самом деле, лучше не ехать?

- Оставайся дома, не валяй дурака, - словно прочитав мои мысли, посоветовала Зоя. – Раз она уехала, значит, пусть!

Я замотал головой, так как в мыслях уже решил, что ехать всё же следует и, поблагодарив её за совет, закрыл дверь, чтобы домыться.

Когда я вышел, Зоя домывала посуду на кухню и прибиралась там. Я прошёл в комнату и стал выбирать одежду, в которой ехать. Все свои сценические вещи я запихал вглубь шкафа, так как они были не ко времени. Из всей одежды я выбрал рубашку, штаны и куртку. Долго думал, надевать свитер или нет и, в конце концов, решив, что буду в нём выглядеть слишком грубо и по-деревенски, не стал, хотя не раз потом об этом пожалел.

Зоя вошла, когда я застёгивал на рубашке последние пуговицы и заправлял уже её в штаны. Подойдя ко мне, она, положив свои руки мне на плечи, спросила:

- Всё-таки едешь, Лео? Зря. Оставайся.

В её глазах в этот момент было столько нежности, что я прямо загорелся от желания взять её. «Зачем она так делает?», думал я. Ведь между нами ничего нет! «Сначала милиционерша, теперь Зоя. Что они, сговорились?»

- Нет, я всё же поеду. - Отвёл я глаза. – Если знаешь, как её там найти, скажи. Ты ведь знаешь?

- Там любой знает, где дом Каретова, - сказала Зоя, отходя и садясь на нашу с Цилей кровать. – Он известный в городе фарцовщик. На вокзале какому –нибудь таксисту скажешь, он тебя отвезёт.

- А если не скажет, что тогда?

- Тогда поезжай к церкви, той, что возле реки. Как она там называется, не помню. Спроси, где, мол, тут Каретовы, тебе покажут.

Она встала и снова ушла на кухню, чтобы вымыть сковородку, затем вернулась, отодвинула шторы, и опять присела к кровати, чтобы понаблюдать за моими сборами. Было в окно мартовское солнце, безжалостно освещая моё запылённое жильё, неубранную кровать и две подушки с углублениями посередине. Слава богу, Зоя не обратила на это внимания. Этот солнечный свет будто осветил весь чувственный хлам внутри меня, ослепив на время глаза моего разума. Ибо я не знаю, как объяснить то, что произошло дальше.

- Поди сюда, я тебе воротник поправлю, – сказала Зоя, вытянув в мою сторону обе руки.

Я шагнул к ней и наклонился, вдохнув запах её дорогих духов, ощутив свежесть её молодого тела, и отметив упругий натиск груди под кофточкой. Мелькнули золотые серьги в её ушах, монисто из зелёных камней на шее, два океана глаз, и тот самый бермудский треугольник в соединении ног, куда взгляд, попав однажды, уже не может выбраться без дружеской помощи.

Сердце моё забилося сладостно и гулко. «Эликсир жизни», вспомнил я ту ночь, когда Зоя осталась ночевать тут вместе с Анастасом, «пригласить на велосипед». Будто слыша, о чём я думаю, Зоя вдруг потянула меня на себя. Не удержав равновесия, я стал падать на неё, а она, словно только ожидая этого, ухватив меня ладонями за лицо, стала покрывать его поцелуями, опускаясь на спину. Вспорхнула к её лицу кофточка, задралась юбка, обнажив трусики с аппликацией из бисера – забавную кошачью мордочку, - а из-под них выглянул курчавый рыжий лобок, вполне ничего себе, начавший вдруг игриво поблёскивать в лучах солнца. С восторгом и удивлением смотрел я на белизну её сахарных ляжек, которые раздвинувшись, открывали мне путь в новую и неизведанную для меня страну под названием Немка Зоя.

Очнулся я только в коридоре, лихорадочно соображая: «Зачем я это сделал? Разве мне было это нужно? Нет. Разве мне было хорошо? Опять нет! Может, ещё хуже, чем с милиционершей?...Нет, лучше, но... Но всё равно –это не то! Постой, но ведь это же ничего не меняет... Или меняет?».

В сердце у меня дымилась впадина, глубиной с вулканический кратер. Вечные вопросы жгли разум – что делать, кто виноват и почему с тобой вечно всё происходит не так, как у людей??!... Реки выжженной земли медленно оползли на стекло души, рисуя чьи-то мёртвые глаза и лица. Умирая от чувства гадливости к себе, я едва находил силы, чтобы завязывать шнурки. И снова, будто прочитав мысли, Зоя, подперев косяк, сказала:

- Не надо себя ругать, Лео. Было и ладно. Это же ничего не меняет.

- Ты думаешь?!

Посмотрел я на неё с пылающим от гнева лицом, попутно надевая куртку. Зоя, выдержав этот взгляд, даже не отвела глаза. Она вообще выглядела так, будто ничего не произошло. Это признаться меня слегка удивило – вот так выдержка!

- Конечно, - пожала она плечами.- Разве что-то измелось? Ну, спроси себя. Всё так же, как обычно.

- Ладно, раз так, то счастливо оставаться, - помахал я ей двумя пальцами из пяти, а именно средним и указательным. Готовый было уже открыть дверь, я вдруг сел на галошницу, подперев подбородок кулаками, и стал смотреть перед собой. Куда мне ехать после такого? Я был мёртв. К Циле? Ну, и как ей смотреть в глаза, позволю спросить? Ноги мои отказывались идти. Тело не желало слушаться. Мысли копошились, как черви. Я бы скорее позволил уложить себя в гроб и отнести на кладбище, где бы меня опустили в могилу, закопали и оставили там отходить в мир иной потихоньку, чем куда –то ехать.

- Иди и обними меня, - сказала вдруг она, снова направив в мою сторону руки. Я посмотрел на неё.

- Не могу, Зоя, прости, - отвернулся я.

Она замерла с поднятыми руками, затем медленно опустила их. Мне понравилось, что она не стала настаивать –нет, так нет! Я хотел объяснить, как мне больно, ведь она не виновата, но я промолчал. Но Зоя, кажется, и без того прочитала всё в моих глазах:

- Тебе настолько худо, Лео, из-за того, что она уехала, да? – Спросила она.

Я кивнул, еле пробормотав:

- Прости, но я не могу тут остаться.

- А я тоже не могу без тебя ... Лео! – Неожиданно сказала Зоя, ударив меня этими словами по лицу, будто арапником.

- Что? - Уставился я на неё. – Нет...

Зоя слабо махнула рукой, уронив голову и рассыпав копну медных волос, которую тут же ловко подобрала рукой, задержав её в ладони:

- Да, я ещё тогда хотела тебе сказать на зоне отдыха, но Циля...- подняла она глаза. – Просто я не хотела, чтобы мы из –за тебя все там поссорились.

Мне показалось, я ослышался, так неуместно именно сейчас прозвучали эти слова:

- Я тебе нравлюсь? А как же Анастас? Ведь вы с ним занимались этим здесь, в этой комнате!

- Чем занимались? – Не поняла она.

- Да этим...А, ладно, проехали...- махнув рукой, я повернулся к вдери, намереваясь уйти.

- Нет, подожди, чем мы занимались? – Догнала меня Зоя, придержав за рукав. - Скажи!

- Как чем, любовью, вот в той комнате на полу, чем ещё?

- А, ну, если это называется любовью, тогда конечно, - ухмыльнулась она, скрестив руки на груди. Затем, выставив перед собой одну из них, она сделала характерный перезаряжающий жест. Да я лишь помогла твоего другу, чтобы он не доставал меня!

- Понятно. – Кивнул я. - Ладно, как бы там ни было, мне уже пора.

- Ты что, к ней поедешь? – Удручённо спросила она.

- Да, поеду.

- В Торжок?

Я вздохнул. Несмотря на то, что решение ехать возникло спонтанно, я всё же решил его придерживаться. В отличие от милиционерши, близость с Зоей не казалась мне такой уж чудовищной ошибкой, но искупить оба преступления, я мог, лишь совершив это жертвоприношение, которое заключалось в таком опасном путешествии. Такое я решил определить себе наказание.

- Ты со мной выйдешь или здесь останешься? – Спросил я её.

- Останусь. – Сказала Зоя. - Мне надо привести себя в порядок. В таком виде я не могу пойти. Кроме того, я посмотрела, тут в ванной вещи замочены?

- Это Цилины, она не успела их вынуть. – Отвёл я взгляд.

- Понятно - кивнула Зоя. – Всё же надо их вытащить, а то вонь уже...

Она поднесла пальцы к носу.

- Да уж. Забыл я про это дело, извини.

- Ничего страшного. – Сказала она. - Я останусь и постираю. Мы же с ней подруги, как-никак. И приберусь тут заодно, а то у тебя кошмар, что творится... Ты мне оставь ключи, ладно?

Я достал ключи, повесив их на крючок.

- Где мне их оставить? - Спросила она.

Я хотел сказать: «у соседки». Но вовремя спохватился:

- Под коврик сунь.

- А если кто –нибудь найдёт? – Спросила она.

- Ну и пусть, тут брать нечего.

- Испоганят же всё, не люди – сволочи! – Возразила Зоя.

- Если хочешь, возьми их с собой. Мы с Цилей вернёмся, заедем к тебе...

Я прикусил губу, увидев, как изменилась после этих слов в лице Зоя. К её чести она быстро взяла себя в руки и, слабо усмехнувшись, кивнула головой, подняв на меня глаза и тут же отведя их в сторону, словно говоря: «ну, ну, мечтай о невозможном». Открыв сумочку и достав из неё блокнот, Зоя написала что –то на бумажке, вырвала листок и, сложив его вчетверо, передала мне:

- Это мой адрес.

- Зачем?

- На всякий случай. Вдруг ты захочешь меня навестить, рассказать, как съездил.

Я взял у неё бумажку, небрежно сунув её в карман. Всё было сказано и оставалось только уйти. Но едва я шагнул к двери, Зоя, опять схватила меня за рукав и сказала, нет, почти выкрикнула:

- Лео, обещай, что в любом случае зайдёшь ко мне с Цилей или без неё!

Я кивнул и, открыв дверь, не оглядываясь, пошёл вниз. Уже идя по улице, я размышлял, правильно ли делаю, что уезжаю? Может, действительно лучше остаться здесь? Кажется, Зоя меня по-настоящему любит. Это чувствуется. Она сказала: «Лео, я не могу без тебя!». Таким словами не бросаются. Подумав так, я замедлил шаг, настолько захотелось обернуться и посмотреть, смотрит ли Зоя из окна мне вслед. Но тут я подумал, что же я кидаюсь из одной стороны в сторону! То я пошёл с Наташей и потом плевался! То с Зоей...Надо же наконец остановиться в выборе.

Невидимые весы в моей душе качались из стороны в сторону, решая, кто из девушек весомее. Наташа почти ничего не весила. Зоя весила много, но был в её весе какой –то смутный изъян, какая –то непонятная лишняя тяжесть, словно она использовала для веса запрещённую гирию, которую прятала под одеждой. Самый правильный вес был у Цили. Её чистая и незапятнанная тяжесть не вызывала у меня возражений. Я мог бы нести её всю жизнь. Значит, всё правильно, я еду к Циле. Просто Зоя...И тут вдруг ослепительный блеск ее ляжек и рыжий треугольник снова полоснул мне по глазам. Я мысленно опять оказался с ней в кровати. Ах, как

чудесно она отдавалась, с каким почти цирковым изяществом избавилась от одежды, с каким невероятным шармом всё проделала! А бусы, а духи, а серьги!..

И потом, после этого, когда раскалённые лавы раскаяния ещё текли по моей душе, она с какой – то подкупающей простотой сказала: «ведь ничего не случилось»! Пусть это неправда, потому что случилось, но - как сказала! После этих мыслей вес Зои почти выровнялся с весом Циля.

Я очень хотел сейчас оглянуться, чтобы посмотреть, смотрит мне Зоя вслед или нет. Но страх, что обернувшись, я увижу её в окне, и это заставит меня вернуться к ней, пересилил. И вместо того, чтобы оглянуться, я, наоборот, опустил голову ниже и, сунув руки в карманы, ускорил шаг.

Так я и шёл, глядя себе под ноги и заставляя встречных прохожих уступать мне дорогу, пока угол следующего дома не закрыл совсем меня от неё. Тут я позволил себе расслабиться и сбавить ход. Нет, всё верно, что я еду за Цилей, мужчина не должен расплыться, думал я, ему следует быть твёрдым в своих решениях.

С этими мыслями, достав из заднего кармана брюк листок с Зоиним адресом, я скомкал его и, занёс уже было руку над урной, как вдруг подумал: не стоит. Отправляясь в неизвестность, неплохо всё-таки иметь при себе хоть один точный адрес. Решив так, я сунул вчетверо сложенную бумажку обратно в карман, и чуть ли не бегом направился к остановке, где уже стоял, пыхтя чёрным выхлопом, рейсовый автобус.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ТОРЖОК

Мы далеко не всегда знаем, почему совершаем те или иные поступки. Мы придумываем себе всякие причины, почему делаем именно так, а не иначе. Мы оправдываем своё поведение неким кодексом правил, которые неизвестно кто и когда до нас придумал и внушил его нам. Мы боимся потерять уважение к себе и прём напролом, хотя все приметы вокруг очевидно указывают, что так делать нельзя. Но это, так сказать, уже взгляд из будущего. В настоящем, как правило, мы и на сотую долю процента на имеем представления о том, что следует предпринять. Вот в чём причина всех несчастий молодого человека – почти всегда он делает всё по своему разумению и почти всегда не правильно, так как никакого разумения у юноши, едва начавшего жить, нет!

Ещё в вагоне –ресторане сидя у окна и наблюдая, как бешено мелькают фонарные столбы и путевые будки, я начал понимать, что возможно действительно совершаю ошибку. Настроение было едва ли не траурным. Искусственные цветы в вазочке на столе и те напоминали о кладбище. Конечно, у меня была мысль, что поездка может быть рискованной и даже опасной. Но чем ближе я подъезжал к Торжку, тем больше сомнений у меня возникало. Во-первых, что если Циля не захочет меня видеть? А её муж, напротив, захочет рассмотреть мою голову поближе?.. Во –вторых, вдруг так сложится, что я пропаду без вести? Даже маме я не сказал, что уехал! Но мысль о смерти почему –то казалась менее страшной, чем перспектива остаться без любимой. Получалось, что я сознательно и даже с каким –то облегчением ехал к месту своего возможного погребения.

«Интересно, интересно», думал я, с оптимизмом висельника разглядывая пристанционные дома в Торжке, «вот оказывается, как это выглядит»! Поезд остановился возле скучного двухцветного особняка с фронтонами по бокам. Над входом была надпись «Торжок», под ним двумя лопухами висели громкоговорители. Вместе со мной из состава вышло дюжина человек и тут же растворились в наступивших сумерках. Я остался стоять на платформе, один в незнакомом месте, собираясь осуществить хитроумный манёвр похищения из неизвестного

мне города женщины, муж которой, по словам Зои, "раскабанел", осуществляя незаконную коммерческую деятельность.

Всю дорогу я готовился умереть достойно. Но выйдя в Торжке, мне вдруг отчаянно захотелось жить. «Зачем я сюда приехал, думал я, что тут делаю?», думал я. Надо срочно всё отменить, исправить, поставить на место. Где здесь касса?..». Поезд, пока я думал, тронулся, начав медленно набирать ход. С ужасом в глазах наблюдал за уходящим составом, ища глазами открытую дверь. «В Ленинграде, по крайней мере, будет, где заночевать, - думал я, - там большой вокзал». Но поезд, как назло, ехал целиком задраенным, как подлодка, собираясь нырнуть за поворотом в холодное туманное море. Лишь в последнем вагоне семафорила красным флажочком обвязанная, как мумия длинным шарфом, и будто замурованная в проёме тамбура проводница.

Короче, выбор был сделан и я шагнул в неизвестность, приподняв воротник выдавшей виды лётной куртки. Таксистов у вокзала, как назло, ни одного не оказалось. Их видно разобрали пассажиры, вышедшие раньше меня.

Сразу за вокзалом начиналась дорога, отмеченная кратерами выбоин и ухабов, которые зияли до самого горизонта в предутреннем свете. «Приезжайте к нам в Торжок и вы увидите закат без Европы», вспомнил я слова Цили. Что –ж, посмотрим. Но вначале мне следовало купить два билета, для меня и Цили, в обратную сторону. На всякий случай. Но касса почему –то оказалось закрытой.

Я посмотрел на часы. Они показывали без двух минут четыре утра. Присев на скамейку в зале ожидания, я стал размышлять, как быть. От усталости и напряжения глаза мои начали слипаться. Незаметно я уснул. Мне приснился воздушный шар, сделанный в форме чеховского станционного смотрителя, в фуражке и с развевающимся шарфом, который заполнял собой весь вагон и без конца крутился, подгоняемый ветром из оконной форточкой. Проснулся я от свистка локомотива. Большая стрелка вокзальных часов показывала без двух минут шесть. Касса по –прежнему была закрыта. И вдруг внутренний голос объявил мне: «пора, чёрт с ними с билетами!». Встав, я не торопясь вышел из здания вокзала. Город встретил меня холодной изморосью и сонными фонарями, тускло глядящими из предрассветной мглы.

«Дом у реки», вспомнил я. У кого тут спросить? Прохожих не было. Мимо проехал «Узик», никак не отреагировавший на мою поднятую руку. Из подъезда одного из домов выбежал человек и, пройдя немного по тротуару, свернул в арку. Прибавив шагу, я окликнул его:

- Эй, товарищ, можно спросить?

Старик в белом тулупе застыл, полуобернувшись, будто размышляя, говорить с незнакомцем или задать дёру.

- Извините, я не местный... - успел крикнуть я, но с затуханием, потому что старик исчез в арке. Но затем его голова в треухе высунулась оттуда, и он спросил кивком головы: «чего надо?», оставаясь стоять при этом на расстоянии, словно боялся подойти:

- Чего тебе, мил человек? – Резкой скороговоркой спросил он, подавшись ещё немного на меня. Тон у него был визгливый и неприятный. Слова он не произносил, а выкрикивал, будто подстёгивал лошадь.

- Не подскажете, где живёт Каретов? – Спросил я.

Не услышав ответа, я огляделся, сразу будто набрав в лёгкие щемящей, неприятной тоски, от которой на сердце словно стали падать дохлые мухи.

- Это который? Тот, что с баранами или Сашка Картов, баламут? – Поинтересовался старик, выдержав паузу.

- А, вы не знаете, наверно... - разочарованно махнул я рукой, начав снова оглядываться.

- Почему? Каретов? Это который раньше на Ивановской жил, а теперь на Воскресенской он что –ли...

Старичок почесал в затылке.

- А если прямо идти, то я куда выйду? – Спросил я, уже не слушая его.
- Прямо, это к Терце, - почесав лоб, произнёс старик.

А, так вот как тут речка называется, подумал я. Но на всякий случай переспросил:

- Куда, туда? – И показал рукой.

- Ага. Прямо.

Махнул старик рукой куда –то вправо, совсем не туда, куда я показал и вдруг, надвинув шапку пониже, двинулся к арке, как видно собираясь за ней исчезнуть.

- Так значит, не прямо? – Решил я снова уточнить у него.

- Э-эх...

Старик остановился, сунул руки в карманы, повернулся на сто восемьдесят градусов и вдруг бодро засеменял в мою сторону.

- Чего тебе? – Ещё более резко спросил он, подойдя и подозрительно рассматривая меня.

– Говорю же, иди прямо, потом налево, через мост и в него упрёшься.

- В кого...упрусь? – Не понял я.

- Так в Сашку. Ты же этих, Картовых ищешь?

- Да нет, Каретовых...

- Что? Я, извини, тугой на ухо.

- Каретова.

- Так это он и есть!

- Нет, вы чего –то путаете...

- Чего «я путаю»? – Обиделся старик. - Ты ему кто будешь, сват? Родственник?

- Вроде того.

- А, ну, раз «вроде», так и чеши напрямки. Пешим ходом к обеду будешь.

- К обеду, так. А сейчас не подскажите сколько время?

Старик ткнул пальцем в небо, будто должны были послышаться куранты, но вместо этого вдруг громко пёрднул и рассмеялся. Похихикав, он побежал в арку. Там вдруг остановился и спросил:

- Ты чай не из этих?

Он перетасовал ладонями невидимую колоду.

- В смысле?

- Не ходи тогда...Он такой же Каретов, как я Штирлиц!

- Почему?

- Картёжник он. В поездах, знаешь, которые пассажиров раздевают.

Он захолопал себя по карманам.

- Выходишь, а денежки тью-тью...

- Понятно...

- Картов его фамилия. А буковку так себе приделал. Это тут все знают.

- Ясно...

- Тебе, как я смотрю, всё ясно, - заметил старик, - из Ленинграда что -ль?

- Подальше...- не стал раскрывать я своих карт.

- А откуда?

- Да вам то зачем?!

- А-а, ну, раз не хочешь говорить, шуруй тогда прямо, дом у них двухцветный, не спутаешь, коричнево – розовый.

- Надо же, и вокзал тоже.

- Чего?

- Тоже говорю двухцветный.

- А-а! так весь Торжок разноцветный, что ты! Не город, а картинка!

Дед хихикнул и вдруг, сказав мою фамилию, - Адье! - скрылся в подворотне. Мне сделалось страшно. Вытянув шею, я начал глядываться под арку, где старик исчез. Там, где заканчивал серебриться рассвет, начинался колодец двора, дном которого был чердак в виде мезонина.

Улица снова оказалась пустыня. Старик как видно исчез навсегда, думал я. Поэтому я очень испугался, увидев, как из –за угла очень медленно снова выползла острая стариковской борода, а затем серый треух и любопытный глаз моего нового знакомого. Это было так неожиданно, что я замер, парализованный ужасом. «Она - вампир!», вспомнились мне слова Зои. Может, они все тут вампиры? Я начал озираться, бормоча:

- Чёрт же меня дёрнул сюда поехать. Не хватало ещё, чтобы из меня тут всю кровь высосали!

Слава богу, старик выглянул лишь на мгновение, а затем исчез и больше уже не появлялся.

Прижав к ушам воротник, я пошагал в серую мглу, туда, куда показал дед. Город спал, окутанный морозным инеем. В редких окнах горели огни, напоминая об уюте и тепле. Двери подъездов были настежь открыты, словно приглашая любого войти внутрь, но темнота в глубине них отталкивала.

Во дворах глаз порой выхватывал криво изогнутые качели, ржавую жесть грибков или песочницу с оторванным бортиком. Подгоняемые ветром катились по земле бумажные стаканчики. Раздавленные словно богатырской поступью шевелились пластиковые бутылки. Казалось, всю ночь тут был праздник, и лишь под утро люди разошлись, чтобы отдохнуть, набраться сил, а затем встать по сигналу будильников и выйти на улицу, чтобы снова захлебнуться весельем.

Я вдруг поймал себя на мысли, что иду, будто зная дорогу. Автопилот вёл меня сквозь космогонию улиц, эзотерику тёмных стёкол, философии цветочных горшков прямо к цели божественного Творения – любви. На фоне одних зданий чернели автомобильные номера, под другими не горел свет... Так я и шёл, изучая лексику незнакомого города почти что методом Брайля - наощупь.

Наконец, я пришёл к дому, напоминавшему по своей форме круглый торт, на который сверху упал радиоприёмник. На втором этаже этого дома тускло горел свет. Из открытой форточки на первом этаже тихо лилась музыка, жёлтая штукатурка внизу промокла, как от сиропа. Складывалось впечатление, что при ударе торт и радио будто бы обменялись свойствами. Снизу дома у самого основания зияла рваная выбоина, а наверху горел упрямый огарок. Воображение тут же дорисовало мертвеца в гробу и хищные руки, что его держали. Музыка вдруг обовалась и стало непривычно тихо. Эту тишину хотелось нарушить громким свистом и я уже сложил губы, чтобы сделать это, однако вспомнив, что моя роялистка бабушка непременно назвала бы это хулиганством, сдержался. Вместо этого, вздохнув, я пошёл дальше.

Ещё минут пятнадцать прошли в безуспешных поисках верной дороги. Теперь я уже знал, что совершил ошибку, отправившись в это путешествие. На что я рассчитывал? Чего ждал от этого?

Ещё минут через десять я почувствовал, что ноги промокли. Идти становилось всё труднее. Надо было остановить попутку, любую, там, у вокзала, а здесь - ни одной машины, как ни странно, не было! Люди иногда ходили, да. Но они пробегали вдалеке, выглядя маленькими нарисованными фигурками, так что не было никакой возможности их догнать и спросить. Даже если бы я пустился вслед за ними со всех ног, то заблудился бы наверно ещё больше.

Время от времени, забравшись на какую –нибудь кочку, я, поднявшись на мыски, смотрел, что там впереди. Но везде было одно и то же! Слева за домами чувствовалась вода, справа теснились тоже домики. Впереди, насколько хватала глаз, бугрилась ухабами дорога, обширные лужи которой подёрнулись за ночь хрупким льдом.

Снова и снова пускаясь в дорогу, я обязательно проваливался в одну из луж, и уже теперь громко и совсем не таясь, ругался при этом. Слева и справа дома по-прежнему шли двухцветные дома. «Что они этим хотели сказать?», ворчал я про себя. Ужасно глупо! Каждый цвет в спектре радуги что –то обозначает. Жёлтый –цвет золота. Красный – счастья. Голубой –сил неба. Розовый надежды. Синий –хладнокровия. И вот я стоял перед домом, покрашенным шампанью и тёмно – бордовым. «Напиться и упасть без чувств что -ли?», невесело подумал я. Отдохнув немного перед очередным домом, я шёл дальше.

На каком -то взгорке, наконец, вдалеке однообразно засеребрился купол церкви или монастыря, о котором видимо и говорила Зоя. Теперь, когда у меня появился чёткий ориентир я, собравшись с силами, пустился в путь с удвоенной силой.

Дойдя часа через два до церкви, я увидел, наконец, первого человека. Это была женщина. Она шла мимо храма торопливым шагом, слегка опустив голову.

- Извините...- сказал я охрипшим от длительного молчания, голосом.

Всё то время, что я прокашливался, женщина, одетая, как монахиня в чёрный платок, без конца осеяла себя крестным знаменем. Судя по её кроткому выражению, она готовилась умереть от руки незнакомца.

- Мне бы узнать...- сделал я к ней шаг.

- В Имя Отца, и Сына и Святаго Духа, - забормотала монахиня, отходя от меня и крестясь, - Пресвятая Дева, помилуй мя...

- Вы меня не правильно поняли, - начал оправдываться, - я тут немного заплутал, не можете подсказать дорогу?

- Раз плутаешь, сын мой, значит, не к Богу идёшь, - мелодичным голосом произнесла монахиня.

- Точнее заблудился, - усмехнулся я, - будто кто меня водит...

- Он и водит, сын мой, - подтвердила монахиня, выкинув неожиданно перед собой руку с торчащим указательным пальцем, - вон и дьявол позади тебя.

Я обернулся, замерев от ужаса. Ко мне, семеня ногами, быстро приближался тот самый старик, которого я встретил на дороге у вокзала. Резко повернувшись, я уставился на монахиню. Уголки её губ начали подниматься, обнажая жёлтые клыки. Ещё немного и я бы, закричав «на помощь!», рухнул посреди улицы на ватных ногах.

- Чего несёшь, убогая? Человека пугаешь!– Услышал я вместо этого его высокий, резковатый голос старика. – Какой я тебе дьявол?

Монахиня снова начала истоиво креститься.

- Говорил тебе, не ходи сюда больше! Говорил? - Задрезжал старик.

- А это тебя не касается, Фёдор. Не спросясь, люди ходят молиться!

- Ох, что ты за баба! Сколько раз говорил, тут музей исторический, а не богадельня! Вот отдадут монастырь церкви, тогда и молись.

- Кто отдаст? Сама отмолю быстрее у Бога, чем вы, нехристи, отдадите божьим людям!

- Чего мелешь? Нету его! Хочешь брошюру дам прочитать? Чёрным по белому писано – бога нету!

- Свят, свят, свят, - закрестилась монахиня.

- Вот и давай...- прикрикнул старик. - шуруй по своим делам. Свят у неё!

- Ох ты, бес окаянный! Каким ты был, таким остался!

Заворчала монахиня и, выразив досаду кивком головы, торопливым шагом отправилась дальше. Но, остановившись, вдруг повернулась и сказала:

- Не командуй, ирод, ушло твоё время!

Проводив её взглядом, я повернулся к старику и сказал:

- Зачем вы так с ней? Она же божий человек!

- Кто? Она? – Старик ткнул пальцем в удаляющуюся фигуру монахини и закатился вдруг беззвучным смехом. - Да какой там! Это жена моя бывшая - Наташка! Решила свихнуться на старости, монахиню из себя изображает. А ты сам для чего здесь? Я ж сказал, тебе на Ивановскую, а это Воскресенская...

Дед махнул рукой в противоположную сторону.

- Туда?! Подождите, а разве не сюда?

- Нет. Тебе ж Борьку Картова, душегуба?

- Сашку.

- А, Сашку? Погодь. Этого не знаю... Хотя...

- Знаете, я наверно передумал. Лучше скажите, вокзал где? Обратно поеду.

- Вокзал?

Старик начал качать головой, будто поражаясь тому, с каким неразумным человеком он имел дело.

- Вокзал вон оно, куда идти надо, - поднял он мне настроение, махнув рукой в сторону клетчатой вышки, видневшейся неподалёку. Оказалось, я сделал приличный круг. Если б я пошёл прямо, а не по совету старика, то пришёл бы сюда минут за пятнадцать.

- Чуть наискосок, а потом уж не сворачивай и до самой железки. – Продолжал старик.

- Ну, спасибо.

- Ага, давай, заходи, если чего, спрашивай...

И он быстро засеменял ногами, скрывшись за дверями музея.

Я не спеша снова побрёл, затылком чувствуя, что дед продолжает следить за мной в щелку двери. Однако обернувшись, я увидел лишь белые стены музея, розовую полосу восхода и чёрный силуэт удаляющейся монахини. «Боже, спаси и сохрани меня», попросил я тихо. Не знаю, показалось мне или нет, но после моих слов, где –то далеко, за рекой и лесом бахнул тихонько колокол, откликнувшись в душе тоскливым долгим эхом. Застегнув молнию куртки до самого горла, я пошёл наискосок к вокзалу, как учил безбожный дед.

Видимо существует наивысшая справедливость, думал я, продложая разглядывать двухцветные, обитые штакетником домики. Была как -то в моей жизни девочка по имени Тоня. Нам обоим исполнилось тогда лет по 14- ть. Мы познакомились с ней в пионерском лагере. Тоня умело целовалась в губы и давала трогать мне большую не по годам грудь. Этот аномальный четвёртый размер лично меня очень волновал. Тоня же, напротив, считала свою грудь уродством. Дело в том, что когда она нагибалась, чтобы вымыть пол или собрать помидоры, ребята из отряда начинали гоготать. А я не смеялся, поскольку считал, что хохотать над красотой это низко. Тоня это оценила. И из всех ребят выбрала меня. А остальных близко к себе не подпускала.

Закончилась смена, мы разъехались по домам. Однажды Тоня мне позвонила, а затем приехала ко мне в гости. Это было так неожиданно, что я поначалу не знал, как себя вести. Тоня всё поняла и попросила чаю. Попив чаю, мы сели на диван и начали целоваться. В какой -то момент мне захотелось снять тонин джемпер, и она позволила это сделать. С замиранием сердца рассматривал я её аномально большую грудь с сосками цвета ирисок. Мы целовались и ласкали друг друга.

Постепенно дошла очередь до крепдешиновых брюк, которые Тоня наотрез отказалась снять. Помню, мы боролись. Тоня сначала крепко держала руками брюки и смеялась, а потом стала делать вид, что вот-вот заплачет. Разозлённый, я в какой –то момент крикнул: ну и катись отсюда, раз ты такая! На самом деле ещё мои родители должны были скоро прийти с работы, и мне не хотелось объяснять, откуда тут взялась маленькая девочка с большой грудью.

Тоня, поняв, что её прогоняют, вдруг заплакала и стала умолять объяснить ей, что она сделала не так. Это меня почему –то решительно вывело из себя. Я так разозлился, что уже

серьёзно приказал ей быстро одеться и уматывать. В молодости даже сам не понимаешь, насколько ты иногда жесток по отношению к другим.

Рыдая, Тоня стала надевать джемпер, а потом туфли. Затем она попросилась высморкаться в ванной и продолжила плакать там. Со слезами она вышла в прихожую. И пока мы ехали в лифте, она тоже плакала. Даже на улице она не могла успокоиться. Так мы и пришли к остановке. Я хмурый, а она в слезах. «Объясни», просила она, забираясь в автобус и без конца оглядываясь, «умоляю, объясни мне, что я сделала не так?». А что я мог ей объяснить? Просто мне ужасно хотелось её рассмотреть всю, как следует, а, может, даже сделать ещё что-нибудь! А Тоня не позволила. Когда автобус с Тоней, наконец, уехал, я подумал: «а ведь она мне всё интересное показала, а я ей нет». Вот и наказание. Прости, Тоня!

Теперь и я оказался в неизвестном для себя месте с единственным желанием получить от Цили всего лишь объяснение – почему она не захотела со мной быть. Но видимо как раз этого слепому провидению и не было угодно сделать. Уставший и голодный я брёл к станции, в надежде добраться поскорей до вокзала и, дождавшись поезда, упасть на полку, чтобы, спрятав глаза в разрезе куртки, выслушать от колёс суровый приговор. Как раз в этот момент сзади меня окликнул знакомый голос, прошептав удивлённым до дрожи тихим голосом:

- Лео, это ты?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Бывают моменты, про которые говорят: «шокирующие». Этот был именно такой момент. Услышав Цилю, я обернулся и замер. Она стояла передо мной в спортивном костюме «Адидас», резиновых ботинках на шерстяной носок и вязаной красной шапочке, такая же родная и любимая, как раньше, но при всём этом абсолютно незнакомая и чужая.

- Это ты или мне кажется? – Повторила она вопрос, сделав шаг ко мне. – Думала, с ума я что ли схожу? Представляешь, я тебя уже два раза окликнула, а ты всё идёшь, идёшь и не оглядываешься.

- Задумался, извини, - пробормотал я.

- А я, главное, утром сплю и вижу сон: будто идёшь по нашей улице. Проснулась, выхожу на колонку, чтобы воды принести, смотрю, правда - ты идёшь. Ну, всё, решила, точно, сбрендила баба!

- Нет, это я, точно.

- Теперь вижу. Господи, как же я рада, что ты приехал!

С этими словами она подошла ко мне, чтобы обнять, а затем, резко отстранившись, вдруг заглянула в глаза, будто хотела увидеть себя там прежнюю и спросила:

- А почему ты здесь?

- Что значит, почему?.. – Спросил я. – Я приехал спросить, почему ты уехала, вот и всё.

- Извини, так надо было, - потупила она взор.

- Кому... надо было?

- Только не начинай, Лео, прошу тебя, - замотала она головой, - всё и так очень сложно...

Она уткнулась лбом в мою грудь, как скорбящая дева в военный памятник и потом, когда отняла лицо со светящимися от счастья глазами, уже улыбалась, будто от этого касания ей стало легче.

- Может, хочешь, чтобы я уехал? – Спросил я.

- Нет наверно...- прошептала она.

- Как «наверно»? – Решил я её помучить.

- Нет, не хочу, - сказала она.

- То –то, - поцеловал я её в лоб.

Мы стояли на улице, в окружении разноцветных домов, где на подоконниках зеленели цветы, а к заборам были прибиты почтовые ящики. Звенели сторожевые цепи и по очереди хрипло тьякали прикованные к будкам собаки. Покрытые рыжим суриком крыши упирались в небо, откуда сыпался то дождь, то снег. Летал туда –сюда ветерок, холодя щёки и забираясь за шиворот. И на фоне этой неуютной погоды её «наверно» для меня прозвучало примерно, как команда «всем под воду!» переходящей зимнюю реку пехоте.

- А ты получила мою телеграмму? – Спросил я.

- Да, вернее, нет... То есть, это надо рассказывать. Знаешь, я уехала, чтобы поменять вещи, а потом...

- Что потом?

- Так...ничего.

- Как это?

- А вот так, Лео!

Она посмотрела на меня почти сердито:

- Не могу же я ходить в одном и том же! Что -то надо было постирать... Там даже машинки стиральной нет, приходилось занимать ванну. – Она вдруг закрыла ладонью рот, сделав испуганные глаза. - Ой, блин, я же там в тазу вещи замоченные оставила, ты их постирал?

- Зоя постирала...ой...

Ляпнув на автомате, я прикусил губу, понимая, что сказал недозволенное.

- Кто?!

Цилю так испугало это известие, что она, впившись в меня глазами, стал сверлить меня взглядом:

- Зачем она приходила?

- Ты не волнуйся. Она зашла просто тебя навестить. Тебя не было. Ну, она и спросила, куда ты делась, ей надо было с тобой о чём -то поговорить. Когда всё узнала от меня, дала мне твой адрес, ну, в смысле, приметы адреса.

Циля внимательно посмотрела на меня, затем сказала уныло:

- Всё ясно...

- Что, что тебе ясно? – Стал наседать я, поняв, что сказал лишнее. – Она пришла, чтобы узнать, как наши дела, только и всего! Приготовила яичницу...

- Яичницу? – Голос Циля вдруг упал окончательно. – Ну, да, конечно, всё понятно...

- Что тебе понятно?

- То и понятно, что если хочешь расположить к себе холостяка, надо ему что –нибудь приготовить и он твой!

- Ерунда! Она к тебе, к тебе приходила, а не ко мне. Просто тебя не оказалось дома! Ты уехала, ничего не сказав. Почему ты уехала, Циля? Даже не попрощавшись!

- И долго она была у тебя? – Не слушая меня, спросила Циля.

- Она?...Ну, пару минут. Приготовила яичницу, спросила, как дела, я сразу поехал к тебе, а она осталась постирать бельё.

- Чьё бельё?...

- Твоё, твоё бельё, Циля! Про которое ты забыла, сбежав от меня!

- И о чём вы разговаривали? – Спросила она, как во сне.

- Боже мой, да ни о чём! Я не хотел быть с ней там. Я хотел быть с тобой! Спросил, как тебя найти в Торжке и уехал! Всё.

- А как же квартира? Осталась открытой?

- Почему? Мы договорились, что она оставит ключи под ковриком! Циля, я понимаю, о чём ты думаешь, но пойми, она пришла внезапно, не мог же я её выставить! Пришла и стала готовить яичницу, как я у себя дома. Я поначалу даже не встал. Подумал, наверно это ты вернулась. Лежу и выдумываю, как нужно тебя встретить обрадоваться или сделать вид, что оби-

жен. Ну, вот, лежу и понимаю, что ничего придумать не получается. Дай, думаю, всё же встану. Прихожу на кухню, а там Зоя. Привет –привет. Как дела. Вот и поговорили. А потом она спросила, что я собираюсь делать и...

- И?... - Усмехнулась она, глядя куда –то мимо меня.

- Что «и»? Никакого «и»! Я ей говорю – мне так плохо, что прямо ложись и помирай! Понимаешь, говорю ей, что мне плохо без тебя –очень! Отчаянно, несказанно плохо!

- И тогда она... – С грустной ухмылкой стала качать головой Циля,

- Ничего, представь! Сказала, чем умирать, лучше возьми и съезди к ней! Узнаешь, любит она тебя или нет.

- Так и сказала? – Не поверила Циля, посмотрев на меня в упор.

- Да, так и сказала! И вот я здесь. Теперь ты мне скажи, что случилось?

Циля посмотрела куда -то опять мимо долгим взглядом, потом ответила:

- Ладно, пойдём, раз приехал.

Она взяла меня за руку и повела за собой.

- Куда мы сейчас?

- Идём, сам увидишь.

В другой ситуации я бы, может, не дал бы увести себя, как бычка на бойню. Но сейчас, после многих часов ходьбы, голодный, уставший и с мокрыми ногами, упираться не было сил.

Дом, в котором жила Циля тоже оказался двухцветным, жёлто -зелёным. Едва мы появились у калитки, из будки выбежал свирепый пёс и начал хрипло лаять. «На место, Алтай!», приказала Циля, но собака не обратила на её команду никакого внимания. Она хрипела и огрызалась, гремя и лязгая цепью, пока мы не зашли. И лишь, когда дверь закрылась, барбос, жалобно заскулив, упал возле будки, перестав на время хрипеть.

В сенях Циля разулась и, бросив мне: «куртку повесь на вешалку», исчезла за дверью. Я огляделся. Белые рамы, тёмно -коричневый пол, зелёная дверь. Обычный придел сеней. Вдоль стены выстроилась разномастная уличная обувь от кроссовок до сапог. За дверью матренились эмалированные баки, в каких обычно варят холодец на праздники.

- Заходи, давай, чего стоишь? - Выглянув неожиданно из-за двери и заставив меня вздрогнуть от её голоса, позвала Циля.

Я зашёл. В доме было тихо и сумеречно. Из узкого просвета соседней двери мохнатым ручейком вылился кот и, задрвав хвост, потёрся о мои ноги.

- Сюда проходи, - услышал я её снова из дальней комнаты.

Разувшись, я осторожно двинулся на голос. Это был коридор, который, хотя и был освещён ближе к сеням лампочкой, но, как оказалось, такой слабой, что оставался тёмным почти на протяжении всего пути. Справа в проходе открылась кухня, вполне обычная, по-настоящему деревенская, в которой до потолка была выложена деревенскую печь, выложенная голубыми изразцами снизу и белая сверху.

Дальше я вошёл в комнату, слабо освещённую и поэтому довольно серую в этот утренний час. У дальней стены в комнате темнел гарнитур, рядом с одним окном стоял комод, а со вторым большое трюмо, у которого замерла сейчас с ватным диском Циля, решившая привести лицо в порядок. На потолке горела люстра под абажуром с единственной жёлтой лампочкой, из-за которого свет падал только на коврик под ней и частично ещё на покрытый ажурной, цвета шампани, скатертью стол. Как видно, освещать дом такими вот лампочками, в которых свет едва теплился, здесь было традицией.

Углы комнаты при таком освещении оставались абсолютно тёмными. Возможно, поэтому я вначале не заметил сидящего за столом на стуле человека, который спал, положив голову на обе руки. Это неожиданное открытие заставило меня, остолбенев, уставиться на него.

- А-а... - показал я на спящего. Циля посмотрела через отражение в зеркало туда, куда я показываю, и ничего не ответила.

- Это мой муж, Каретов. Познакомьтесь. Гриша, вставай, за мной приехали.
Выдержав паузу, сказала она. После её слов, мужчина внезапно пошевелился за столом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.